Министерство сельского хозяйства и продовольствия
Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ В БЕЛАРУСИ (1864 – 1905 гг.)

Монография

Гродно 2008

УДК 272-9 (476) «1864 – 1905»

Ганчар, А.И. Римско-католический костел в Беларуси (1864 – 1905 гг.) : монография / А.И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.

Монография посвящена выяснению направления и характера деятельности римско-католического костела на территории Беларуси в 1864 – 1905 гг.: определена степень разработанности в исторической литературе роли и места римско-католического костела в истории Беларуси указанного периода; выделены основные направления правительственной политики в отношении римско-католического костела; исследован вопрос о конверсии римско-католических храмов и влиянии этого процесса на условия деятельности костела; показана деятельность римско-католического костела по сохранению влияния в сфере образования и воспитания; проанализирован процесс введения русского языка в преподавание Закона Божьего; противостояние римско-католического костела ограничениям отправления религиозных действ.

Монография адресована специалистам в области истории римско-католического костела. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, в рамках чтения определенных курсов и спецкурсов, при подготовке соответствующих учебных, научных и научно-методических пособий по истории Беларуси и России, отечественной историографии, истории конфессий.

Табл. 8.

Рекомендовано Советом УО «Гродненский государственный аграрный университет».

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.В. Тугай;
доктор исторических наук, доцент С.В. Морозова;
доктор исторических наук, доцент С.Е. Сельверстова.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОССАРИЙ

Братство – религиозная организация, созданная при храме, монастыре, приходе, занимающаяся религиозно-благотворительной и иной религиозной деятельностью.

Викарий – священник, помощник настоятеля.

Визитатор – инспектор, ревизор.

Деканат – административная единица в римско-католическом костеле, в состав которой входят около десяти приходов; возглавляется деканом.

Догматика – учение о положениях вероучения, утвержденных высшими костельными инстанциями, объявленных непреложной истиной.

Епархия – церковно-административный округ.

Епископ – высший священнический сан в римско-католическом костеле; управляющий епархией; назначается пожизненно указом Папы Римского.

Закон Божий – учебная дисциплина, изучавшаяся в учебных заведениях Российской империи.

Каноник – священнослужитель епархиального кафедрального костела, состоящий членом капитула и назначаемый епископом.

Каноническое право – совокупность правовых норм, созданных на основании костельных постановлений, имеющих силу закона.

Капитул – коллегиальное учреждение при епархиальном епископе, состоящее из лиц духовного звания, участвующих в управлении епархией.

Каплица – небольшое культовое сооружение, место молитвы; мемориальное погребение на кладбище.

Катехизация – процесс обучения христианской вере перед первым причастием или крещением взрослых.

Катехизис – религиозная книга, в которой основы христианского вероучения изложены в форме вопросов и ответов.

Кафедра – место пребывания епископа, главы епархии; кафедральный костел, главный храм епархии; особое возвышение для чтения проповедей.

Клир – группа людей, в соответствии с каноническим правом участвующая в руководстве костелом.

Конгрегация – орган Римской курии, осуществляющий управление определенными сферами деятельности римско-католического костела; возглавляется префектом.

Конкордат – соглашение между Папой Римским как руководителем костела и правительством какого-либо государства.

Костел – здание, приспособленное для потребностей христианского культа, римско-католическая святыня; религиозная организация, объединяющая верующих католической ветви христианства, с Тридентского Собора термин используется для отличия от православия и протестантизма.

Крестный ход – религиозное обрядовое шествие в сопровождении молитв и песнопений.

Ксендз – римско-католический священник.

Курия – орган управления епархией во главе с епископом

Литургия – единство действий, совершаемых в костеле; осуществление таинства евхаристии.

Митрополит – руководитель нескольких епархий.

Монастырь – территория, на которой находятся основные монастырские постройки; основная форма организации христианского монашества, община монахов или монахинь.

Настоятель – священнослужитель, управляющий приходом или монастырем.

Паства – миряне, рядовые прихожане.

Прелат – титул высшего епархиального духовенства.

Приход – низшая церковно-административная единица, включающая несколько населенных пунктов на определенной территории; община верующих, объединенных при храме. Возглавляется настоятелем.

Римская курия – орган управления римско-католическим костелом в г. Риме.

Суффраган – викарный епископ, находящийся в подчинении епископа.

Хоругвь – священное знамя с изображениями Иисуса Христа, Богородицы, святых и событий священной истории.

ВВЕДЕНИЕ

Весомое значение религии в этнических и социокультурных процессах, пожалуй, не вызывает сомнения. «Религия, – по словам российского ученого Д.В. Пивоварова, – есть особая духовно-практическая связь между людьми, основанная на священном отношении к таким ценностям (идеям, процессам, действиям, людям, живым существам, вещам, миру в целом), которые признаются верующими наиболее важными для укрепления единства их сообщества» [567, с. 102]. Роль религии в истории народа во многом зависит от того, в каком взаимоотношении находятся этнические и конфессиональные формы данного общества: моноконфессионален или поликонфессионален данный народ, моноэтнична или полиэтнична данная религия. Имея в виду сложное переплетение различных конфессий с различными национально-политическими и государственными факторами, можно говорить, что религия выполняет одновременно этноинтегрирующую и этносегрегирующую роль, то есть служит элементом и объединения, и разъединения народа и народов. Историческая роль этой функции зависит не столько от религии, сколько от социально-экономических, политических, культурных и других факторов. В зависимости от них религия, по утверждению белорусского ученого Л. Лыча, может способствовать, с одной стороны, национализму и великодержавным претензиям какой-либо нации, межнациональным и межгосударственным конфликтам, а с другой – сотрудничеству и дружбе народов [427, с. 101].

Римско-католическая традиция была существенным фактором в истории и культуре белорусских земель. Она продолжает сохранять свое значение и в современной Беларуси, культура которой формировалась под сильным влиянием западноевропейской и восточной (православной) цивилизаций. Исследование истории римско-католического костела необходимо для освещения с научных позиций многих явлений, происходящих в современном обществе, имеющих глубокие исторические корни и традиции. Наблюдается непосредственная связь процессов исследуемой эпохи с сегодняшним этапом развития римско-католического костела в таких вопросах, как трансформация

определенных форм религиозности, приспособление костела к меняющимся условиям деятельности, перевод языка богослужения на государственные языки Республики Беларусь и т.д. Проблема получает также особенное значение в связи с необходимостью развития государственной идеологии.

Вместе с тем, в отечественной историографии только начинается формирование национальной концепции роли и места римско-католического костела в истории и культуре Беларуси, в том числе, и в интересующий нас период. Исследование не претендует на решение всего комплекса вопросов, касающихся деятельности римско-католического костела. В стороне остались многие специфические вопросы: повседневная религиозная жизнь, влияние римско-католического фактора на историческое и национальное сознание паствы, экономическое положение костела и т.д. В данной работе эти аспекты затрагиваются только для более полного раскрытия поставленных задач. Не имея в историографии основательных разработок, изучаемые проблемы, в то же время, носят знаковый характер для непосредственного существования римско-католической религии как одной из ветвей христианства на белорусской земле, имеющей свои устоявшиеся формы религиозной деятельности.

В центре внимания данной работы – изучение ряда проблем деятельности римско-католического костела в условиях жесткой конфессиональной политики, проводимой властями Российской империи после восстания 1863 г.

Целью исследуемой работы является выяснение направления и характера деятельности римско-католического костела на территории Беларуси в 1864 – 1905 гг. В связи с этим поставлены следующие задачи:

- определить степень разработанности в исторической литературе роли и места римско-католического костела в истории Беларуси указанного периода;

- выделить основные направления правительственной политики в отношении римско-католического костела, определить ее главные черты;

- исследовать вопрос о конверсии римско-католических храмов и влиянии этого процесса на условия деятельности костела;

- показать деятельность римско-католического костела по сохранению влияния в сфере образования и воспитания;

- проанализировать процесс введения русского языка в преподавание Закона Божьего и позицию костела по отношению к данной инициативе властей;

- проследить, как римско-католический костел противостоял ограничениям отправления религиозных действ.

Объектом исследования является общественная жизнь белорусских земель после подавления восстания 1863 – 1864 гг., вплоть до начала 1905 г. Предметом исследования – римско-католический костел как составной элемент жизни общества. В частности, в данной работе рассмотрены перемены, затронувшие статус римско-католического костела и его организационную структуру, а также основные направления деятельности римско-католического духовенства в новых политических реалиях.

Хронологические рамки исследования охватывают 1864 – 1905 гг. Нижняя хронологическая граница связана с началом нового курса в политике российского правительства, характерной чертой которого была активная нивелировка национальных, конфессиональных особенностей белорусских земель, их ярко обозначенная антипольская деятельность после разгрома восстания 1863 г. Верхней рамкой служит конкретная дата – указ о веротерпимости, либерализировавший условия существования римско-католического костела на территории Беларуси.

Географическими границами исследования являются белорусские земли, входившие в состав Виленской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний.

В работе использованы достижения белорусской, российской, польской и другой зарубежной историографии, законодательные материалы, архивные источники (документы по истории римско-католического костела в Беларуси), вводится широкий статистический и справочный материал, что дает возможность лучше понять характер действий людей, проводимую ими политику.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография проблемы

Изучение проблем, касающихся положения римско-католического костела на территории Беларуси в избранный период имеет давнюю историографическую традицию. На протяжении ста пятидесяти лет в ней выделились национальные школы, зачастую содержащие диаметрально противоположные оценки, оперирующие различным по полноте и происхождению кругом источников, имеющие разную степень и глубину разработки темы.

Белорусская историография римско-католического костела начала формироваться на рубеже XIX – XX вв. Ряд историков, работавших на территории Беларуси в конце XIX в. в русле идеологии «западно-русизма», посвятили данной проблеме несколько исследований. Крупнейшим среди них является М.О. Коялович, рассматривавший костел как чуждое исконно православному населению края вероисповедание [362–368]. Одним из первых к этой проблеме обратился также представитель «краевцев» А. Ельский в труде, посвященном истории Минской епархии [831; 289–291]. Автор, показав процесс введения русского языка в римско-католическое богослужение, увидел в этом отступление не только от костельных правил, но и от «краевой» традиции [831, s. 23]. Эволюцию понятия «католик-поляк» рассматривал В. Ластовский, считавший, что слово «католик» стало синонимом слову «поляк» еще в XVII в. [380, с. 82–84].

К истории костела и его взаимоотношениям с царскими властями белорусские историки обращаются, главным образом, в послевоенный период. Исследователи отмечали, что отношения между римско-католическим костелом и царизмом никогда не были однозначны [5-6; 8; 101; 328–329; 340; 349; 372, с. 236; 430–432; 610, с. 41; 611, с. 315]. Основной вывод, который делали в это время отечественные историки, – стараясь добиться одинаковых прав с православной церковью, римско-католическое духовенство, даже проявляя определенную оппо-

зицию самодержавию, никогда не выражало революционных идей, призывало к послушанию «эксплуататорам» [340, с. 36].

И. Косяк полагал, что поляки вместе с Ватиканом хотели ассимилировать белорусов, но «глубокое уважение белорусского народа к своей родительской православной вере, национальности и традиции» помешало этому осуществиться [336, с. 32]. При этом автор, назвав православную церковь участницей процесса русификации, все же видел в ней неизменную защитницу белорусского народа [336, с. 36]. Л. Гарошка считал, что костел душил все проявления белорусского национального движения, однако не подкрепил свои утверждения фактами [87, с. 142–143]. По мнению православного архиепископа А. Мартоса, изложившего краткий очерк истории римско-католического костела в изучаемый период, в государственной и вероисповедной жизни белорусского народа идет многовековая борьба двух народных стихий – польско-латинской и белорусско-православной, причем белорусская народная сила для него вполне заменима русской народной силой [10, с. 284, 288–289].

История римско-католического костела на территории Беларуси интересующего нас периода до начала 1990-х годов не была в центре пристального внимания белорусских историков. Правда, эта проблематика с различной степенью глубины поднималась в связи с изучением вопросов социально-экономического развития белорусских земель, этногенеза, формирования современных границ Беларуси и др.: П.В. Терешковичем было отмечено изменение в этнической самоидентификации белорусов в связи с антикатолической политикой властей; Л. Лыч писал о костеле, как о сдерживающем факторе в процессе этногенеза белорусов; Э. Зайковский увидел в костеле единственную легальную организацию, не проповедовавшую официальную идеологию, что позволило вырасти на его почве белорусской национальной идее [305, с. 264, 269; 393; 425–426, с. 58, 68; 456, с. 381; 703; 704, с. 655–657; 741; 861]. С позицией Э. Зайковского в одной из своих работ солидаризировалась и В. Григорьева [108, с. 39].

Тема влияния религии на формирование белорусского этноса была продолжена на рубеже тысячелетия. С. Токть, исследуя этноконфессиональную ситуацию на Гродненщине, конста-

тировал, что римско-католический костел оказывал большее влияние на жизнь своих прихожан, чем православная церковь [678, с. 85; 679]. Подчеркивали это влияние в своих трудах А.Р. Ящанко, А.П. Житко, Т.Т. Кручковский [754, с. 17; 755; 296; 298–300; 1019; 373; 862–863]. Позиция последнего в решении проблемы католичества и «польскости» вызвала резкую и, в целом, справедливую критику А. Смоленчука [641]. Л. Подгайская отметила, что российские чиновники и военные, приехавшие в Беларусь по «муравьевскому призыву», однозначно рассматривали местную римско-католическую шляхту как поляков, противопоставляя ее православному русскому крестьянству. Автор далее замечает, что конфессиональные и этнические отличия двух сословий царские власти все время старались углубить и что само участие шляхты Беларуси в восстании 1863 – 1864 гг. было одной из причин восприятия ее как поляков не только в России, но и в странах Европы [484, с. 8–9].

Белорусские исследователи на рубеже тысячелетий неоднократно обращались к теме конфессиональной политики царизма в Беларуси [15; 77; 90–91; 285; 302; 317; 584; 597; 607; 624; 628–630; 646; 671–672; 729–731; 772; 967–968]. Различные ее аспекты по отношению к костелу представлены в работе Н. Забавского, считавшего, что во второй половине XIX в. антипольскость и антикатоличность пронизывала всю кадровую политику правительства на территории Беларуси, но в начале XX в. здесь наблюдается отхождение от традиционной политики русификации [301, с. 126, 145]. С. Токть отметил, что стратегической целью политики царизма в Беларуси было полное уничтожение особенностей и традиций, как потенциального источника сопротивления имперской власти [677, с. 80]. И. Гончарук посвятил ряд работ репрессиям по отношению к костелу, проблеме выбора языка богослужения [80–84]. А.Ю. Бендин отметил, что этноязыковая и конфессиональная идентичность в конце XIX – начале XX вв. усилилась [27, с. 158], что римско-католический костел имел ту степень свободы, какую он мог иметь, дабы не угрожать целостности империи и положению православной церкви, а тесная связь католицизма и польского национализма обостряла обстановку [28–29].

Проблемы истории римско-католического костела поднимает в работах, посвященных польскому движению, А.Ф. Смоленчук. Автор пишет, что отождествление «польскости» и католичества славянской частью верующих католиков создавало условия для активизации не только религиозной, но и общественной деятельности костела [638, с. 99; 639, с. 41]. Начатое российскими властями преследование «польскости» углубляло чувство польского патриотизма и усиливало привлекательность польской культуры и католической конфессии, приобретавшей вес существенного цивилизационного фактора [640, с. 40]. Царизм, как полагает автор, выгодно для себя считал православных русскими, а римско-католиков поляками, так как мог не видеть в них белорусов [636, с. 54].

Интерес к истории костела на территории Беларуси на рубеже тысячелетий подтверждается появлением множества публикаций научно-популярного и научного характера в журнале «Наша вера» [585; 683]. Ответом на этот интерес стало появление монографических и диссертационных работ, посвященных конфессиональной проблематике.

Одна из наиболее значительных работ – коллективное исследование «Канфесіі на Беларусі» [335]. Стоит согласиться с мнением Ю.А. Бачище, что из-за обзорного характера книги не получилось достаточно обоснованно рассмотреть все аспекты национально-религиозной политики царизма в отношении костела в Беларуси и его влияния на белорусский народ [17, с. 4]. Для нас интерес представляют подготовленные В.В. Григорьевой (В.В. Яновской) разделы – «Политика русификации населения через православную церковь», «Отношение власти к католичеству», «Указ о веротерпимости и изменения в положении христианских конфессий», «Национальные аспекты в деятельности христианского духовенства» [335, с. 71–93, 110–124]. В.В. Григорьева отметила, что в отличие от православной церкви, позиции которой на протяжении второй половины XIX в. – начала XX в. значительно укрепились, костел терял свое былое влияние в Беларуси [335, с. 86]. Продолжением научных изысканий автора является монография, изданная в 2002 г., в которой анализируются перемены в положении христианских конфессий Беларуси в 1863 – 1914 гг., статьи [105–108; 748;

749]. Для автора очевидно, что роль костела на территории Беларуси состояла в том, чтобы поддержать польское влияние, «польский дух» среди белорусского населения, что костел поддерживал полонизацию [749, с. 129, 143]. Политика царизма характеризовалась постоянным стремлением ослабить влияние римско-католического костела на белорусский народ [107, с. 63; 747]. Анализируя законодательство начала XX в. в Российской империи о свободе совести, автор пришла к выводу, что указ от 17 апреля 1905 г., как и манифест от 17 октября 1905 г., сохранил преобладание православной церкви и регулирующую роль государства [748, с. 120]. Ценным для нашего исследования является обзор историографии, сделанный в совместной статье В.В. Григорьевой и Е.Н. Филатовой [99]. Историографические данные приводит и С.В. Морозова [434].

Историей конфессиональных отношений в исследуемый нами период занимался В.Н. Линкевич. По его убеждению, активное участие римско-католического населения в антиправительственных выступлениях послужило основанием для принятия царизмом ограничительных мер в отношении костела [385, с. 13; 387; 388, с. 29]. Это делалось, по мнению автора, для избежания возможных революционных событий на территории Беларуси [419, с. 234]. Автор считает, что римско-католический костел добивался полонизации белорусского народа, что негативно сказалось на процессе формирования белорусской нации и роста национального самосознания белорусов [419, с. 234–235]. Этот сделанный В.Н. Линкевичем вывод не был обоснован фактами в публикации. Для В.Н. Линкевича очевидно ослабление позиций костела в белорусских губерниях, подтверждением этого для него служит сокращение удельного веса римско-католиков в структуре местного населения [385, с. 16; 420, с. 29], однако царской администрации не удалось добиться ослабления «польскости» и оппозиционности костела [384, с. 105; 420, с. 29]. Продолжением научных изысканий В.Н. Линкевича явилась диссертационная работа на степень кандидата исторических наук, в которой исследовано состояние, характерные черты и особенности отношений между конфессиями, их определяющие факторы, в отдельном разделе рассматривался вопрос взаимоотношений католиков и православных [386]. Автор пришел к вы-

воду, что, несмотря на ограничительные мероприятия власти, римско-католический костел продолжал оставаться важным фактором религиозного и политического влияния в Беларуси, что конфессиональные процессы в Северо-Западном крае были тесно взаимосвязаны с тенденциями социального, политического и этно-культурного развития, напрямую зависели от конфессиональной политики царской администрации [386, с. 16–17]. Вместе с тем, автор, на наш взгляд, не объективен, заявляя, что «католическое духовенство являлось активным проводником политики полонизации края, а вот православная церковь служила главным орудием в борьбе за общерусское единство и сближение с Россией, что придавало взаимоотношениям православной и католической конфессий характер религиозно-политической борьбы» [386, с. 16]. Что же касается защиты собственных интересов нехристиан, «то с их стороны наблюдалось стремление сохранить свои традиции, религии, обряды» [386, с. 15]. Таким образом, если римско-католическое духовенство отстаивало свои права – значит, оно стремилось к полонизации народа, а если иудейское или мусульманское делало то же самое, то оно стремилось отстоять традиции, религию и обряды. На наш взгляд, В.Н. Линкевич, ставя знак равенства между католицизмом и «польскостью», не увидел специфики деятельности костела как религиозного института в условиях Российской империи, что, впрочем, не являлось целью его исследования.

Ряд статей, а также диссертационную работу посвятил истории римско-католического костела Ю.А. Бачище. Это, в частности, статьи, в которых отражены позиции губернаторов в отношении костела, истории принятия отдельных документов [18; 19, с. 119; 20, с. 149–150, 152–153]. Результатом исследовательской работы Ю.А. Бачище стала кандидатская диссертация «Католическая церковь в национально-религиозной политике царизма в Беларуси (1900 – 1914 гг.)». Во второй главе диссертации «Католическая церковь в правительственной концепции Российской империи на рубеже XIX – начала XX в.» показаны идейно-теоретические основы (подчинение церкви государству, идея «единой и неделимой» Российской империи, западно-руссизм, политика русификации окраин) национально-религиозной политики царизма на белорусских землях. Основ-

ным объектом воздействия ее стал римско-католический костел, что, по мнению автора, было вызвано отрицательным отношением духовенства и мирян к политике правительства в Северо-Западном крае. Царизм стремился всячески ограничить влияние католиков в западных губерниях и преобразовать их со временем в русских и православных. Подчеркивалась характерная для этого времени политизация обеих христианских церквей, где происходила замена христианских ценностей на государственные имперские. И если римско-католический костел не соглашался идти по этому пути, то православная церковь почти полностью поддерживала государственную идеологию, чему содействовала позиция Святейшего Синода и его руководителя К.П. Победоносцева. Автор отмечает характерное для царизма искусственное отождествление конфессиональной и национальной принадлежности, согласно которой белорусы-католики зачислялись к полякам, а православные белорусы – к русским [17, с. 8]. Вместе с тем, Ю.А. Бачище не занимался специально историей костела, его положением и деятельностью в интересующий нас период, рассматривая их только в связи с поставленными им задачами исследования.

Российская историография указанной проблематики начала формироваться уже в исследуемый нами период. В русской исторической школе этого времени можно условно выделить два направления – консервативно-монархическое и умеренно-либеральное, появление и становление которых было тесно связано с политической ситуацией. Значительную роль в формировании взглядов на судьбы римско-католического костела в Российской империи играла славянофильская традиция с присущим ей религиозным толкованием общественных коллизий [95, с. 9].

Консервативно-монархическое направление наиболее ярко представлено в работах, большая часть которых не отличается, на наш взгляд, высоким уровнем научного исследования. Как правило, это представители официозной науки, использовавшие в своих трудах язык публицистики. Одним из наиболее распространенных в этих работах являлось следующее положение: римско-католический костел служит «действенным инструментом полонизации в Северо-Западном крае, проводимой враж-

дебно настроенными к России поляками». В 1863 г. с этим тезисом выступил Ф. Еленев, подчеркнув необходимость укрепления связей между Северо-Западным краем и русскими губерниями империи [288]. Не обошли эту тему и славянофилы: И.С. Аксаков призывал католиков славянского мира отречься не только от польского языка и подчинения Риму, но и от всего, что отделяет их от «братьев-славян» Российской империи [3–4; 873]. Ю.Ф. Самарин, отметив враждебность костела к России, объяснял ее антагонизмом католического и православного мировоззрения [609]. На этих же позициях стоял и профессор Московского университета И.П. Филевич, близкий по своим воззрениям к западно-русизму [696, с. 3, 7, 9].

Отдельный сюжет в российской историографии второй половины XIX в. составляет деятельность М.Н. Муравьева. Апологию его заслуг в деле русификации Северо-Западного края и насаждения православия, как и его преемников на посту генерал-губернатора, оставил в своей работе П.Д. Брянцев [37]. Более глубокой работой, содержащей, однако, те же оценки, является книга П.Н. Батюшкова [16]. В этой работе проявилась черта, характерная для западно-русизма: автор рассматривал историю Беларуси через призму борьбы православия и католицизма, последовательно оставаясь на позициях защиты «русской народности, притесняемой латинянами». По его мнению, все попытки правительства подчинить себе костел, упрочить «русские исторические начала» в Северо-Западном крае не достигли своего результата [16, с. 176].

Выше названные авторы солидаризируются во мнении, что католиком на белорусских землях может быть только поляк, представители же восточного славянства непременно должны быть православными.

К консервативно-монархическому направлению относятся публикации, посвященные частным вопросам истории римско-католического костела [7; 297; 472–475; 464; 601–602; 604; 680]. Н.Д. Кузнецов в своем труде «Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии» дал перечень правовых актов, характеризующих политику Российского государства по отношению к римско-католическому костелу, обращая особое внимание на попытки Римского двора открыть

постоянное представительство в империи для руководства делами римско-католиков [375]. Профессор Санкт-Петербургского университета А.С. Будилович, рассматривая вопросы управления национальными окраинами империи, специально остановился на характеристике Виленского епископа К. Гриневицкого, представляя его как ярого поляка-латинянина, выступающего против интересов России [38, с. 22]. Ряд работ по интересующей нас проблеме оставил А.П. Владимиров [66; 67]. Он полагал, что опасность полонизации западно-русского населения посредством костела возрастает в связи с близостью польского и русского языка, что для польских патриотов «ополячивание» западно-русского народа является непременным условием восстановления Польши [66, с. 106, 108]. А. Липранди попытался оправдать политику в отношении костела тем, что гражданские власти намеревались «освободить» население Беларуси от «польско-католического ярма» [391, с. 9].

После указа о веротерпимости (1905 г.) смягчается тон работ, вышедших из-под пера представителей консервативно-монархического направления. В этом смысле характерна публикация А.В. Жиркевича, посвященная ксендзу Ф. Сенчиковскому. Автор приводит множество фактов, характеризующих эпоху, дает характеристику губернаторов, директоров департаментов, министров, православного и римско-католического духовенства. Он сожалеет, что процесс введения русского языка в «дополнительное» богослужение не был произведен с достаточным упорством, в чем винит не только ксендзов и помещиков, но и гражданские власти [294, с. 661; 295, с. 59].

Умеренно-либеральное течение в российской историографии было представлено значительно беднее, чем консервативно-монархическое, но эти работы отличались большим профессионализмом. К проблеме положения костела в России неоднократно обращался В.С. Соловьев, обосновывавший естественность поведения костела в условиях репрессий, защищавшего устоявшуюся традицию, формы и методы управления паствой [453, с. 53]. С.В. Соловьев призывал к единению две великие исторические силы: римское католичество и православную Россию [652, с. 243]. К. Богословский, описывая структуру управления костелом в России, отметил полную его подчиненность гражданским

властям [34, с. 173]. Труд К.К. Арсеньева, служившего в департаменте министерства юстиции, представляет собой сборник статей о религиозной свободе, напечатанных им с 1886 г. по 1894 г. в «Вестнике Европы» [9]. По его мнению, требования, выдвигаемые костелом и его паствой, естественны, а стеснение прав католиков недопустимо в цивилизованной стране [9, с.205]. В связи с этим он призывал к отмене запретительных распоряжений в отношении костела [9, с. 208].

Часть авторов видела причины конфликтной ситуации, возникшей в Беларуси на религиозной почве, в неадекватной политике, проводимой властями. Это, в частности, характерно для авторов сборника «Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия», изданного в 1910 г. [633, с. 288–289; 697]. Особняком в этом сборнике стоит работа Михала Ромера, одного из лидеров «краевцев». В статье «Поляки» он ставит вопрос о дискуссионности традиционного для России того времени отождествления конфессиональной принадлежности (католик) с национальной (поляк), указывая, что под «польским обликом» скрываются католики белорусы и литовцы [594, с. 362]. Этих взглядов придерживался и лидер «краевцев» Р. Скирмунт, издавший в г. Львове работу об этноконфессиональных проблемах и политической жизни земель Литвы и Беларуси [941].

Советский период изучения истории костела в Беларуси можно условно разделить на два этапа. На первом из них, охватывающем 1920 – 1950 гг., советские историки, руководствуясь установками «воинствующего» атеизма и классовым подходом, негативно оценивали всю деятельность костела, указывали на сотрудничество Ватикана и царизма в деле подавления революционного движения [428, с. 49]. В этом ключе написаны работы Е.А. Адамова, Е.А. Коровина, М.М. Шейнмана, К.Н. Николаева, частично эти взгляды разделял и Е.И. Рубинштейн [1; 355; 736; 738; 461; 599].

Второй этап, начавшийся в период «оттепели» 1960-х годов и продолжавшийся до распада СССР, характеризуется использованием сравнительно широкого круга источников, большей глубиной. В этот период исследователи начинают осваивать новую проблематику: репрессии царского правительства по от-

ношению к костелу, роль религии в формировании нации и др. Более взвешенной становится и оценка роли костела [35; 737, с. 241; 739–740].

Одним из первых вопрос о репрессивной политике царизма в отношении римско-католического духовенства поднял А.Ф. Смирнов, представив статистические данные о сосланных в Сибирь ксендзах, участниках восстания 1863 г. [642, с. 98]. Эту проблематику расширил В.М. Зайцев [307, с. 105–107, 139]. М.Н. Куров отметил особенно жесткие репрессии против костела именно в Западном крае. Он же привел статистику «отпавших» от православия после указа о веротерпимости [378, с. 171].

По-иному, чем в предыдущие годы, в советской историографии рассматривалась проблема взаимоотношений Римской курии и царизма. Согласно наблюдениям Т.С. Снытко, высшее духовенство римско-католического костела в Российской империи вынуждено было поддерживать сословные интересы правящей аристократии, однако не могло открыто заявить о своей лояльности к царизму, находившемуся в это время во враждебных отношениях с Римской курией. Низшее же духовенство также стояло перед дилеммой: с одной стороны, поддерживало патриотические чувства польского населения, с другой – подчинялось лояльному к правительству духовному руководству [649, с. 41, 48]. И.Р. Григулевич отметил, что Римская курия искала пути сближения с Российской империей, дабы бороться с революционными настроениями в обществе, даже поляков в 1884 г. призвала к покорности властям [100, с. 103]. Следует выделить и труды Я.В. Минкявичюса, в которых рассматриваются методологические вопросы взаимосвязи религии и нации, место и роль религии в обществе. В качестве фактологической базы автор использует историю костела в Литве. Он отмечал своеобразный симбиоз костела и польской нации, определяя его как польский религиозный стиль, в котором конфессиональное переплеталось и срасталось с национальным, порождая позитивные и негативные явления [447, с. 184–185]. Автор выступает против тезиса поляк-католик, считая это проявлением ненависти между нациями [447, с. 228; 446, с. 31]. В теоретическом плане поднятые Я.В. Минкявичюсом вопросы осмыслил в своей работе П.И. Пучков, основываясь на марксистском виде-

нии взаимоотношений национального и конфессионального [581]. И. Блахницкая, проанализировав стереотип поляк-католик, отметила, что католицизм в доктринальных принципах не оперирует понятиями «народ», «нация», а пользуется понятием «человечество», ибо он не является национальной религией [31, с. 119]. Фактологический материал о положении костела в царской России привел в своей известной работе П.А. Зайончковский [306].

В связи с исследованием взаимоотношений костела и царизма следует привести и ряд работ, касающихся православной церкви [279; 353; 462; 674]. Об использовании царизмом православной церкви для решения политических задач писал в своей работе Н.П. Красников [369, с. 31]. Ему противоречил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, акцентировавший внимание на «подневольный» характер сотрудничества клира и правительства [325, с. 219].

В этот период издавалась и научно-популярная литература, освещавшая проблемы взаимоотношения государства и римско-католического костела [339; 342; 422; 711].

Традиции советской историографии продолжила российская историография конца XX – начала XXI вв., но в ней проявились многие черты, характерные для российской исторической мысли дооктябрьского периода, как-то: проблема связи костела с польским освободительным движением и этнической идентификации католиков [42].

Брошюра В. Задворного и А. Юдина стала одной из первых работ по истории римско-католического костела в России, выполненной на основе научной обработки исторической документации. Авторы пишут о костеле в России как о неотъемлемой части ее истории, а не как о чем-то чужеродном, отмечают, что польский вопрос монополизировал в России католическую проблематику, что вполне входило в планы русского правительства. Этим достигалась своеобразная консервация католичества, практически исключавшая попытки обращений среди русского населения [303, с. 19]. Авторы считают, что непримиримость позиции Рима и местной римско-католической иерархии заставила дипломатию Александра II пойти на новые переговоры [303, с. 20]. Однако деятельность

самого костела не была проанализирована. Подобные суждения характерны и для собственно работы В. Задворного [304]. Так же, как В. Задворный и А. Юдин, А.К. Тихонов объяснял сопротивление римско-католического духовенства (которое подталкивало и паству) проводимой правительством политике тем, что распоряжения последнего были не канонические [675, с. 146]. Автор отмечал, что руководство Российской империи фактически не посягало на свободу вероисповедания католиков, а ограничения касались вопросов распространения римско-католической веры на православное население [675, с. 145].

И.К. Смолич справедливо считал, что во всех мероприятиях русского правительства против католицизма и при его отношениях с Римской курией на заднем плане неизменно маячил «польский вопрос», а восстание 1863 г. утвердило правительство в его антикатолическом курсе [645, с. 285]. С.В. Римский назвал вполне логичным стремление Санкт-Петербурга ослабить позиции римско-католического костела, поскольку на его авторитет опирался «польский элемент», в котором власти видели главное препятствие для интеграции Западного края с основной частью империи [591, с. 45]. Впрочем, эта мысль не была новой – ее в 1907 г. высказывали авторы «Истории России в XIX в.» [332, с. 289]. С.В. Римский отметил, что конфессиональная политика правительства способствовала интеграции края с другими частями империи, но фактами сделанный вывод не подтвердил [591, с. 43]. Автор фундаментального исследования социальной истории России периода империи Б.Н. Миронов отметил, что католицизм не дал полякам примириться с потерей суверенитета [448, с. 36, 41].

В ряде работ современных российских авторов, посвященных роли религии в формировании этнических общностей, одним из объектов исследования выступают поляки-католики Российской империи [85, с. 9; 321; 567, с. 102; 593, с. 8; 596; 632, с. 10; 668; 698]. Авторы этих трудов почти единодушно отождествляют католиков и поляков. Иначе смотрят на проблему С. Голованов, В. Задворный, Е.Н. Цимбаева, освещавшие вопрос о переходах известных людей из православия в католичество: для исследователей принятие католичества не тождественно полонизации [92; 303; 304; 712; 713], в отличие от П.В. Знаменского,

назвавшего в учебнике для семинарий русских католиков «изменниками русской народности и веры» [318, с. 56].

Большинство авторов (С. Опеля, Я. Прокоп, А.В. Липатов, М.В. Лескинен, Я. Савицкая, С.М. Фальковича, Е.З. Цыбенко, Л.Е. Горизонтов, В.А. Хорев) польско-российского проекта по изучению взаимоотношений поляков и русских отмечают, что помимо культурного притяжения, государственное противостояние и конфессиональная нетерпимость порождали и поддерживали негативные образы и отрицательные стереотипы во взаимных представлениях поляков и русских [94; 383; 389; 390; 471; 578; 608; 693; 699; 723].

Своеобразным подведением итогов изучения российско-польских отношений в XIX в. в российской историографии стала книга известного российского ученого Л.Е. Горизонтова, посвященная анализу противоборства российской государственности и польской исторической традиции. Отдельную главу российский историк посвятил анализу законодательства разноверных браков в истории русско-польских отношений. Рассматривая вопрос о соотношении понятия «поляк-католик», отметил, что попытки решить «польский вопрос» средствами конфессиональной политики приводили лишь к его обострению, внося дополнительную путаницу в управление огромной многонациональной державой [95, с. 61–68, 101–115].

Отдельные аспекты интересующей нас проблемы отражены в работах А.Э. Гетманского, В. Платонова, О.Б. Чаплицкого, И. Осиповой, Э.А. Паина, З. Яхимовича, В.П. Гайдук, А. Крысова, О.А. Лиценберга и др. [78; 89; 324; 350; 485; 570; 752; 374; 417; 580; 627; 695].

Положение костела в Российской империи в 1864 – 1905 гг. стало предметом польской историографии одновременно с самими изучаемыми событиями. В.В. Григорьева и Е.Н. Филатова отмечали, что труды польских исследователей содержат огромный фактологический материал и потому очень важны для нас [99, с. 656–657]. Однако работы польских авторов, особенно изданные за пределами Российской империи, зачастую тенденциозны: для них характерна апология деятельности костела и однозначно негативная оценка политики царских властей в национальных и конфессиональных вопросах [847; 856; 932;

938; 1020]. Это, в частности, характерно для изданной анонимно в г. Кракове книги «Moskiewskie na Litwie rządy 1863 – 1869», составленной на основе рассказов участников событий и выдержек из дневников [888]. Трагедией для автора является нарушение традиций, обычаев римско-католиков, ставится знак равенства между католиками и поляками [888, s. 180, 275]. В этом же духе написано вышедшее в г. Париже издание неизвестного автора «Duchowieństwo polskie wobec sprawy narodowej», развивавшего идеи польского мессианизма [786], и изданная в г. Львове также анонимная работа, автор которой видел причину неудач Российской империи в справедливой Божьей каре за действия против католической веры [915]. С. Щепановский прямо называл Виленского епископа К. Гриневицкого польским апостолом [958, s. 212].

Характерной по своим оценкам и выдвигаемым тезисам является работа С. Кшеменецкого [864]. Автор представил, пожалуй, все наиболее распространенные в то время в среде польских историков и публицистов, находящихся за рубежами Российской империи, положения относительно места костела в России. Не отождествляя понятия «поляк» и «католик», он считает, что быть настоящим поляком – значит, быть католиком и искренне беречь веру [864, s. 1–2, 233, 266] В этом же ключе написан труд А. Важунского, бывшего во времена управляющего Виленской епархией П. Жилинского в числе его капитула [990]. Особое внимание автор обратил на проблемы перевода римско-католических богослужебных книг на русский язык и негативное отношение к этому процессу рядового духовенства и населения Беларуси [990, s. 107]. Описание репрессий царского правительства в отношении костела помещено в работе Г. Леливы (А. Тышкевича) и публикации, посвященной сорокалетней годовщине восстания 1863 г. [876, s. 21–24; 991]. В ряде работ Л. Василевского находится материал по истории костела, введению русского языка в римско-католическое богослужение [987–989].

Польскоязычные книги о римско-католическом костеле в пределах Российской империи начали издаваться в первые десятилетия XX в. Авторы либо выказывали в них лояльность по отношению к правительству, либо позволяли себе лишь осторожную критику в адрес последнего. Как правило, эти работы отра-

жают историю отдельных римско-католических епархий, иных костельных структур, содержат статистическую информацию, но в них почти нет оценок происходивших событий [787; 824; 918; 951; 1012]. В этом смысле показателен труд кандидата теологии ксендза К. Прополаниса, утверждавшего, что причину упадка «польскости» надо искать в религиозном, политическом и экономическом положении Европы и Литвы [918, s. 119]. В труде ксендза Я. Курчевского, базировавшегося на местных и приходских архивах, с большим пиететом характеризуются К. Гриневицкий, А. Авдевич, Л. Зданович, С. Зверович, Э. Ропп, а римско-католическое духовенство, поддержавшее правительство, он называет предателями [871, s. 70–75; 872]. Уникально издание ксендза Ю. Жискара, в котором присутствует разнообразный материал по истории костела, с иллюстрациями, сравнительными фотографиями упраздненных храмов, процессий, ксендзов, паствы и т.д. [782; 1016–1018].

В межвоенной Польше проблема положения костела в Российской империи становится одной из популярных тем. Уже в 1919 г. выходит первая работа, содержащая некоторый фактический материал по истории костела [961, s. 6]. В этот период освещение данного вопроса шло в русле официальной идеологии II Речи Посполитой: белорусские земли рассматривались в качестве «кресов всходних», а костел – как один из факторов сохранения здесь «польскости» [889; 953; 960]. Ксендз Р. Арчутовский считал, что только благодаря активному сопротивлению простого народа и некоторых усилий духовенства, почерпнувшего у последнего патриотизм, удалось отстоять польский язык в костелах Беларуси [762, s. 258]. Ксендз А. Буду причину ввода русского языка в костельную практику видел в желании властей посеять вражду между поляками, по преимуществу своему католиками, и Римской курией [775, s. 476]. Л. Василевский отмечал, что белорус-католик впитывал в себя польскую культуру, а белорус-православный – русскую [988, s. 68–69]. Р. Хорошкевич в связи с этим заметил, что конфессиональная принадлежность не влияла на взаимоотношения шляхетских фамилий [820, s. 4]. В. Стах подчеркивал значение костела для освобождения поляков [947]. Оценку вклада костела в польскую национальную культуру дал в своей работе Г. Голба [813].

Проблематика истории костела возникала и в связи с исследованием социально-экономической истории белорусских земель. Авторы отмечали, что антикатолическая и антипольская политика правительства Российской империи отрицательно сказалась на развитии экономики Беларуси, в этих трудах содержится разнообразный статистический материал, характеризующий политику царизма по отношению к костелу [835; 937; 1014].

А. Неселовский, И.С. Петжак, Ар. Сливинский продолжили исследование проблемы репрессий по отношению к костелу после подавления восстания 1863 г. [896; 913; 964]. Я. Василевский рассматривал жизнь и деятельность архиепископов и администраторов Могилевской архиепархии, их взаимоотношения с правительством Российской империи и Римом [986].

Особо стоит отметить труд епископа П. Кубицкого [865]. Для автора костел и Отечество тождественны, он однозначно считает всех ксендзов поляками, воспитателями патриотов, после поражения восстания всемерно старавшихся добыть свободу краю [865, s. 6]. Своеобразным ответом на его труд стала книга З. Нагродского, критиковавшего П. Кубицкого за отбор материалов только о ксендзах, боровшихся за польское дело. З. Нагродский показал, что из 616 ксендзов Виленской губернии, 115 приняли русский язык в «дополнительном» богослужении [892, s. 69].

В этот период продолжают издаваться и информационные издания, не имевшие характера аналитических работ, в частности, издание Виленской епархии на определенный год, где давались исторические сведения о костелах и приходах, в том числе и на белорусских землях [777].

В послевоенный период польские авторы стремились подойти к исследованиям непредвзято: отмечали двойственность в деятельности римско-католического духовенства, а также властей; углубилась проблематика, связанная с этно-конфессиональными вопросами [770–771; 850; 866; 870; 891; 906; 994].

Одной из первых в этот период появляется монография М. Урбана [973]. Историк, рассматривая интересующий нас период, отметил, что вся костельная деятельность находилась под

контролем гражданских властей, а несогласие как со стороны духовенства, так и со стороны паствы строго преследовалось [973, s. 285]. С. Моравский, проанализировав положение костела в Германии, Российской империи и Австро-Венгерской империи, пришел к выводу, что только в Российской империи он был в положении третируемого, что, сливаясь с таким же положением польского народа, делало костел опорой «польскости». По его мнению, только миряне и низшее духовенство стояли на патриотических позициях, а высшее духовенство призывало к послушанию царю [887, s. 31]. Подобные взгляды высказывали К. Джимала и Р. Анджиевский [785, s. 76; 760–761], а также авторы обобщающей работы по истории костела, вышедшей в 1981 г. [817, s. 6].

Ряд исследований по проблемам костела на белорусских землях подготовил в это время профессор Люблинского католического университета Б. Кумор [867–869]. В сфере его интересов – репрессии по отношению к костелу в Российской империи, роль в политике властей Римско-католической духовной коллегии, отношения империи с Римской курией [867, s. 373, 376]. Е. Дилонгова, рассматривая численность репрессированных ксендзов после восстания 1863 г., отметила, что костел был единственным польским институтом, существовавшим во всех частях разделенной Речи Посполитой, а ксендз, таким образом, становился интегрирующей единицей польского народа [789, s. 151]. Тему репрессий в отношении костела продолжили Д. Олшевский, Т. Влодарчик, К. Левальский, Л. Заштовт [878; 898; 998; 1006]. По мнению Е. Клочовского, Е. Мюлеровой, Е. Скарбека, на Беларуси римско-католическая вера имела прочные традиции и поддерживалась не только стараниями духовенства, но и паствы [846, s. 234; 853]. Сравнивая отношение царских властей к костелу в Царстве Польском и на белорусских землях, они констатировали, что на территории Беларуси репрессии были более жесткими и радикальными [846, s. 236; 905].

В книге Я. Данелоу, Х.И. Марроу излагается история костела в духе экуминизма, дается история католических народов и в этом контексте – история костела в Российской империи [783, s. 81–82, 579–586]. Исследователи отметили важную объединяющую миссию костела для поляков, разделенных

тремя государствами, и активную общественную деятельность низшего духовенства, повлекшую за собой репрессии в отношении всего костела [783, s. 81, 585]. М. Банашак, Р. Прейс, М. Адамчик и С. Пастушок считали, что римско-католический костел до событий 1863 г. был под особенной протекцией имперских властей, а после активного участия ксендзов в восстании власти развернули политику репрессий [763, s. 303, 307–308; 917, s. 333; 756, s. 83]. К. Левальский полагал, что костел стал объектом репресий со стороны Российской империи поскольку воспринимался царизмом не столько как духовный институт, а как реликт польской общественности на землях империи [878, s. 24]. Этих же взглядов придерживается и П. Нитецкий [897, s. 164].

Польскими авторами подготовлены работы, посвященные персоналиям, истории отдельных храмов и епархий [837; 841; 857–858; 884, с. 82–87; 860; 881; 939; 934]. Д. Олшевским подробно описаны визиты знатнейших родов Чарторийских, Любомирских, Яблонских, Сапегов, Потоцких к Римскому Папе в 1881 г. и 1888 г., в ходе которых обсуждалось положение костела на территории Беларуси [900]. Л. Базылов и Р. Юрковский обратили внимание на деятельность Э. Роппа, причем первый из них не считал Э. Роппа значительной фигурой в истории костела [767, s. 364; 833].

В польской историографии в последние десятилетия выкристаллизовалась, как одна из наиболее значимых, проблема взаимосвязи конфессиональной и национальной идентификации, в данном случае – соотношение понятий «поляк» и «католик». Польские исследователи, в основном, единодушны в том, что эти понятия в изучаемый нами период были тождественны, чему поспособствовала позиция властей, видевших в костеле сосредоточие «польского духа» [438, с. 44; 776, s. 3, 46; 778, s. 200; 788; 814, s. 14; 808; 809; 821–823; 834, s. 43; 877, s. 49; 890; 901–903; 907–908; 935; 940, s. 215; 946; 949, с. 110–111; 979; 981; 1001, s. 16; 1008, s. 32]. М. Радван считал, что политика царизма в отношении костела была направлена на интеграцию империи [922, s. 198]. В большинстве этих работ прослеживается вывод о двойственной позиции костела в указанный период. Я. Говин полагал, что костел, находясь под прессом царских репрессий,

не мог не высказывать лояльность властям, особенное высшее духовенство, и одновременно костел всемерно укреплял свою солидарность с народом, усиливая народное сознание [814, s. 14]. Вместе с тем многие авторитетные польские ученые обратили внимание на роль костела в формировании белорусского этноса [766; 784, 795; 843, 848; 924; 955; 959; 980; 985; 993; 1007]. П. Эберхард, А. Лебих, Р. Дзвонковский, С. Ланец, Ю. Туронок и другие отмечают влияние римско-католической веры, ксендзов на белорусское национальное движение, указывая, что его представители вышли из католической шляхты [743; 765, s. 377; 791–793; 874, s. 82; 879; 931, s. 9; 970, s. 80; 989, s. 5; 1010, s. 656]. Об этом же пишет и белорусский исследователь из г. Белостока Я. Миронович [449, с. 124]. Основываясь на самоидентификации белорусов-католиков, польский историк Р. Радик в работах, посвященных этногенезу белорусов, пришел к выводу, что католичество содействовало вызреванию белорусского самосознания даже в большей мере, чем самосознания польского [583; 925–927]. Л. Яскевич, изучив отчеты губернаторов Северо-Западного края, сделал вывод, что костел на землях Беларуси способствовал сохранению и укреплению «польскости» [826, s. 6]. Цель антикатолической политики правительства, по его мнению, была в выведении белорусских крестьян из-под влияния костела, тем самым увеличив численность православных, а значит, верноподданных империи [825–830].

Польские исследователи в ряде работ приводят значительный фактологический материал, систематизируют его, не делая специального анализа приводимого материала [331, с. 121; 344; 764; 794; 805; 840; 868].

Зарубежная историография, представленная трудами американских, английских, французских, немецких, литовских исследователей, освещает такие вопросы, как культурологический аспект деятельности костела, его роль в формировании национального самосознания. Правда, материал, относящийся к территории Беларуси, приводится спорадически, как подкрепление теоретических построений [21, с. 165; 327; 341; 423; s. 879; 757–758; 806; 818, p. 71–72; 838; 882–883; 943, s. 41–42; 975–978; 992; 1011; 1015]. В изданной в 1869 г. в г. Берлине книге неизвестно-

го автора утверждалось, что пока правительство своей властью не запретит ксендзам употреблять польский язык в богослужении, все попытки правительства по введению русского языка обречены на провал [576, с. 17]. Французский профессор Э. Марешаль, а также М. Перно отношения между Римской курией и Российской империей объясняли только сугубо международной политикой [433, с. 995; 911, s. 194, 207]. П.С. Вандыч считал, что восстановление отношений между Российской империей и Римом и их взаимные договоренности рушили надежды поляков на поддержку костела [983, s. 239, 244]. Духовный отец, ассумпционист Антуан Венгер на основе изучения частных архивов утверждал, что бюрократический аппарат Российской империи хотел «подмять» под себя римско-католический костел так же, как это было сделано с православной церковью, полностью подчиненной царю после введения должности обер-прокурора Святейшего Синода [52, с. 18, 60]. Немецкий историк-марксист Э. Винтер, изучив документы из немецкого и австрийского архивов, пришел к выводу, что целью Римского двора в отношениях с Российской империей было насаждение католицизма в России [63, с. 13], а Россия стремилась использовать авторитет Папы в решении «польского вопроса» [63, с. 333–334; 64; 997]. Труд немецкого историка Р. Линднера ценен характеристикой белорусской, польской, украинской, немецкой историографии, публицистики, касающейся нашего предмета исследования, а также анализом статистики 1897 г., сопоставлением данных, приводимых исследователями из разных стран [418, с. 28–32].

Таким образом, в дореволюционной российской исторической литературе преобладает точка зрения о костеле как «враждебном элементе» Российской империи, православию, возвеличиваются проводимые светской властью мероприятия по укреплению в крае «русского дела». Часть авторов призывала к единению двух великих исторических сил: католичества и православия; естественной признавалась отличная догматика римско-католического костела; подвергалась критике политика правительства в отношении католиков, не способствовавшая умиротворению края. В советский период характерно рассмотрение римско-католического костела как гонителя революционного движения, действующего исходя лишь из

собственных корыстных побуждений. Но отмечалась и двойственность его положения в крае, подчеркивалось, что стремясь добиться одинаковых прав с православной церковью, римско-католическое духовенство проявляло в лице некоторых своих представителей дружелюбие к правительству. Современные российские исследователи рассматривают костел как неотъемлемую часть истории России, справедливо полагая, что на отношения римско-католического костела и Российской империи влиял т.н. «польский вопрос».

Для ранней польской историографии характерно преобладание эмоций, простое изложение действий правительства против римско-католического костела. Популярной становится идея польского мессианизма. Авторы, большинство из которых причисляло к католикам только поляков, начинают говорить о польской традиции в костеле. В начале XX в. все больше уделяется внимания исследованию причин, закономерностей в сложившемся положении римско-католического костела. Появляется суждение, что в католиках следует видеть не только поляков, но и представителей других наций: литовцев, белорусов и т.д. Авторы заостряют внимание на неоднозначности действий римско-католического духовенства, на значении костела для польской культуры, как единственного института, объединившего поляков на трех разделенных землях Речи Посполитой. Современные польские авторы рассматривают римско-католический костел в другом ракурсе: отношение к языкам, национальным движениям, оценке вклада в культуру народов.

Некоторые аспекты исследовательской работы рассматривались белорусскими авторами в связи с разработкой других тем. За последнее десятилетие появились более объективные исследования, которые касались конфессиональной политики царского правительства и роли римско-католического костела в истории и культуры Беларуси. Однако в отечественной историографии не сложилось устойчивое видение целей, методов, характера деятельности костела в указанный период, что обусловило необходимость проведения данного исследования.

1.2 Источники и методы исследования

Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные документы. В монографии использованы материалы отечественных и зарубежных архивов: Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно [45–48; 119–131; 133; 135–137; 140–156; 160–164; 168; 170–171; 175; 177; 179; 181–182; 184–187; 189; 191; 195–196; 199; 208–209; 211–212; 214; 216; 219; 221–222; 225; 227–229; 232–233; 237; 240; 242–243; 245–246; 248; 251–252; 254–259; 261–262; 269–277; 528; 530–531; 535; 538–566; 586–588; 621–622; 654–659; 664; 670; 685–689; 714; 716–721], Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске [49–51; 117; 132; 134; 138–139; 157–159; 165–167; 172–174; 176; 178; 180; 183; 188; 190; 192–194; 197–198; 200–202; 204–207; 210; 213; 215; 217–218; 220; 223–224; 226; 230–231; 236; 238–239; 241; 244; 247; 249–250; 253; 263–268; 529; 533–534; 623; 715; 722], Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге [118; 169; 203; 260; 532; 536–537], рукописных отделов (отделов редкой книги) библиотек Беларуси. В исследовании использованы материалы делопроизводства государственных учреждений Российской империи: канцелярий Виленского генерал-губернатора и местных губернаторов, губернских правлений и уездных учреждений. В них находятся многочисленные сведения, отражающие коммуникативную связь гражданских структур с местным римско-католическим костелом, деятельность духовенства, его имущественное состояние, число и состояние культовых зданий, численность и состав верующих. Кроме этого, использованы источники из фондов Департамента духовных дел иностранных исповеданий, структур Минской и Виленской римско-католической епархии, Могилевской римско-католической архиепархии – это, главным образом, документы епархиальных консисторий, деканатов и приходов, в которых отражены распоряжения высших органов управления костелом, пастырские послания епископов, акты визитаций, распоряжения и отчеты деканов, инвентари костелов. Подобные источники позволяют представить, как проходил процесс приспособления костела к политическим реалиям Российской империи, как исполнялись правительственные ука-

зы. В них представлена информация о пастырской деятельности римско-католического духовенства, содержатся факты о римско-католических братствах, местных религиозных традициях и другие.

Систематизацию касающихся римско-католического костела документов Национальных государственных архивов г. Гродно и г. Минска провел М. Радван [582; 921; 923]. Уникальным изданием, в котором совершена попытка систематизации аналогичных материалов архива в г. Санкт-Петербурге, является также труд М. Радвана «Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwach Petersburgskiego Kollegiume Duchownego (1797 – 1914)», а также вышедший в 1999 г. справочник-путеводитель «История Римско-Католической Церкви в Российской империи в документах Российского государственного исторического архива (XVIII – XX вв.)». Это издание подготовлено коллективом авторов-составителей под руководством настоятеля прихода святого Станислава в г. Санкт-Петербурге ксендза К. Пожарского [923; 331]. Документам Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий министерства внутренних дел посвящена совместная работа М. Радвана и А. Соколова [343]. В 2003 г. вышел труд, обобщивший и систематизировавший дела, относящиеся к истории францисканского ордена и конгрегаций в период существования Российской империи с указанием возможно полного списка этих документов. Составитель С.Г. Козлов включил в указатель перечень архивных дел, иллюстрирующих экономическое, правовое, финансовое положение монастырей бернардинского, францисканского, капуцинского, реформаторского орденов; выявлены и вошли в издание документы о строительстве, ремонте и закрытии костелов и монастырских строений, принадлежавших различным ветвям ордена, сведения о числе окормляемых прихожан, самом духовенстве и так далее [283].

Главным отечественным источником по истории Минской римско-католической епархии является фонд Минской римско-католической духовной консистории, в котором собраны дела за 1499 – 1887 гг.; по истории Могилевской архиепархии – фонд 1781 «Могилевская римско-католическая духовная консистория», содержащий 55697 единиц хранения за 1688 – 1922 гг.

Наиболее полно в этих фондах представлены документы общеепархиального и общекостельного характера: многочисленные указы и распоряжения духовной и светской власти, свидетельства положения храмов, духовенства и верующих [139; 165; 173–174; 180; 190; 202; 204; 230; 236; 238].

Материалы исторического архива в г. Гродно являются значительным отечественным источником по исследованию Виленской римско-католической епархии. Необходимую для раскрытия темы информацию содержат фонды Гродненского деканата и целого ряда отдельных костелов. Некоторая часть этих документов отражает общее положение костела в государстве: распоряжения высших органов власти и пастырские листы епископов, которые рассылались по всем приходам. Наиболее ценными для исследования стали материалы фонда Гродненского деканата: указы Виленской римско-католической духовной коллегии, сведения по замещению вакантных духовных должностей, отношения между духовенством, их действия, отношение правительства к ксендзам, административно-территориальная структура, местный культ и другие [131; 175; 199; 211–212; 530; 554–555; 685–689].

В Российском историческом государственном архиве в фонде 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД» (1810 – 1917 гг.) хранятся разнообразные дела по костелу [702]. Мы упомянем лишь те описи, документы из которых непосредственно приведены в данной работе: опись 3 «Материалы по католическому исповеданию в России и Царстве Польском» (1828 – 1917 гг.) – сведения по сопротивлению введению русского языка в «дополнительное» богослужение, распространению запрещенной литературы, о службе высшего римско-католического духовенства [532]; опись 125 «Римско-католическое отделение Департамента духовных дел иностранных исповеданий, ведавшее делами о католиках, армяно-католиках и мариавитах» (1800 – 1900 гг.) – законоположения по положению костела, документы об употреблении при «дополнительном» богослужении в римско-католических храмах русского языка и наложения взысканий на ксендзов, отказавшихся выполнять это распоряжение (1867 – 1903 гг.) [169; 203; 118; 260;

536]; опись 138 «Секретный отдел» (1845 – 1917 гг.) – сведения об отношениях Римского двора с Российской империей [537].

При написании исследования были использованы также опубликованные источники, прежде всего законодательные акты и статистические материалы.

Наиболее важными среди сборников законодательных материалов для нас оказались «Полное собрание законов Российской империи» [572–575], «Свод законов Российской империи» [625–626], «Законодательные акты переходного времени» [308], систематизированные Я.А. Канторовичем, И.М. Белоголовым, постановления правительства, относящиеся к вероисповеданиям [334; 26], ряд других изданий [282; 371; 465; 476; 600; 616–619; 684; 691; 744; 929]. Анализ этих источников позволяет охарактеризовать конфессиональную политику правительства, проследить этапы ее эволюции.

Сборники документов советского периода не уделяли должного внимания положению костела на территории Беларуси, но статистические сведения все же содержали: численность римско-католиков в учебных заведениях, римско-католического духовенства [68; 71; 280; 700–701].

В 1996 г. вышел труд В.Н. Черепицы, представляющий собой сборник документов (служебные записки государственных чиновников, их переписка, донесения чинов полиции, жандармерии и так далее) из литовских, российских, белорусских архивов с авторским комментарием. Для нас оказались ценны документы, содержащие материалы о епископах, ссыльных ксендзах, введении русского языка в костелы [732].

В сборнике документов, составленном польским историком М. Радваном, приведены материалы, свидетельствующие о мерах, принятых к ослаблению католицизма, противоречившие веротерпимости: «О мерах, принятых к ослаблению католицизма в Западном крае» (1879 г.) и «Меморандум Могилевского митрополита Георгия Эдварда Шембека» (1904 – 1905 гг.) [344, с. 45–99]. В другом труде М. Радвана приведены документы, освещавшие ход визитаций римско-католических епископов на территории Беларуси. Их хронологические рамки не входят в наш период исследования (визитация А. Денисевича – 1909–1910 гг., Я. Цеплака – 1910 г., В. Клучинского – 1912–1913 гг.),

но документы ценны показом традиций католиков [854, s. 133–229].

Разнообразные источники публикуются в римско-католическом журнале «Наша вера», а в 2002 г. в нем была открыта специальная рубрика «Архивная страничка» [728; 750; 278; 289–291].

Статистические материалы, в том числе данные, собранные офицерами Генерального штаба в начале 60-х годов и вошедшие в «Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям», материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи, разнообразные статистические сборники, отчеты, «Памятные книжки» и «Обзоры губерний», отражающие количество римско-католического населения, храмов, финансовое положение римско-католических епархий, позволяют определить этно-конфессиональный состав населения Беларуси, проследить его динамику [13; 88; 309; 435–436; 466–470; 477–482; 487–521; 524–527; 579; 598; 619; 661–663; 665; 681; 690; 746]. Впрочем, следует критически подходить к указанным цифрам, что отмечалось в некоторых сборниках непосредственно [663, с. 63].

Проблема римско-католического костела, рассматриваемого как чужеродное явление в стране, где православие являлось господствующей религией, неоднократно поднималась в полемических статьях, выходивших в периодических изданиях в 1880-х – 1890-х годах. Спектр поднимаемых в связи с этой проблемой вопросов, как правило, был достаточно ограничен даже в сборниках статей, изданных в то время: авторы ратовали за введение русского языка в римско-католическое богослужение, восхваляли лояльно настроенных к правительству представителей римско-католического духовенства и унизительно критиковали отличных от них, характеризовали католиков как врагов православия [55–61; 102, с. 469–478; 103, с. 28, 101; 104, с. 154; 338; 394–416; 478; 523; 590, с. 433–434; 603; 605; 612; 620; 634, с. 9; 660; 705–711; 742; 790].

В качестве источника были использованы материалы мемуарного характера [39–40; 70; 72; 96; 319; 323; 451; 733]. Следует отметить субъективность подобного рода источников. Авторы мемуаров, занимая ответственные посты в государствен-

ной иерархии, являлись активными проводниками политики государства, и, соответственно, оценка происходивших событий дана с официальных позиций, а подбор материалов страдает тенденциозностью. Еще в 1831 г. во «всеподданнейшей записке» М.Н. Муравьев назвал римско-католическое духовенство «самым враждебным элементом» в Северо-Западном крае, которого нельзя привлечь благодеяниями. Введение русского языка генерал-губернатор рассматривал как одну из мер, способную уменьшить влияние римско-католического духовенства на местное население [443, с. 4]. В литературе отражены мнения по проблеме других генерал-губернаторов, православного руководства [440–445; 452].

В «Виленских очерках» А.Н. Мосолова, составленных в виде личных воспоминаний во время службы автора в г. Вильно при генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве, довольно нелестно, как стремящихся к наживе, характеризуются главные вдохновители «располячивания»: А. Немекша, Э. Тупальский, П. Жилинский [450]. Автор признал недостаточность и непоследовательность репрессивных мер против костела, что, по его мнению, предоставило римско-католическому духовенству возможность надолго оставаться «самым сильным и деятельным врагом России в ее собственных пределах» [450, с. 115–118].

В труде И.П. Корнилова помещены сведения о сложности введения в Виленском учебном округе римско-католического катехизиса на русском языке в учебный курс [354, с. 69, 108]. Он не считал польский язык в «дополнительном» богослужении препятствием к искренней любви к России, а видел прямую угрозу в органической связи костелов Западного края с костелами в Польше и Западной Европы, в их иерархическом подчинении [354, с. 221; 486].

В 1961 г. были опубликованы мемуары С.Ю. Витте, П.А. Валуева. Восприятие действительности С.Ю. Витте, отношение к важнейшим политическим событиям эпохи и лицам, таким как Александр II, Александр III, П. Баранов, К.П. Победоносцев, представляют большую ценность для понимания эволюции царизма и мировоззрения людей, которые находились у власти [65]. П.А. Валуев отмечал, что «польский вопрос» осложнен не

только вероисповеданием, но и различием степеней гражданской цивилизации и памятью прошедшего [41, с. 99].

Ф. Савицкая и И. Рупинская составили библиографию польских изданий 1801 – 1914 гг., что весьма оказалось полезным для нашего исследования [936]. В польской мемуаристике (Э. Хлопицкий, Э. Павлович, Л. Чарковский, Э. Войнилович) содержатся факты, свидетельствующие об активном посещении паствой римско-католических храмов, отношении населения к римско-католическому духовенству, репрессиях по отношению к костелу. Авторы убеждены в том, что римско-католическая вера укрепляла патриотические чувства поляков [44; 779; 909–910; 781, 930; 999].

В качестве справочного материалы были задействованы энциклопедические издания, а также документы, размещенные на сайтах всемирной электронной сети [22; 310–316; 337; 345; 421; 568; 570; 606; 615; 635; 694; 745; 797–799; 816; 894; 914; 916; 928].

Таким образом, сведения, содержащиеся в основных источниках-документах государственных учреждений Российской империи, губернских и местных органов власти белорусских земель, культовых учреждений, правовых актах и статистических материалах, позволяют дать достаточно полную характеристику избранной темы исследования. Рапорты местных губернаторов, «всеподданнейшие отчеты» – это существенный материал для споров над внутренней политикой Российской империи: адресованные императору (копии к министру внутренних дел) содержали в себе информацию и мнения о политической, хозяйственной, общественно-культурной, религиозной ситуации; выражали ментальность российских администраторов. Косвенные источники, которыми являются материалы периодической печати, мемуары, работы отечественных историков и публицистов тех лет, в значительной мере дополняют осмысление условий и среды, оказывавших влияние на римско-католический костел.

Методологическую основу исследования составляют основообразующие принципы и методы исторического познания. Для достижения положительных результатов исследования автор исходил из принципов объективности,

историзма и аксиологического принципа.

В качестве одного из методологических принципов в работе принят отказ от разделения христианских конфессий, что существовали на территории Беларуси, на истинные и ошибочные, исторические и неисторические; ориентация на гуманистические принципы духовной и религиозной свободы, равенства вер.

Принцип объективности в данном исследования основывается на анализе широкого круга архивных источников и других документальных материалов, всестороннем изучении предмета исследования с целью выявления его сущности и связей с другими объектами, сопоставление полученных данных с результатами исследований других ученых в этой отрасли, их перепроверки и уточнения. Оценочные суждения и выводы автор стремился основывать на фактическом материале, полученном в результате сопоставления и анализа сведений различных источников.

Принцип историзма требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности. Некоторые аспекты проблемы изучались от их генезиса до завершенности, что вынуждало выходить за указанные хронологические границы. Римско-католический костел исследовался не только как индивидуальный объект, но и в конкретно-исторической обусловленности, во взаимодействии и в взаимодетерминации с другими процессами. Таким образом, рассматривались, в частности, проблемы: римско-католический костел и политика самодержавия на территории Беларуси, римско-католический костел и социально-экономическая, политическая, международная ситуация, которая постоянно изменялась как по сущности, так и по форме.

Применение аксиологического принципа использовалось во взаимодействии с принципом объективности. Аксиологический подход реализовался в историографическом анализе, что позволило выявить положительные моменты в исследованиях наших предшественников по данной проблеме, а также аспекты, которые не нашли своего отражения в научных разработках или получили искаженный вид. Этот принцип применялся и при анализе источников: в центр внимания помещались наиболее

полные и информативные. Аксиологический принцип позволил избежать субъективных, односторонних оценок при выявлении роли и места римско-католического костела в истории Беларуси.

Практическим инструментом при проведении исследования явились как общенаучные методы (синтеза и анализа, индукции и дедукции, перехода от конкретного к абстрактному и, наоборот, системно-структурного анализа), так и традиционные конкретно-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и историко-типологический. Указанные методы использовались комплексно, с учетом их специфики.

Основным способом достижения определенных результатов в процессе познания стал историко-генетический метод, согласно которому исследуемый объект рассматривается в процессе развития (генезиса). Этот метод нашел свое применение как при анализе историографии проблемы, так и при рассмотрении конкретных исторических событий и фактов. Таким образом было прослежено развитие римско-католического костела на протяжении определенного периода, его взаимоотношения с гражданской властью, выявлена связь конфессиональных процессов с тенденциями этно-культурного и социально-политического развития, показано влияние международных отношений на конфессиональную политику. Этот способ исторического исследования помог автору работы определить истоки и причины изменений традиционно сложившихся форм осуществления религиозной деятельности римско-католического костела на территории Беларуси.

Второй важной частью методики стал историко-сравнительный метод, предусматривающий сопоставление исторических объектов в пространстве и во времени и выявление сходства и различий между ними. С целью отражения качественных изменений положение римско-католического костела постповстанческого периода (после 1863 – 1864 гг.) сравнивалось с предшествующим периодом. Использование данного приема анализа исторического материала позволило определить специфику взаимоотношений римско-католического костела с правительством и православной церковью.

В исследовании был использован также культурологиче-

ский метод системности, предполагающий рассмотрение проблемы в комплексе, раскрытие целостности объекта исследования и выявление его многообразия, позволивший исследовать римско-католический костел на основании анализа взаимодействия его структурных частей, а также выделить римско-католический костел в качестве подсистемы общей своевременной системы – Российской империи. В частности, это касалось взаимодействий между римско-католическим духовенством (как высшим, так и низшим) и царским правительством, положения духовной, религиозной, политической, культурной конъюктуры в постповстанческом периоде и ориентации империи на унификацию своей территории, единообразности.

Историко-типологический метод реализовался, в частности, при выделении в среде римско-католического духовенства групп «благонадежных» и «неблагонадежных», «своих» и «правительственных», «ритуалистов». При этом выявлялось как общее по своей сущности, так и специфическое в их деятельности, высказываниях, отношении к ним властей.

Важное место в работе с историческим материалом заняли методы количественного анализа. Они нашли свое применение в процессе работы с источниками, в особенности со статистическими материалами, при составлении таблиц. На основании анализа численности духовенства, верующих, культовых учреждений, их изменения автор работы проследил динамику конфессиональной ситуации и определил ее тенденции.

Указанные принципы и методы позволили достичь определенных результатов на практическом и теоретическом этапах подготовки данного исследования, помогли раскрыть содержание и специфику изучаемых объекта и предмета.

ГЛАВА 2 ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1864 – 1905 гг.)

2.1 Правовое положение римско-католического костела

Юридическое оформление статуса римско-католического костела в Российской империи началось после присоединения к Российской империи восточных земель Речи Посполитой во времена первого раздела. Екатерине II удалось обойти каноническое право и авторитет Апостольской Столицы в вопросах, связанных с обустройством нового белорусского епископства в империи. Протесты Римской курии были напрасны. В начале октября 1773 г. в г. Вильно была совершена епископская хиротония Станислава Сестренцевича. Таким образом, определилась главная особенность правового положения римско-католического костела в Российской империи: политика в отношении его строилась без согласования с Римом, и, соответственно, законодательные нормы увязывались с российским прецедентным правом [331, с. 126].

Продолжая политику Екатерины II, Александр I указом от 13 ноября 1801 г. создал римско-католическую духовную Коллегию в г. Санкт-Петербурге для управления римско-католическим костелом в империи. Это учреждение также не находилась в согласии с римско-каноническим правом. В ее составе оказывались в качестве членов или асессоров епископы, прелаты и каноники, в большей или меньшей степени зависимые от царской власти [331, с. 127]. В Коллегии видимость независимого управления должен был изображать митрополит, фактическую же роль главы учреждения выполнял светский прокурор. Являясь учреждением неканоническим и не имеющим аналогов в мире, Коллегия находилась в постоянном конфликте со Святейшим Престолом. Конфликт обострился в 1801 – 1847 гг. и 1866 – 1917 гг., когда Коллегия взяла на себя роль третейской инстанции в бракоразводных делах [344, с. 28; 424].

В 1875 г. вследствие переговоров между Римским Папой и правительством Российской империи, Папа признал Коллегию как учреждение, ведавшее административно-хозяйственными

делами. Она состояла из двух членов, назначаемых императором (под председательством Могилевского римско-католического архиепископа) и 12 заседателей, которых выбирали епархиальные капитулы и утверждал министр внутренних дел [749, с. 36].

Для ведения текущих дел в епархии создавались духовные консистории. Согласно каноническим правилам римско-католическая консистория – это канцелярия епископа, права и обязанности которой зависели от его воли. Однако правительство империи внесло свои изменения: в состав духовных консисторий вводились светские чины (секретарь, столоначальник, архивариус). Римская курия неоднократно высказывалась против введения этих лиц, рассматривая это как ограничение прав епископа. Но подобное положение дел сохранилось и в начале XX в. [749, с. 39].

Ограничение канонических прав епископа правительством наблюдалось и в назначении настоятелей римско-католических приходов: они хотя и назначались епископами, но лишь с согласия местного гражданского руководства. Только в Минской губернии назначение на должность настоятеля и увольнение осуществлялось с согласия Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Это исключение было установлено во второй половине XIX в. в связи с кампанией по введению русского языка в римско-католическое богослужение. Закон от 4 декабря 1905 г. несколько смягчил порядок: согласие гражданских властей требовалось только при первом назначении ксендза, если он ранее не имел духовной должности [749, с. 39–40].

Коллегия, как и консистории, не являлась единственным учреждением государственного надзора за римско-католическим костелом. Важную роль здесь играло учрежденное в 1810 г. Главное Управление духовных дел инославных исповеданий. В 1817 г. это учреждение было включено в состав министерства духовных дел и общественного образования, а с 1832 г. оно присоединилось к министерству внутренних дел под названием Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Здесь оно существовало до августа 1917 г., когда его присоединили к созданному тогда министерству исповеданий. Руководство Департамента доводило до сведения римско-католической и греко-католической Коллегий волю царя и готовило законопроекты,

касающиеся неправославных вероисповеданий [344, с. 28]. Через министра внутренних дел эти проекты согласовывались с другими органами высшей власти, а окончательно утверждались императором.

Политика в отношении римско-католического костела определялась самодержцем, реализация же политики зависела от министров, а начиная с 1832 года, – от руководителей Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Список министров открывал А.Н. Голицын, исполнявший в 1810 – 1817 гг. роль руководителя Управления духовных дел инославных исповеданий. Министры сменялись достаточно быстро: в 1832 – 1917 гг. этот пост занимало 26 министров, каждый из которых был на этом посту в среднем около трех лет. Число руководителей Управления духовных дел было существенно меньшим и составляло 13 человек. Первым в списке был Г.И. Карташевский (1824 – 1829), занявший эту должность еще при министре общественного образования Блудове. Вторым стал Ф.Ф. Вегель (1829 – 1840), сохранив свою должность при переводе в министерство внутренних дел в 1832 г. В составе министерства внутренних дел в интересующий нас период руководителями поочередно были: Е.К. Сиверс (1856 – 1877), А.Н. Мосолов (1877 – 1882), М.Р. Кантакузин-Сперанский (1882 – 1894), повторно А.Н. Мосолов (1894 – 1904), В.В. Владимиров (1905 – 1908). Срок пребывания на этой должности составлял около семи лет. Однако двое из списка выполняли свои функции гораздо дольше – Е.К. Сиверс в течение 21 года, А.Н. Мосолов в течение 15 лет. Каждый из них оставил свой след в отношениях российского государства к костелу [344, с. 29].

Средством общения российского двора с Апостольской Столицей (Римским двором, Римской курией) с 1801 г. стала российская Миссия в г. Риме, подчинявшаяся министерству иностранных дел. В ее задачу входило оповещать Рим обо всех решениях и вопросах, высказанных от имени епископов, римско-католической Коллегии и министерства внутренних дел. Миссия выступала посредником в прошениях об освобождении просителей от определенных костельных предписаний и информировала Рим о персональных решениях царя относительно назначения епископов. Миссия осуществляла свою деятельность

нерегулярно. Причиной тому были трудности политического характера. Миссия действовала в годах 1801 – 1804, 1816 – 1864, 1894 – 1917. Тридцатилетний перерыв в деятельности Миссии (1864 – 1894) был связан с возникшими напряжениями в отношениях между Российской империей и Римской курией и отменой конкордата 1847 г. [344, с. 29].

До середины 40-х годов XIX в. отношения Российской империи с Римским двором оставались напряженными. В 1845 г. Николай I посетил Рим. 22 июня 1847 г. с Папой Григорием XVI был подписан конкордат, согласно которому учреждалось восемь римско-католических епархий в Царстве Польском и семь в остальной части империи с архиепископской кафедрой в г. Могилеве. В итоге устройство римско-католического костела в Российской империи стало выглядеть следующим образом: во главе стоял архиепископ, который имел сан митрополита; ему подчинялись епархии во главе с епископами, которые в свою очередь руководили духовными консисториями; во главе консисторий стояли оффициалы – помощники епархиальных епископов в решении текущих вопросов; консистории управляли кафедральными капитулами – совещательными органами из числа наиболее авторитетных прелатов при каждом кафедральном костеле; при епархиях имелись епископы-суффраганы, которые выполняли службы, требующие архиепископского сана и были готовы временно заменить епископа [675, с. 142]. Согласно законодательству империи, епископы должны были назначаться указами Сената по предварительному их каноническому утверждению. Но на практике правительство империи и Римская курия считали управляющими епархиями разных лиц. К примеру, в Виленской римско-католической епархии за поддержку восстания в 1863 г. был выслан в г. Вятку епископ Адам-Станислав Красинский. На протяжении 20 лет епархией управляли прелаты, которых Рим не признал, так как до 1883 г. Виленским епископом считался А. Красинский. В 1883 г. по соглашению между правительством и Римской курией епископскую кафедру занял Карл Гриневицкий, высланный в 1885 г. за свои неугодные светской власти действия в г. Ярославль. Римская курия опальному епископу придала сан архиепископа [749, с. 38].

До середины 1840-х гг. законодательство, регулирующее деятельность римско-католического костела, основывалось на прецедентом праве. Однако упорядочение российского права, предпринятое правительством в этот период, затронуло и костел. В 1845 г. был принят первый уголовный кодекс России – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава вторая данного закона «Об отступлении от веры и постановлений церкви» в числе других преступлений из разряда «Об отвлечении и отступлении от веры» упоминала совращение из православного в иное христианское вероисповедание, в том числе, в римско-католическое. Виновный в совершении такого преступления приговаривался согласно статье 195 Уложения к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке «на житье в губернии Тобольскую или Томскую» или «к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до двух лет». В случае доказательства употребления принуждения и насилия при совращении из православия в католичество – виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь и наказанию плетьми [417, с. 91]. В 1857 г. в Российской империи принимается первый Устав духовных дел иностранных исповеданий. Согласно статье 24 Устава, архиепископа, епархиальных епископов и епископов-суффраганов назначал император по предварительному согласованию с Римским Папой. Они были обязаны присягать на верность императору и наследнику престола и являться только российскими подданными. На территории империи римско-католические приходы могли создаваться лишь в связи с резким увеличением католического населения, обширностью существующих приходов и трудностью сообщений [625, с. 9, 11, 28].

В 1894 г. был принят новый «Устав духовных дел иностранных исповеданий», закрепивший существование 12 римско-католических епархий в Российской империи. Кроме Могилевской архиепархии, была создана Варшавская. Ей подчинялись все римско-католические епархии в польских землях. В статье 17 специально оговаривалось, что все христиане римско-католического исповедания (духовные и светские из подданных Российского государства) имеют отношения с Римской курией не иначе, как через министерство внутренних дел [625, с. 12, 17].

В новом уставе, который действовал до 1917 г., остались значительные ограничения на свободу отношений католиков Российской империи с Римом.

Общероссийские законы в Северо-Западном крае были дополнены после восстания 1863 г. рядом негласных распоряжений, стеснявших развитие конфессии: о запрете без согласия губернатора назначать ксендзов на высшие духовные посты и законоучителями (циркуляры от 19 и 23 января 1865 г.); о запрете заштатным ксендзам произвольного исполнения богослужения и христианских обрядов (циркуляры от 13 января, 27 июня 1867 г.); о запрете ставить на полях и дорогах кресты и вешать иконы без разрешения гражданского начальства (циркуляры от 8 июля 1864 г. и 19 сентября 1867 г.); о запрещении проведения крестных ходов вне стен костелов или далее костельных оград (циркуляр от 31 января 1866 г.); о запрете пользоваться польским языком в официальной переписке, в государственных учреждениях, общественных местах (циркуляры от 12 февраля, 24 марта 1864 г., 9 июня 1868 г.); о запрете распространения польской письменности и литературы на польском языке среди православного населения (циркуляр от 1 января 1864 г., 24 августа 1866 г., 2 января 1869 г.) [335, с. 86; 716, л. 7–35; 749, с. 40–41].

За несколько десятилетий пребывания в Российской империи римско-католическое духовенство лишилось многих своих прав: могло подвергаться арестам по решению светских властей, заключаться в тюрьму или монастыри под надзор полиции, подвергаться ссылке и так далее. Ни один священник без официального разрешения не мог выехать из своего прихода (в том числе для того, чтобы помочь в другом приходе во время исповеди) [331, с. 127]. Полиция и жандармерия следили за содержанием проповедей, которые подлежали обязательной цензуре (позволялось также в качестве проповеди читать тексты из религиозных книг, дозволенных цензорами). Ремонт костельного здания, установка крестов без разрешения администрации подлежали суровой каре как злоупотребления. На епископские должности самодержавие выдвигало людей престарелых и часто немощных. После конфискации земельной собственности, произведенной в первой половине XIX в., дополнительным рычагом управления

костелом стал размер денежного содержания священнослужителей. Для подчинения духовенства, в зависимости от степени лояльности, власти могли увеличивать или сокращать размер содержания. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, первый отдел которого управлял делами католиков, имел прекрасную службу информирования и слежки, составлял формуляр на каждого священника.

В начале XX века к римско-католическому костелу в Российской империи принадлежало более 10 миллионов человек. После изменений структуры управления костелом они в итоге входили в две архиепархии: Могилевскую (с епархиями: Виленской, Тельшевской или Самогидской, Луцко-Житомирской и Тираспольской) и Варшавскую (с епархиями: Августовской или Сейнской, Калижской, Люблинской, Келецкой, Плоцкой и Сандомирской) [749, с. 37].

В этот период резко увеличилось число запросов римско-католического духовенства к правительству империи с ходатайствами по изменению порядка управления костелом. Все они были направлены в министерство внутренних дел и рассматривались в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Приняты были следующие ходатайства: предоставление епископам разрешающего права на постройку и починку костелов, устройство кладбищ, сбор пожертвований, постановку крестов и статуй при дорогах, в полях и лесах без сношений с православным ведомством и министерством внутренних дел. Закрепление только за Могилевским митрополитом исключительного права попечительства над римско-католическими духовными заведениями: духовной академией и семинариями. Сюда включалось право рассмотрения программ русских предметов, направление за границу за казенный счет наиболее способных воспитанников, освобождение от контроля со стороны губернаторов документов лиц, которые поступают в римско-католические учебные заведения, право епископам назначать и увольнять семинарское начальство и профессоров без предварительного согласования с гражданской властью с уведомлением ее о каждом увольнении и назначении, принимать в семинарии любое число воспитанников и самим судить об их образовательном цензе, признание за членами педагогического совета (не католиками) лишь

возможности пассивного испытания по Закону Божьему и введение римско-католического богословия в вузах. Руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий не вычеркнуло также требований оградить римско-католическое богослужение и духовное образование от чрезмерного применения русского языка [675, с. 145].

В 1904 г. митрополит Могилевский Георгий Эдвард Иосиф Шембек (1851 – 1905) вручил министру внутренних дел обширный меморандум, требующий изменений в отношениях между царской властью и римско-католическим костелом. В меморандуме он представил стеснения, не позволившие костелу нормально функционировать. Среди них важнейшими являлись: запрещение непосредственных контактов со Святейшим Престолом; необоснованные вмешательства в религиозные дела духовной Коллегии – неканонической с точки зрения костельного права; большая территориальная обширность римско-католических епархий при малой численности епископов и священников; упразднение монастырей; цензура даже в отношении деятельности проповедников; манипуляция служащими консистории; зависимость местонахождения духовенства внутри епархии от воли местных губернаторов; репрессивные меры, применяемые к священникам, получившим негативную оценку местной полиции [344, с. 32; 439].

Меморандум не вызвал непосредственных перемен. Однако год спустя политическая жизнь Российской империи оживилась. В высочайшем указе 12 декабря 1904 г. в пункте 6 император указал: «Подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [344, с. 33]. Во исполнение царской воли Комитет министров выработал положение «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. В нем объявлялась свобода перехода из православия в другие вероисповедания; отменялся обязательный перевод в православие детей в случае, если один из родителей принимал православие [344, с. 33]. Оговаривалось также и преподавание Закона Божьего на природном

языке учащихся и только духовными лицами соответствующего исповедания. В отношении римско-католического исповедания пересматривалось право на строительство костелов. Теперь для их открытия требовалось только согласие духовного римско-католического руководства, наличие необходимых денежных средств и соблюдение технических требований строительного устава. Ставилась задача добиваться положительного решения со стороны императора отмены закона о проверочных испытаниях по русскому языку для римско-католического духовенства и о разрешении католическим духовным и светским лицам основывать религиозные общества и проводить новые наборы новициев (послушников) в римско-католические монастыри [675, с. 145].

Как справедливо отметила В.В. Григорьева (В.В. Яновская), указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. не поколебал позиций православной церкви в жизни страны. Более того, в статье 4 «Устава духовных дел иноземных вероисповеданий» подчеркивалось, что в границах государства одна господствующая православная церковь имеет право привлекать на свою сторону последователей других вероисповеданий и иноверцев для принятия ее учения о вере. Главный стержень конфессиональной политики – сохранение господствующей роли православной церкви – был оставлен и дальше. Ни указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г., ни Манифест 17 октября 1905 г., ни ряд последующих законодательных актов, направленных на ликвидацию ограничений и существенных прав иноверных и иноземных вероисповеданий, не должны были ограничивать существующие права православной церкви [335, с. 110–111].

Манифест способствовал в какой-то степени нормализации положения римско-католического костела, хотя некоторые проблемы все же оставались. Был созван даже особый Совет Министров по делам римско-католиков, который должен был подготовить проект закона о свободе римско-католического вероисповедания. К сожалению, этим планам помешало начал Первой мировой войны [331, с.128].

Таким образом, в 1864 – 1905 гг. политика властей была направлена на кардинальное решение проблемы католицизма на

белорусских землях. В правовом отношении костел в Российской империи, вследствие нескольких десятилетий законотворчества, оказался выведен из-под непосредственного влияния Римской курии и включен в российскую правовую систему. Это означало фактическую ликвидацию автономности данной структуры, зависимость ее от светской власти, беззащитность от произвола, преследований в случае неповиновения или оппозиционности к политике, проводимой царизмом.

2.2 Динамика численности римско-католических монастырей и храмов, их конверсия

Территория Беларуси в изучаемый период входила в состав Виленской римско-католической епархии (Виленская и Гродненская губернии) и Могилевской архиепархии (Витебская, Минская и Могилевская губернии). Несмотря на то, что Римский Папа в 1883 г. предоставил управление ранее упраздненной Минской епархии (1869 г.) Могилевскому архиепископу, все же Римская курия рассматривала факт упразднения Минской римско-католической епархии как незаконный [749, с. 37].

Конфессиональная политика царского правительства, переходы верующих из католичества в православие, имевшие место в 60 – 90-е годы XIX в., привели к тому, что удельный вес римско-католиков в общей численности населения сократился с 29,8% в начале 60-х годов до 22,9% от общей численности населения в 1897 г. [13, с. 1–8; 524, с. 55; 525, с. 75; 526, с. 109; 527, с. 79; 749, с. 46].

Римско-католическое вероучение на территории Беларуси исповедовало почти все польское и литовское население, а также некоторая часть белорусов. В Могилевской, Витебской и Минской губерниях белорусов среди римско-католиков было мало, в Гродненской губернии они составляли значительную часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5%), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [524, с. 10].

Первичной ячейкой римско-католического костела являлся приход, число которых напрямую зависело от количества

храмов, в том числе, монастырских, находящихся во владении костела, и изменялось в соответствии с антикатолической политикой властей.

Закрытие римско-католических храмов было в числе репрессивных мер, что применялись к римско-католическому костелу после восстания 1863 г. [11; 75; 81; 93; 330; 356–358; 360; 376; 379; 724–727; 899]. Одновременно с приготовлением к процессу ликвидации различных монастырских орденов в Царстве Польском, в г. Санкт-Петербурге начались прения по поводу их количества и роли в Российской империи. Из рапортов военных и гражданских властей Северо-Западного края вытекало два следствия: большое количество монашеских орденов приняло участие в восстании; монастыри стали не только пунктами опоры, но и настоящими бастионами польских традиций и обычаев. В одном из рапортов говорилось: «Чтобы покончить с влиянием костела, нужно, несомненно, оттеснить из обыденной жизни монастырские ордена, а столицу метрополии перенести в Петербург» [865, s. 10].

Весной 1864 г. М.Н. Муравьев представил Александру II записку о необходимых мерах по управлению краем. Среди них было и закрытие римско-католических монастырей, замешанных в восстании или признанных враждебными из-за направления своей деятельности. В записке также предлагалось закрытие римско-католических костелов, каплиц, построенных без разрешения гражданского руководства, и тех, где священнослужители имели отношение к восстанию. М.Н. Муравьев подчеркивал, что эти меры необходимы для уничтожения католицизма в Северо-Западном крае – наиболее действенной силы «в руках мятежных панов-поляков». Александр II вернул записку М.Н. Муравьева с надписью: «Заранее одобряю изложенные меры, записку внести на рассмотрение в Комитет министров» [728, с. 49].

По ходатайству графа М.Н. Муравьева, «для упрочения спокойствия в крае» состоялось высочайшее повеление от 11 июня 1864 г., которым генерал-губернатору разрешено было закрывать римско-католические монастыри за участие в мятежных действиях. Это законоположение было усилено высочайшим повелением от 14 апреля 1866 г., предоставившим генерал-губернатору право закрывать монастыри, которые он признавал

«особенно вредными в политическом отношении» [320, с. 215]. Высочайшее повеление о закрытии монастырей хранилось в тайне, о нем не знали даже в управлении генерал-губернатора. Эта предосторожность была необходима, чтобы предупредить демонстрации, которые могли возникнуть при закрытии римско-католических монастырей. По этой же причине вывод монахов и опечатывание монастырей проводилось ночью. Монастыри узнавали о своей участи только в ночь закрытия [728, с. 50]. Некоторые монастыри после издания данного закона были перестроены в православные церкви. «За то, что поляки, вместо Божественных песен, пели мятежные гимны в храмах и ксендзы не только позволяли, но еще и поощряли их к тому – за все это ксендзы, как осквернители храмов, изгоняются, а храмы их отдаются православным христианам для того, чтобы последние достойно восхваляли в них Всевышнего Бога», – писалось в 1869 г. в «Литовских епархиальных ведомостях» [394, с. 497].

В силу своих властных полномочий М.Н. Муравьев ликвидировал в 1864 – 1865 гг. монастыри, которые, по его мнению, наиболее открыто поддерживали восстание. В этом случае монахов карали ссылкой в глубь империи. Сам же монастырь переходил в управление гражданских властей либо полиции до того времени, пока власти в г. Санкт-Петербурге решали их судьбу. В то время в Северо-Западном крае было 40 штатных монастырей и 6 заштатных. Согласно принятым в империи правилам, последние сами собой должны были упраздниться, когда число монахов уменьшилось бы до восьми. Поэтому первоначально речь шла о 40 штатных монастырях. Больше всего их было в самом г. Вильно, на Жмуди и в юго-западной части Минской губернии (уезды Слуцкий, Новогрудский и Минский) [450, с. 193]. Но дело приняло другой оборот: только в одном 1864 г. было ликвидировано 14 мужских и 12 женских монастырей, а в следующем – 6 мужских и 6 женских. В 1866 – 1867 гг. ликвидационные акции продолжились: соответственно 1 мужской и 4 женских монастыря, 3 мужских и 1 женский монастырь. В результате этих начинаний за 1864 – 1867 гг. перестали существовать в западных губерниях империи 24 мужских монастыря и 23 женских [802, s. 191]. Только в одном г. Вильно в 1864 – 1866 гг. было закрыто 14 монастырей. В Минской римско-католической

епархии были закрыты следующие монастыри: в г. Минске – бернардинцев (1865 г.), бенедиктинок (1868 г.); в г. Несвиже – бенедиктинок (1867 г.), доминиканов (1867 г.), бернардинцев (1865 г.); в г. Новогрудке – доминиканок (1864 г.); в местечке Кимбаровке – цистерок (1865 г.); в местечке Цитовянах – бернардинцев (1864 г.); в г. Гродно – доминиканов (1865 г.) [12, с. 73–74]. С 1864 г. по 1900 г. упразднено было 42 мужских и 34 женских монастыря. После их ликвидации духовенство орденов переходило в другие монастыри, в которых вынуждены были жить не только лица из разных монастырей, но и из разных орденов. Так, например, к монастырю бенедиктинок в г. Вильно присоединилось в 1864 г. 14 мариавиток, в январе 1865 г. – две бернардинки, в феврале 1865 г. – 17 кармелиток. В 1877 г. к этому монастырю присоединились еще 20 бенедиктинок из г. Несвижа, из которых небольшая часть после была перевезена в г. Гродно [801; 802, s. 192; 803–804].

На территории Беларуси в 1861 – 1901 гг. у костела было отобрано 296 храмов, из них 125 приходских костелов и 82 филиальных костела и каплицы; 207 были переоборудованы в православные церкви [922, s. 213].

В 1865 г. в Могилевской губернии, как «особо вредных для политической обстановки», местным губернатором предполагалось закрыть 19 костелов: в г. Могилеве – костел святого Антония; в Могилевском уезде – Княжичский; в Чауском уезде – Радомльский, Рамельский; в Чериковском уезде – Володьковский, Кричевский; в Климовичском уезде – Шумятичский и Костюковичский; в Оршанском уезде – Смольнянский, Оболецкий и Микулино-Руднянский; в Сеннинском уезде – Вядецкий, Лукомльский, Островский; в г. Горках – Городокский; в Рогачевском уезде – Озеранский, Свежанский, Люшевский; в Гомельском уезде – Радосский. Из этих римско-католических костелов разрешено было генерал-губернатором фон Кауфманом упразднить следующие: в г. Могилеве – Антониев по-бернардинский (21 ноября 1865 г.); в Могилевском уезде – Княжичский (15 ноября 1865 г.); в Климовичском уезде – Микулино-Руднянский (27 мая 1866 г.); в Сеннинском уезде – Островский (11 ноября 1865 г.); в г. Горках – Городокский (15 ноября 1865 г.); в Рогачевском уезде – Свержанский и Озеранский (31 августа 1866 г.);

В Гомельском уезде – Радосский (15 ноября 1865 г.). Местный губернатор был возмущен такой нерешительностью вышестоящего руководства [722, с. 12–14].

За участие ксендзов в восстании 1863 г. в Витебской губернии были закрыты в 1865 г. три костела в Дрисенском уезде (Сарьянский, Лешчиловский, Балина-Чуриловский), два в Полоцком (Шатиловский, Концевский), 1 в Себежском (Седловский), один в Невельском (Сокольнитский) уезде; в 1866 г. – Бричевский и Кудебский костелы Люцинского уезда [105, с. 21].

В Виленской губернии за этот период были закрыты 54 приходских костела, а также 69 филиальных и каплицы [802, s. 192].

Закрытые костелы чаще всего перестраивались в православные храмы (смотрите приложение А). Только за период 1864 – 1868 гг., по оценке М. Радвана, было адаптировано под православные церкви в Виленской губернии 24 костела, в Минской губернии 27 костелов, в Витебской губернии (по неполным данным) – 2 костела, в Могилевской губернии – 8, в Гродненской губернии – 9 [922, s. 207].

Архивы показывают, что процесс переустройства римско-католических костелов в православные церкви в разных местах проходил по-разному: где тихо и незаметно, а где дела принимали довольно острый характер и завершались только после вмешательства генерал-губернатора [335, с. 65]. К примеру, жители местечка Зельва римско-католического вероисповедания оказывали сопротивление при перестройке в их населенном пункте костела: не допускали подвоза строительных материалов. В конечном итоге римско-католиков привели к порядку, но лишь после того, как несколько жителей местечка были оштрафованы и даже посажены в тюрьму. Костел же был переоборудован в православную церковь [208, л. 3]. Очень редко римско-католические святыни уничтожались совсем. Это были пострадавшие от пожара, ветхие, заброшенные, разрушенные временем здания. В 1866 г. были разрушены приходские костелы в г. Клещели и в местечке Картуз-Березе [46, л. 23].

Следует заметить, что правительство не останавливало и большое количество католиков при назначенном к упразднению костеле. В 1866 г. был отдан под православную церковь Рого-

тинский костел Слонимского уезда, несмотря на наличие 3010 католиков в приходе на 2866 православных (бывших униатов), у которых уже имелась церковь. Подобные события произошли в Немирове, Белыничах, Чаусах, Велиже, Сморгони, Воложине, Молодечне, Дуброве, Ивенце, Волме, Заславле. Даже в местечке Недведичах Слуцкого уезда, где на 4070 католиков было всего 16 православных, костел в 1886 г. переоборудовали в церковь [922, s. 214–215].

Антикатолическая политика царских властей проявлялась также в ограничении строительства римско-католических храмов [2; 74; 76; 110–112; 735; 751; 753; 908]. В 1864 г. вышел запрет генерал-губернатора М.Н. Муравьева на строительство и ремонт римско-католических святынь, алтарей и каплиц без разрешения главного начальника края [996, s. 18].

Строительство костелов в губернии относилось к числу особенно острых проблем, волновавших не только римско-католическое духовенство, но и самих католиков. Кроме того, во многих родовых имениях существовали фамильные склепы, служащие для погребения рода, а над ними возвышались костелы, в которых совершались отпевания усопших и панихиды. Как правило, костел был деревянным и стоял на каменном фундаменте, под которым находился и сам склеп. Так как в склепе было погребено много поколений предков, то с ним были связаны родовые воспоминания и семейные события [224, л. 73]. К примеру, по причине смерти жены владелец имения Лошицы Минского уезда просил разрешения отремонтировать местный костел – прошение было отклонено [226, л. 1].

Еще в конце 60-х годов XIX в., непосредственно после закрытия костелов, католики предпринимали попытки к возобновлению их деятельности. Римско-католическое население деревни Деречино Слонимского уезда намерено было отправить уполномоченного в г. Санкт-Петербург для подания императору прошения о восстановлении Деречинского костела, закрытого 7 июля 1867 г. С этой целью был послан в столицу находящийся в бессрочном отпуске В. Домостой, служивший младшим вахмистром в одном из гвардейских полков, которого общество снабдило 75 рублями на путевые издержки, обещая ему еще 300

рублей, если он подаст прошение императору. Но Могилевский губернатор распорядился о задержании его [715, л. 11].

Настоятель Речицкого костела Минской губернии в 1895 г. просил разрешения на ремонт костела. Хотя строительное отделение Минского губернского правления признало, что храм, после частичного уничтожения его пожаром еще в 1862 г., требовал безотлагательного ремонта – ходатайство было отклонено [157, л. 21]. Но на ремонт римско-католического училища в г. Минске, готовившего органистов для римско-католических приходов, в которых «дополнительное» богослужении велось на русском языке, разрешение было получено за неделю [241, л. 1].

Ремонт костела осложнялся и бюрократической процедурой: когда выяснялась необходимость в производстве ремонта или постройки костела и сумма денег, необходимая на это, то, прежде чем возбуждать вопрос о разрешении производства работ, уточнялось, на какие средства предполагается отнести расходы по работам. Если на средства прихожан, то рассматривали вопрос о возбуждении ходатайства о разрешении такого сбора. Затем, когда приступали к сбору средств, начинали рассмотрение вопроса о разрешении производства тех или других работ по ремонту или постройке римско-католических богослужебных зданий [719, л. 69].

Предложением Виленского генерал-губернатора П. Альбединского от 2 мая 1879 г. позволено было ремонт костелов, плебаниальных зданий и хозяйственных при них построек производить без предварительного разрешения гражданской власти, но с ведома полиции, и лишь в тех случаях, когда на расходы по производству работ имелись ассигнования из ремонтного капитала римско-католического духовенства, собственные средства последнего, а также деньги, пожертвованные частными лицами [685, л. 1]. На практике работы не ограничивались исправлением повреждений, а часто переходили в пристройку новых частей к прежнему зданию и даже в расширение костелов с разборкой капитальных стен. Генерал-губернатор И. Каханов настаивал в связи с этим на отмене разрешения П. Альбединского [718, л. 26].

18 декабря 1887 г. настоятелям римско-католических приходов было дозволено производить без разрешения гражданской

власти лишь текущий ремонт внутри костелов, если для этого не делались никакие сборы с прихожан и работы производились на средства настоятеля. Для производства же наружного ремонта костела, безразлично на чьи средства таковой производился или когда ремонт касался хотя и внутреннего убранства костела, но к несению расходов привлекались прихожане, надлежало каждый раз испрашивать разрешения от гражданской власти [717, л. 30].

4 декабря 1888 г. Департамент духовных дел министерства внутренних дел постановил: местным губернаторам при представлении на утверждение министерства проектов перестройки римско-католических костелов сообщать собственное заключение по этому вопросу, а также дополнительно представлять сведения о числе прихожан, территории прихода, расстоянии от соседних костелов, количестве православного и римско-католического населения в месте расположения костела [720, л. 54].

В 1896 г. высочайшим повелением было разрешено проводить ремонт приходских и филиальных римско-католических костелов, а также строительство новых вместо обветшалых или разрушенных вследствие несчастных случаев, без участия гражданской власти с разрешения духовного начальства. В соответствии же с указом 17 апреля 1905 г., католики получили разрешение при необходимости и наличии средств строить свои храмы на территории Российской империи. Для этого ставились три условия: разрешение римско-католического духовного руководства, наличие необходимых для строительства средств и исполнение технических требований строительного устава. Однако местные гражданские власти эти правила исполняли только на протяжении трех с половиной лет. 4 февраля 1909 г. было издано распоряжение генерал-губернатора К. Кришвицкого, которое опиралось на циркуляры министерства внутренних дел от 28 ноября 1908 г. Возвращались ограничения, отмененные не только указом от 17 апреля, но и высочайшим повелением 1896 г. – все было подчинено разрешению гражданских властей. Таким образом, пункт 13 указа о веротерпимости стал объясняться совершенно по-иному, и западные губернии снова вернулись к муравьевскому циркуляру [335, с. 117–118].

Вследствие такой политики на территории пяти западных губерний римско-католические храмы практически не возводились. В Виленской римско-католической епархии начиная с 60-х г. XIX в. и к моменту принятия указа о веротерпимости были восстановлены филиальный костел в деревне Василькове (вместо упраздненного в 1867 г.), приходские костелы в деревне Свенцяны, в селе Крипна вместо деревянного построен был каменный костел. Не было возведено ни одной костельной постройки в тех местах, где их раньше не было [335, с. 117]. Однако католики не только строили новые храмы, но и требовали возвратить костелы, переоборудованные в православные церкви. Как свидетельствуют источники, крестьяне-католики села Роготино обратились с ходатайством к правительству о возвращении им Роготнинского храма, который в 1865 г. был преобразован в православную церковь. До получения ответа властей они самовольно заперли храм с тем, чтобы не допустить туда православных христиан. По донесениям полицейского пристава, они осмелились на такой шаг из-за проповеди, произнесенной ксендзом Петронисом. Сами же крестьяне мотивировали свое ходатайство не только наличием указа, но и отдаленностью от села римско-католического костела в местечке Дятлово [182, л. 12]. Появление подобных прошений было результатом совместной деятельности римско-католической паствы и ксендза [4–А, с. 188].

Как отмечалось «Вестником Западной России», приступая к расправе над «польскостью» и католицизмом, местный российский административный аппарат не мог «не надеяться на огромную поддержку царской власти, доброжелательность местного православного населения, не мог не верить, что вскоре наш край покроется красивыми церквями, не уступающими католическим костелам, а место уничтоженных святынь займут новые здания, высоко вознесшие свои купола и являющиеся свидетельством господства у нас давнего, берущего свои начала от праотцев, православия над пришлым, чужим католицизмом» [53, с. 117].

Накануне восстания 1863 г. в пяти западных губерниях действовало 365 римско-католических храмов, в том числе 109 приходских костелов, 43 костелов филиальных, 213 каплиц [851,

s. 250]. На протяжении пяти лет после восстания 1863 г. на территории Беларуси было закрыто почти 100 приходских костелов и не меньшее количество филиальных храмов, большая часть из которых была переделана в православные церкви. Эта акция, которой управлял Виленский генерал-губернатор, была хорошо спланирована и проводилась там, где могла вызвать желанную реакцию населения. Она осуществлялась, главным образом, в конфессийно смешанных регионах Минской, Виленской, Гродненской губерний. За 1860 – 1905 гг. было ликвидировано 146 приходских и 52 филиальных костелов, 240 каплиц, 205 римско-католических храмов были переделаны в православные [683, с. 86]. Совет министров приводит такие числа: начиная с 30-х гг. XIX в. закрыто в западных губерниях 240 римско-католических костелов и более 30 – в Царстве Польском. Большая часть упраздненных костелов поступила вместе с земельными наделами в распоряжение православного духовенства, некоторые из них использовались под казенные учреждения, были проданы или пустовали [335, с. 117].

По оценке М. Радвана, на территории Беларуси (в ее современных границах) в 1803 г. существовало 132 монастыря, в 1832 г. их оставалось 49, в 1864 г. – 34. В 1900 г. остался лишь один Гродненский францисканский монастырь, которому не было позволено принимать к себе новых кандидатов, служивший своего рода тюрьмой для римско-католического духовенства [922, s. 204]. Если дать оценку по губерниям, то численность монастырей будет следующей, соответственно на 1864 г. и 1898 г.: в Гродненской губернии – 8 и 1, в Минской губернии – 10 и 0, в Могилевской губернии – 1 и 0, в Виленской губернии – 2 и 0, в Витебской губернии – 1 и 0 [922, s. 205].

В конце XIX в. в белорусских губерниях костелов и каплиц насчитывалось 466, римско-католических священников – 505 [346, с. 230]. Большое количество костелов было преобразовано в православные церкви. На белорусских территориях Могилевской римско-католической архиепархии за период 1861 – 1901 гг. было упразднено 53 костела и каплицы, из них 42 за период 1866 – 1870 гг.; за аналогичный период на белорусских территориях Виленской епархии – 116, из них 89 за период 1866

– 1870 гг.; соответственно в Минской – 76, из них 53 за период 1866 – 1870 гг. [922, s. 213].

Только за 1864 – 1867 г. в Виленской и Гродненской губерниях было упразднено 140 римско-католических монастырей и костелов. В Ошмянском деканате в конце 1866 г. действовало 9 костелов и каплиц, в то время как в 1864 г. их насчитывалось 17; в Гродненском деканате из 25 костелов и каплиц осталось 11; в Лидском – соответственно 13 из 20; в Кобринском – 2 из 7; в Слонимском – 5 из 33 и т. д. [98, с. 674]. Данные по Гродненской губернии следующие: в 1853 г. действовало 121 приходских, 1 монастырский, 18 филиальных костелов, 88 каплиц; в 1864 г. количество костелов не изменилось, а каплиц стало 118; в 1866 г. – 113 костелов (всех), 66 каплиц, 3 монастыря; в 1903 г. активно действующих римско-католических костелов осталось всего 47 [621, л. 74; 234, л. 2]. Из 62 закрытых костелов и каплиц 55 перешли в ведомство православного духовенства [657, л. 167].

В 1893 г. в Минской губернии существовало лишь 55 римско-католических духовных заведений, из них костелов – 38 [132, л. 69]. В целом же по Минской римско-католической епархии с 1865 г. было закрыто или перестроено в церкви 10 костелов при монастырях, 30 приходских костелов, 26 филиальных костелов и 80 каплиц, всего 146 святынь. Поскольку последние два женские монастыря цистерцианок и бенедиктинок были закрыты после назначения епископов в 1883 г., то количество всех храмов к принятию указа о веротерпимости (1905 г.) дошло до 148, когда упразднение прекратилось [831, s. 21].

Перестройка костелов, несмотря на все меры правительства Российской империи вызвать как можно меньше нареканий со стороны римско-католической паствы, содействовала появлению такого возмущения. Действия светской власти зачастую оборачивалось уничтожением произведений искусства, архитектуры, европейских эстетических ценностей. Уничтожение «польскости» становилось уничтожением истории этих земель [12–А, с. 11].

Таким образом, сокращение числа римско-католических храмов наносило мощный удар по позициям, традиционно занимаемым костелом в системе конфессиональных отношений на белорусских землях. Это, кроме прочего, означало сокращение

числа верующих – опоры костела в крае. В создавшейся ситуации на первый план для римско-католического духовенства выступала задача выживания, сохранения хотя бы части былого влияния без открытого выступления против существующего порядка. Жесткая политика царских властей не оставляла возможности для деятельного участия в национальном и революционном движении и принуждала римско-католический костел быть лояльным по отношению к российскому самодержавию.

ГЛАВА 3 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА ПО СОХРАНЕНИЮ ПОЗИЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

3.1 Защита римско-католическим костелом своего места в государственной системе образования и воспитания

Римско-католический костел на территории Беларуси на протяжении нескольких столетий имел приоритет в сфере образования. Этой деятельности костела посвящена обширная историография, как отечественная, так и зарубежная [32–33; 79; 113; 287; 322; 333; 431; 522; 569; 571; 613–614; 692; 759; 768–769; 774; 796; 810; 836; 839; 845; 849; 852; 855; 859; 880; 912; 952; 957; 963; 965; 971; 995; 1003–1005; 10–А, с. 30–31].

Большое значение в деле образования имела практика орденских структур римско-католического костела, прежде всего, иезуитов и пиаров. До 1773 г. иезуитские коллегиумы были фактически единственными учебными заведениями, дававшими высшее образование. Значительной была сеть средних и, особенно, низших учебных заведений. Наибольший их рост наблюдался в 70-е годы XVIII в., когда на территории Виленской римско-католической епархии насчитывалось 330 приходских школ.

Процесс секуляризации образования на территории Беларуси продолжался более столетия. Его характер, темпы, результаты определялись как объективными, так и субъективными факторами. Развитие светской школы было тесно связано с промышленной революцией, вызывалось необходимостью подготовки широко образованных, свободных от средневековой схоластики специалистов. Этого же требовала и усложнявшаяся социальная жизнь. Субъективно на процесс секуляризации влияла политика властей, интересы правящих слоев общества.

В 1820 – 1830 гг. из ведения костела были выведены средние и высшие учебные заведения. Большинство римско-католических приходских школ было закрыто до 1840 г. В 1847 г. министерству государственных имуществ были подчинены последние римско-католические приходские школы: в Гродненской губернии – 25 школ с 27 учителями и 592 учениками, в

Минской губернии – 10 школ с 10 учителями и 274 учениками; в Витебской губернии – 9 школ с 9 учителями и 285 учениками; в Могилевской губернии – 8 школ с 10 учителями и 192 учениками; в Виленской губернии – 9 школ с 11 учителями с 238 учениками [1005, s. 343].

К 1836 г. при мужских римско-католических монастырях существовало 6 уездных (с 863 учениками) и 21 приходская (с 443 учениками), а при женских римско-католических монастырях функционировало в 1836 г. 32 школы (с 1171 ученицами) [1005, s. 313]. В 1830 – 1863 гг. из около 300 римско-католических монастырей, имевших школы, ликвидировано было 230 (260, считая вместе с базилианскими и пиарскими монастырями). К 1863 г. не существовало ни одной школы при монастыре в западных губерниях [811, s. 415–416]. В 1863 г. в Виленском учебном округе функционировало еще 98 римско-католических приходских школ: 32 в Ковенской губернии, 16 в Виленской, 12 в Минской и 38 в Гродненской губерниях. Во всех этих школах преподавание велось на русском языке, за исключением учения религии (Закон Божий) на польском языке. В Ковенской губернии использовался и литовский язык [1005, s. 356].

Литовский митрополит И. Семашко в отношении к министру народного просвещения А.С. Головину от 2 февраля 1863 г. предложил «для поддержания свойственной большинству здешнего народонаселения русской народности и языка» объединить православные церковные приходские и народные училища, чтобы они действовали под совместным управлением и надзором учебного округа и духовного православного руководства [589, с. 11]. В этом смысле, как считал митрополит, открытие народных училищ было бы самым благодетельным, и чем их было бы больше, тем лучше. Накануне восстания 1863 г. идею использования русской (православной) школы в Северо-Западном крае с целью усиления влияния православного духовенства и борьбы с национально-освободительным движением выдвинул и Варшавский православный митрополит Иосиф [97, с. 13]. Похожие мысли можно найти и у попечителя Виленского учебного округа А. Ширинского-Шихматова. В циркуляре от 12 января 1863 г. он подчеркивал большое значение преподавания Закона Божьего

православного исповедания в деле воспитания у местного населения Северо-Западного края чувства привязанности к вере, к государю и к русской народности [25, с. 39].

Народное образование на территории Беларуси в 1860-х гг. строилось на утвержденных 18 мая 1864 г. Александром II принципах, которые сводились к следующему: в селах и в городах предполагалось создать возможно большее число народных школ; их программа ограничивалась русской и славянской грамотой, первыми началами счисления, элементарными знаниями о православной вере и пением на клиросе; школы должны были состоять в руках православного духовенства; светские народные школы следовало утверждать только там, где не было возможности поручения их православному духовенству; содержание школ в селениях предполагалось постепенно относить на счет сельских обществ; в городах учреждать двухклассные училища с большим развитием знаний, а следовательно, и с большим курсом наук, чем в сельских народных школах, отнюдь не допуская в них обучения польскому языку [441, с. 36]. Для усиления православного влияния М.Н. Муравьев предлагал открыть в г. Вильно православную духовную академию, которая готовила бы священников – «борцов за русское дело» [97, с. 14].

В Виленском учебном округе всеми начальными школами стали заведовать дирекции народных школ. Виленская и Минская дирекции народных училищ, образованные 1 января 1864 г., охватывали соответственно школы Виленской, Гродненской и Минской губерний; Витебская дирекция, созданная в июле 1864 г., – школы Витебской и Могилевской губерний. В 1866 г. возникли Гродненская и Могилевская дирекции народных училищ. Этим дирекциям были подчинены все народные школы министерства общественного просвещения, сельские школы министерства государственных имуществ, а также все бывшие римско-католические приходские школы [474, с. 73; 354, с. 317]. Последние были переданы из-под руководства директоров гимназий 21 мая 1864 г. В губерниях Ковенской, Витебской и Могилевской это распоряжение возымело действие с конца 1864 г. Всех начальных школ, подчиненных школьным дирекциям в 1864 г., было 975 с 34057 учениками (30728 мальчиков и 3329 девочек). Среди учащихся преобладали

православные – 26719 человек (78% всех учащихся). Учеников римско-католического вероисповедания было 5815 (17% всех учеников), из них 2584 человек в Ковенской губернии (7,6%). Среди учащихся других вероисповеданий наиболее было протестантов: 700 учеников евангелистско-реформаторского вероисповедания (2,1%), 341 лютеран (1%). Других вероисповеданий: 67 староверов (0,4%) и 13 мусульман (0,1%). Среди этих 975 начальных школ 651 были реорганизованны из бывших римско-католических приходских школ в 1862 – 1864 гг. (66,8%) [1005, s. 361].

Согласно уставу 1864 г. о начальных народных школах (училищах) программа обучения в них осталась такой же, как и в бывших римско-католических приходских школах: религия (короткий катехизис и святая история), чтение (по книгам светским и религиозным), письмо, четыре действия арифметики. Как дополнительный предмет вводилось православное церковное пение в тех школах, где это могло иметь место. Согласно параграфу четвертому дети всех вероисповеданий должны были обучаться на русском языке [1005, s. 358].

Процесс секуляризации образования, таким образом, коснулся лишь римско-католического костела. Из-под его влияния выведены были не только высшее и среднее образование, но также начальное – в первую очередь, учебные заведения для крестьян. Закрепить за собой место в сфере обучения и воспитания костел мог теперь лишь через преподавание религиозных дисциплин. Однако и здесь возникали значительные трудности, обусловленные ограничениями в языке преподавания. Польский язык был изъят из обучения Закону Божьему в 1864 г. и заменен русским. Это должно было стать одним из пунктов масштабной программы по «располячиванию» костела в Северо-Западном крае: перевода языка римско-католического богослужения с польского на русский. Последнее, однако, не устраивало православную церковь – русский язык римско-католического богослужения мог способствовать быстрому распространению католицизма в глубь Российской империи. В результате активность властей перешла, в основном, в надзор за языком обучения римско-католиков Закону Божьему в учебных заведениях Северо-Западного края. В Ковенской губернии указом от 4 марта 1863 г.

был разрешен к использованию и литовский язык [800, s. 444]. По мнению Л. Заштовта, польский язык по-прежнему звучал на уроках римско-католической религии, но это мнение, по-видимому, нельзя принимать безоговорочно [1005, s. 259].

Преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания осложнялось и ситуацией в подготовке светских преподавателей. После прекращения в 1878 г. лекций по римско-католическому богословию в г. Юрьеве, в университетах Российской империи не было ни одной кафедры упомянутой науки. Соответствующих кафедр не имелось и в других высших учебных заведениях, за исключением лишь некоторых, как, например, Императорского Александровского лицея, Императорского училища правоведения и института гражданских инспекторов.

В отличие от римско-католического костела православная церковь имела приоритет в системе образования – именно ей поручались начальные школы. Как и во всей Российской империи, в белорусских губерниях, начиная с 1880-х годов, особенно быстро росла сеть школ церковного ведомства. Наибольшее число церковно-приходских школ наблюдалось в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. В конце XIX в. церковно-приходские школы и школы грамоты ведомства Святейшего Синода Могилевской губернии составляли 82,3% всех начальных училищ, в Минской – 84,6%, в Витебской - 60,5% [595, с. 114–118, 123–125]. И это несмотря на то, что мировые посредники, которые значительно лучше знали ситуацию на местах, в своих отчетах местным губернаторам активно выступали за открытие училищ министерства народного просвещения, а не церковно-приходских школ. Последние, по их мнению, лишь способствовали укреплению «польскости», так как родители учащихся, заинтересованные, чтобы их дети знали законы римско-католической веры, не отсылали своих детей в эти школы, являвшие «пропагандистскими центрами православия». Иное дело представляли училища министерства народного просвещения, где детей римско-католиков могли обучать Закону Божьему ксендзы-законоучителя на русском языке [48, л. 45].

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев неоднократно писал императору о необходимости поддержки церковно-приходских школ. В качестве положительного приме-

ра он приводил школу для девочек в г. Свислочь, организованную местным православным священником Янушкевичем, а также приходские школы в Могилевской губернии [568, с. 13, 60]. По мнению К.П. Победоносцева, «православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своей и заботиться о ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения; ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения» [568, с. 14–15].

Церковно-приходская школа была вовсе не церковной в православном смысле: принимала она детей всех вероисповеданий и народностей. Раскольник, римско-католик, лютеранин, даже мусульманин сидели на одной скамейке с православным. Батюшка или сам, или через помощника учил читать и писать по-русски, чтению и письму церковному, мировой истории и православному катехизису, немного арифметике и светским песням; в высших классах – истории России и географии настолько, насколько сам ее знал. Учебники поставлял Святейший Синод. К тому же православное духовенство должно было объяснять отличия в литургии и догматике католицизма и православия. Параграф девятый правил для церковно-приходских школ указывал прививать детям, без различия вероисповедания, любовь к церкви и богослужению православному, дабы участие в православном богослужении стало для учеников душевной потребностью [577; 864, s. 236]. В 1885 г. для привлечения еще большего числа римско-католиков в церковно-приходские школы правительство издало распоряжение, дающее послабления и льготы в отбывании воинской повинности [864, s. 237].

Использование начальной школы с целью вытеснения римско-католического костела из сферы воспитания и образования и для оправославливания детей-католиков, несмотря на возможные репрессии со стороны властей, не могло не вызвать сопротивление римско-католического духовенства. Виленский генерал-губернатор П. Каханов в 1884 г. на первой своей встрече с новым 42-летним Виленским епископом К. Гриневицким, быв-

шим ректором римско-католической духовной академии в г. Санкт-Петербурге, предложил ему вести богослужения на русском языке, а также распорядиться, чтобы ксендзы-законоучители преподавали Закон Божий на русском языке. «Хорошо, – ответил епископ, – если только Папа позволит». Но разрешения из Римской курии не последовало. Тогда П. Каханов, по утверждению «Московских ведомостей», приказал полиции сгонять учеников всех школ, как подотчетных Святейшему Синоду, так и непосредственно правительству, в главные дни к православной церкви, дабы «они могли молиться по-католически и ежели хотели, то и по-польски», а также запретил К. Гриневицкому осуществлять пастырские визиты. В феврале 1885 г. епископ был выслан из г. Вильно [864, s. 229–230, 233].

После ссылки епископа П. Каханов предпринял новый натиск с целью привлечения римско-католических детей в православные церкви, а не в костелы. Время активных действий пришлось на 1886 – 1888 гг. В марте 1889 г., в годовщину смерти Александра II, директор Ковенской гимназии стал направлять всех детей в церковь. Местный же ксендз собрал детей-католиков и повел их в костел, за что в тот же самый день ксендза подвергли репрессиям [864, s. 239]. В дело вмешались другие представители римско-католического духовенства, послав сведения о происшедшем в Римскую курию. 28 июня 1889 г. Конгрегация римской инквизиции ответила, что римско-католикам не следует посещать некатолические богослужения. Одновременно попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский издал циркуляр, приказывавший римско-католическим детям посещать православные богослужения даже во время каникул и тем более в праздничные дни [864, s. 240].

В 1891 г. в распоряжение Священного Синода были переданы крестьянские школы грамоты, созданные на средства и по инициативе самого сельского населения. Школы грамоты, иначе «вольные крестьянские школы», или «домашние школы», число которых значительно возросло после крестьянской реформы, возникали обычно там, где не хватало начальных народных училищ [479; 483, с. 83–84].

Согласно статистическим данным, среди учеников народных школ и церковно-приходских училищ наблюдалось выра-

женное преобладание православных над римско-католиками. В 1890 г. в народных училищах Гродненской губернии насчитывалось 17184 православных (83%) и 1442 римско-католика (15%) [514, с. 21]. В 1894 г. в той же губернии в церковно-приходских школах и школах грамоты, которых насчитывалось 859 вместе взятых, из числа обучавшихся было православных 18529 обоего пола или 91,56%, римско-католиков – 1656 или 8,18%, остальных исповеданий – 51 или 0,26%. Учителей во всех этих школах состояло 849 лиц (836 учителей, 9 учительниц и 4 священника), не считая 843 законоучителей – православных священников. Назначение и увольнение учителей в церковно-приходских школах зависело от уездных отделений епархиального училищного совета, выдача же разрешения на право преподавания в школах грамоты предоставлена была настоятелям приходских православных церквей на основании правил и узаконений о церковно-приходских школах и школах грамоты. Помещения для школ имелись следующие: для 103 школ церковно-приходских и грамоты – в выстроенных для них собственных домах; для 141 – в церковных, причтовых и общественных зданиях; для остальных же – в крестьянских избах, где эти школы, в особенности передвижные, вынуждены были размещаться вместе с крестьянской семьей. Из числа всего сельского населения православного вероисповедания обучалось в школах 2,25%, а из всего римско-католического населения посещало школы 0,47%. Если взять в расчет только детей школьного возраста, то из 117384 детей православных этого возраста училось 15,7%, а из 50458 детей римско-католиков – 3,28%. В уездах соотношение населения и учащихся по вероисповеданию было следующим: в Гродненском, Бельском и Волковысском уездах, где православное население было вдвое больше римско-католического и православные церкви находились ближе к школам, чем костелы – число учащихся православных 15–33 на 1000 жителей, а римско-католиков соответственно 3–9 на 1000 человек. В Брестском, Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах, где православное население превышало римско-католическое в несколько раз и церкви были значительно ближе к школам, чем костелы, православных учащихся приходилось 12–27 на 1000 жителей. В Белостокском и Сокольском уездах, где православное население в

3–5 раз было меньше римско-католического, а церкви и костелы находились на равном расстоянии от школ – обучалось грамоте православных 25–34 на 1000 жителей и римско-католиков соответственно 1–2,6 на 1000 жителей. Следовательно, чем большее было количество православного населения и чем ближе к школе располагалась церковь, тем выше был процент православных учащихся. И, соответственно, чем большее было количество римско-католического населения и чем дальше от православной церкви – процент учащихся римско-католиков возрастал [516, с. 56–59].

Диспропорция в количестве православных и римско-католиков среди учащихся объяснялась отрицательным отношением римско-католического крестьянского населения к «обрусительной» работе в школах, которая имела еще и выраженное антикатолическое направление, особенно в церковно-приходских школах. В 1885 г. мировой посредник из Волковысского уезда писал в дирекцию народных училищ, что крестьяне-католики Боярской волости заявили ему на собрании, посвященном проблеме открытия народного училища: «Нет смысла учить своих детей грамоте, поскольку католиков не принимают ни в учительскую семинарию, ни на службу в полицейские урядники и жандармы, ежели правительство желает иметь грамотных солдат, то пускай само их учит, а для хозяина-хлебороба грамота не нужна» [678, с. 76–77].

Передача учебных заведений для крестьян, открытых после 1866 г., в ведение православного духовного руководства в 1884 г., в отличие от ожиданий правительства, не принесла быстрого оправославливания крестьянства. В 1891 г. Гродненский уездный предводитель дворянства заметил, что лишь в некоторых местностях крестьяне (католики и православные) действительно смешались, в других же – крестьяне-католики стали селиться отдельно от православных, образовывая своеобразные околицы. Своих детей такие крестьяне или совсем не учили, или обучали их у себя дома чтению и письму, естественно, на польском языке [248, л. 12–13]. Гродненский губернатор П. Батюшков отмечал абсолютную индифферентность крестьян к передаче церковно-приходских школ и училищных отделений в руки православного духовенства: если население ничем и не вырази-

ло свое сочувствие к этой передаче, то и нигде враждебного отношения со стороны крестьян-католиков замечено не было. Причину плохого посещения детьми крестьян-католиков церковно-приходских школ губернатор видел не в том, что они находились в ведении православных священников, а в том, что крестьяне вообще не желали добровольно платить за содержание упомянутых школ, под тем предлогом, что они предназначались для православного населения [248, л. 84–85].

Попечитель Виленского учебного округа Попов в циркуляре от 2 октября 1900 г. объявлял целью воспитания детей в народной школе – «сделать их прежде всего истинно добрыми людьми, а также верными и полезными сынами своего общего отечества – великой России и преданными слугами престола», а через детей «воздействовать и на всю окружающую их среду» [454, с. 129]. Он требовал, чтобы учителя своим поведением подавали пример учащимся в отношении исполнения религиозных обрядов, организовывали учеников на исповедь и причастие, посещение церкви и участие в богослужении чтением и пением, чтобы во всех училищах были организованы церковные хоры, в которых должно было участвовать возможно большее количество мальчиков и девочек [454, с. 136]. Каждый учебный день начинался и оканчивался молитвой. Открытие новых училищ сопровождалось молебствиями и торжественными освящениями [455, с. 168].

Политика вытеснения костела из сферы образования, неуклонно проводившаяся правительством на протяжении трех десятилетий после восстания 1863 г., несколько либерализировалась к концу столетия. 25 июня 1897 г. вышли высочайший указ и соответствующий ему циркуляр министра народного просвещения по вопросу посещения учениками римско-католиками православных богослужений. Означенным указом освобождались от участия в православных богослужениях в табельные дни воспитанники гражданских училищ. В указе ничего не было сказано о частных и военных учебных заведениях. В указе предусматривался порядок молитвы перед уроками для учеников-католиков, если их численность была значительна, но какое именно число следовало принимать как значительное – не было обозначено. «Во всяком случае, – по словам Могилевского

архиепископа Г.Э. Шембека, – для меньшего количества учеников-католиков установление особой молитвы встречает многие препятствия» [344, с. 77]. В указе не определялось вполне ясно чтение молитвы на польском языке. Хотя указ и освобождал учащихся римско-католиков от участия в православных богослужениях в табельные дни, но учебные власти следили за их присутствием на православных молебствиях в другие дни или по поводу похорон. Практиковалось также чтение вслух, от имени других, православной молитвы, что считалось публичным актом богопочитания, по своей форме и содержанию несогласным с правилами римско-католического костела, поскольку сказанная молитва не предписывалась костелом. И, что самое главное, высочайший указ от 25 июня 1897 г. не был доведен до сведения руководителей учебных дирекций, а потому в начальных училищах он не применялся, и на практике учащиеся католики попрежнему должны были посещать православную церковь и читать перед уроком православные молитвы [344, с. 77].

Перемены в отношениях римско-католического костела и школ Святейшего Синода произошли при Виленском римско-католическом епископе С. Зверовиче. В июне 1899 г. он обратился к министру внутренних дел Горемыкину, написав о ненормальном положении религиозного воспитания в народных училищах и церковно-приходских школах, где учеников-католиков принуждали молиться по православному обряду. Епископ требовал дать всем начальным школам учебники для римско-католиков и ввести в церковно-приходских школах должность римско-католического законоучителя. Горемыкин ответил, что при возникновении возможных недоразумений необходимо обращаться к генерал-губернатору [638, с. 95].

Такое положение дел наблюдалось не только в церковно-приходских школах и училищах, но и в гимназиях. Об этом свидетельствует циркуляр министра народного просвещения Н.П. Боголепова, разосланный попечителям округов 8 июля 1899 г. Он констатировал, что от педагогов и родителей учащихся в гимназиях и реальных училищах давно слышаться жалобы на разные недостатки этих учебных заведений. И далее министр, с редкой откровенностью, перечислял жалобы: из девяти вторым пунктом значилось невнимание к личным

особенностям учащихся и пренебрежение нравственным воспитанием, под которым понималось преподавание Закона Божьего [351, с. 40].

Епископу С. Зверовичу удалось добиться от правительства некоторых уступок: разрешения помещать в школах, кроме школ Святейшего Синода, для проведения занятий по Закону Божьему римско-католические иконы, перед занятиями и после них читать молитвы на латинском языке [640, с. 76].

14 июля 1901 г. Виленский епископ С. Зверович сделал распоряжение подведомственному римско-католическому духовенству, чтобы оно, соблюдая распоряжения гражданского характера административной власти и в этом отношении, подавая добрый пример пастве, во всех делах, прямо или косвенно относящихся к вере и костелу, не давало никаких ни словесных, ни письменных обязательств гражданским властям без его ведома и разрешения в каждом отдельном случае. Циркуляр вышел в ответ на многочисленные факты прямого вмешательства светской власти в духовные дела, прежде всего требовавших от местного римско-католического духовенства принятия мер к поощрению и развитию школьного дела (естественно, в «русском духе») [555, л. 79].

Видя отсутствие со стороны правительства каких-либо действий, разрешавших проблемы насильственного посещения детьми-католиками православных храмов, обучение последних православным истинам веры, Виленский римско-католический епископ С. Зверович решился на издание циркуляра от 12 февраля 1902 г. за № 509, в котором было строжайше предписано всему римско-католическому духовенству Виленской епархии следить, чтобы католические дети не посещали указанных школ. В случае обнаружения подобных фактов, если увещевания и наставления не помогали, духовенству позволялось не давать на исповеди разрешения от грехов как детям, обучающимся в этих школах, так и родителям и опекунам, посылающих их туда (полный текст указа приведен в приложении Б) [558, л. 2–4].

Таким образом, епископ С. Зверович открыто выступил как противник проводимой антикатолической политики в правительственных начальных школах. В то же время он подчеркивал свою лояльность к правительству и патриотизм по отношению к

империи. С. Зверович действовал в полном соответствии с римско-католическим правом: еще 28 июня 1889 г. Конгрегация инквизиции категорически запретила всем ученикам-католикам Российской империи всех учебных заведений присутствовать на исполнении религиозных действий не католиками. Известие об этом указе попало в руки епископа тайно: через Варшавского римско-католического архиепископа, поскольку вся переписка между епархиями и Римской курией должна была происходить только через министерство внутренних дел [352, л. 7].

Реакция местных ксендзов на распоряжение С. Зверовича поступила незамедлительно. Ксендз Малиновский в Слонимском уезде потребовал от 15 девочек римско-католического исповедания покинуть Ружанскую церковно-приходскую школу, в которую они поступили в прошлом году – все девочки последовали его указаниям [558, л. 10]. По требованию настоятеля Наревского костела Бельского уезда ксендза Антона Шимелюнаса, основанному на циркуляре епископа, ученики церковно-приходской школы в д. Будах Беловежско-Александровской волости Пружанского уезда в числе 40 мальчиков-католиков с 12 марта 1902 г. прекратили посещение упомянутой школы. Шимелюнас строго приказал крестьянину деревни Буды Павлу Вишневскому наблюдать за теми учениками-католиками, которые будут посещать школу. При том объявил, что в случае посещения ими школы, он будет принимать карательные меры: лишать на исповеди разрешения от грехов как мальчиков, так и их родителей [558, л. 15].

После циркуляра С. Зверовича ученики-католики стали массово покидать церковно-приходские школы и школы грамоты. В Белостокском уезде до циркуляра С. Зверовича учеников-католиков в церковно-приходских школах было 497, а после осталось всего лишь 19 [558, л. 72]. Усилилась и выступления римско-католического клира против правительственных православных школ. Так, осенью 1902 г. был осужден на 2 года заключения во Францисканском монастыре г. Гродно ксендз Мачульский из Сокольского уезда Гродненской губернии. Среди обвинений его было и такое: побуждал крестьян к закрытию местной церковно-приходской школы [638, с. 96]. Настоятель Дятловского римско-католического костела Слонимского уезда

ксендз Устин Петронис не только запрещал детям римско-католического исповедания посещать Роготнянскую церковно-приходскую школу, но и делал распоряжения, чтобы крестьяне-католики не исполняли по отношению к этой школе принятых ими на себя по приговору обязательств [588, л. 350].

По признанию Гродненского губернатора, почти во всех уездах Гродненской губернии местные ксендзы стали открыто проявлять негативное отношение к церковно-приходским школам и школам грамоты, внушая своим прихожанам, что посещение детьми-католиками этих школ равносильно измене католическим убеждениям и отступлению от римско-католической веры и костела. Многие из ксендзов запретили своим прихожанам посылать детей в означенные школы, угрожая ослушникам неотпущением грехов на исповеди. Под прямым воздействием ксендзов, позволявших себе публично произносить в костелах проповеди в указанном направлении, в ряде селений и местечек Гродненской губернии католики перестали посылать своих детей в церковно-приходские школы. В некоторых даже были прекращены занятия – за выбытием большей части учеников. Были случаи прямых насильственных действий против церковно-приходских школ со стороны местного римско-католического населения. С одной из школ крестьяне двукратно срывали вывеску, сопровождая такой поступок резкими выражениями своего негодования к православию [558, л. 26]. Следует также заметить, что мировые посредники и уездные исправники указывали еще на одну, на их взгляд, главную причину недопущения ксендзами римско-католических детей в церковно-приходские школы: в этих школах не учили детей по-польски – каноническому языку римско-католического костела [558, л. 119].

Предложением от 27 марта 1902 г. егермейстером Сипягиным было поручено Гродненскому губернатору поставить в известность римско-католическое духовенство губернии, что всякие действия, направленные к исполнению циркуляра Виленского епископа С. Зверовича и во вред церковно-приходским школам, будут строго преследуемы. 6 апреля 1902 г. князем Н. Урусовым был издан циркуляр на имя деканов Гродненской губернии, которым было вменено в обязанность указать местным ксендзам, что всякая открытая агитация с их стороны против

церковно-приходских школ, а тем более подстрекательство своих прихожан к демонстративному выражению недовольства церковно-приходскими школами и насильственным действиям с целью закрытия этих школ, не могут быть допущены, и что такие действия будут строго преследуемы. Гродненский губернатор распорядился о произведении тщательного дознания о всех действиях римско-католических ксендзов в данном направлении [558, л. 121].

Власть была вынуждена пойти на уступки. 1 апреля 1902 г. появилось новое положение о церковно-приходских школах, согласно которому не исповедовавшие православной веры дети принимались в школу не иначе как с разрешения их родителей или лиц, на попечении которых они находились [708, с. 547]. С этого времени церковно-приходские школы предназначались только для православного населения. Но лишь в 1904 г. попечитель Виленского учебного округа потребовал от руководителей народных училищ, чтобы только в губерниях с православным населением (Витебская, Минская, Могилевская) увеличивалась сеть школ церковного ведомства, и отметил, что в губерниях, где преобладали католики (Виленская, Гродненская, Ковенская), следовало развивать начальные школы министерства народного просвещения [12, с. 338].

22 ноября 1902 г. Гродненский губернатор П.А. Столыпин обратился непосредственно к временно управляющему Виленской римско-католической епархией канонику Виктору Радиминскому-Фронцкевичу, чтобы он повлиял на подведомственное ему римско-католическое духовенство Гродненской губернии в том смысле, чтобы оно воздержалось от вмешательства в дела церковно-приходских школ и перестало действовать в этом направлении на население, пригрозив административными мерами. Обращение губернатора к епископу было вызвано поступком настоятеля Острожанского костела в деревне Стадники Наройской волости Бельского уезда ксендза Рышкевича, воспретившего поселянам отдавать помещение для найма под церковно-приходскую школу, угрожая им в противном случае лишением исповеди и святого причастия, а также других треб. На что В. Фронцкевич ответил: «Церковно-приходские школы предназначаются для лиц православного исповедания без различия состо-

яния, а потому они должны устраиваться при церквях в домах хозяев, исповедующих православную веру; но коль скоро учредители желают помещать свои школы в домах католических семейств, в таком случае уже вопрос церковно-приходских школ затрагивает совесть католиков и каждый ксендз по долгу своего сана и совести обязан предупреждать своих прихожан и защищать свою паству; по моему призванию и занимаемой должности, я не могу идти навстречу, ибо тогда я бы шел сам против себя, то есть против своей веры, а каждому своя вера дорога». В. Фронцкевич выступил в защиту Рышкевича, который, по его словам, показал себя как истинный католический пастырь, а не противник правительства. В свою очередь, П.А. Столыпину высказывал недовольство православный епископ Гродненский и Брестский Иоаким, дабы губернатор предпринял какие-либо действенные меры против ксендзов Перлеевского, Остражанского, Брянского, Домановского, Каменского костелов, убеждавших крестьян не отдавать под церковно-приходские школы свои помещения и запрещавших ученикам римско-католического исповедания посещать последние. Дело дошло до того, что прихожане Перлеевского костела Бельского уезда под влиянием настоятеля Антония Панасевича стали требовать обучения польской грамоте в местной школе грамоты. Не решаясь на какие либо меры, П.А. Столыпин обратился непосредственно к Виленскому генерал-губернатору П.Д. Святополк-Мирскому. Тот при личных переговорах с управляющим Виленской римско-католичсекой епархией «разъяснил» ему всю неправильность его ответа Гродненскому губернатору. После чего В. Фронцкевич сделал «надлежащее внушение» ксендзам [160, л. 4–5, 9–11, 15, 20].

21 июня 1903 г. временно управляющий делами Виленской епархии ксендз В. Радиминский-Фронцкевич обратился к Виленскому генерал-губернатору П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой о разрешении настоятелям обучать детей основам религии в отдаленных от учебного заведения местностях. Свою просьбу администратор епархии основывал на высочайшем указе от 25 мая 1903 г., в котором указывалось преподавать религию во всех школах, несмотря на то, к какому министерству они относятся, на том языке, на котором католики с давних времен

молились в доме и костеле. Виленский генерал-губернатор разослал это прошение местным губернаторам с просьбой дать оценку – все дали отрицательный ответ [865, s. 272–273].

Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский был одним из высших российских чиновников, разделявших критические взгляды римско-католического клира на российскую школу. Он понимал необходимость перемен и заметно ослабил религиозные ограничения, которые существовали на территории Беларуси. Князь неоднократно отмечал, что деятельность учебных учереждений вызывает раздражение у местного населения. «Педагогический персонал, – писал в 1904 г. П.Д, Святополк-Мирский, – осуществляет политику, которая является в большей степени наказательной, чем воспитательной» [638, с. 97]. В отличие от М.Н. Муравьева, П.Д. Святополк-Мирский отличал польский язык от католицизма. Он утверждал, что имперская политика заставила не польских римско-католиков осознавать свою национальность. Конечно, П.Д. Святополк-Мирский полагал, что эти национальные движения не имеют никакого будущего в великом историческом соревновании Польши и России [945, s. 41]. В отчете Николаю II от 20 мая 1904 г. находим его мнение по вопросам учебно-воспитательного дела: чтобы церковно-приходские училища (школы) действительно активно посещались лицами других вероисповеданий, следовало предоставить иноверцам свободу выбора в посещении последних, а также не подвергать взысканиям лиц римско-католического вероисповедания за недружелюбное отношение к православной церковной школе. Циркуляр С. Зверовича он назвал «боевым», ответной реакцией римско-католического духовенства на действия православного духовенства, видевшего успех «русского дела» и способ его достижения в приобщении иноверного населения к православной вере. Справедливо считая школу очагом педагогической любви и веротерпимости, П.Д. Святополк-Мирский указал на отсутствие такого положения дел даже в министерских школах, в том числе и в средних учебных заведениях, во многом благодаря действиям народных учителей и их руководителей. У них не хватало ни уменья, ни житейского и политического такта, дабы не затронуть ни национальные, ни религиозные чувства. Считая главной

причиной незамещение должностей учителей Закона Божьего ксендзами отсутствие вознаграждения за преподавательский труд, генерал-губернатор обратился с просьбой об этом к министру народного просвещения [30, с. 106–107; 636, с. 61]. В январе 1904 г. ксендзы, которые преподавали Закон Божий в народных училищах, начали получать деньги от государства. Князь также посчитал полезным снизить штрафы за открытие тайных римско-католических школ [638, с. 98]. Но, как справедливо отметила С.В. Снапковская, содержание и пафос "всеподданнейшего отчета", его оценки и рекомендации оказались неприемлемыми для Николая II и российского правительства [647, с. 46]. Царизм не собирался менять свою политику. Только под влиянием революции 1905 – 1907 гг. правительство было вынуждено пойти на некоторые временные уступки, о которых говорил П.Д. Святополк-Мирский.

Таким образом, римско-католический костел, утратив прочные позиции в учебных заведениях вследствие секуляризации школы и ее русификации, стремился сохранить хотя бы участие в духовном воспитании детей-католиков, что было принципиально важно для него. На протяжении всего изучаемого периода вопросы, касающиеся преподавания духовных дисциплин в школах всех уровней, порядок отправления религиозных обрядов и другие подобные этому вопросы находились под пристальным вниманием римско-католического духовенства. Католический клир упорно сопротивлялся попыткам властей сделать школу орудием оправославливания детей-католиков и зачастую добивался успехов в этом. Позиция училищной администрации, а также гражданских властей в вопросе присутствия римско-католических священников в школьном деле на протяжении исследуемого периода не была последовательной. Жесткое противостояние 1860 – 1870 гг. к концу столетия постепенно уступает место более конструктивным мерам. Пожалуй, наиболее характерным в этом плане является разрешение вопроса о посещении детьми-католиками церковно-приходских школ. Здесь проявилась не только гибкость в решениях римско-католического костела, но и его стойкость в принципиальных вопросах. Независимо от стремлений самого римско-католического костела, его защита традиций религиозного воспитания детей-католиков спо-

собствовала сохранению одной из особенностей белорусского этноса – поликонфессиональности.

3.2 Преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания

Проблема преподавания Закона Божьего римско-католикам в правительственных школах Российской империи имеет давнюю историографическую традицию. Материалы по интересующей нас проблеме оставили в своих трудах десятки авторов, приводивших аргументы «за» и «против» предпринятых правительством мер. К первым из них относятся представители российской историографии, стоявшие на позициях официальной идеологии: Е.Ф. Орловский, Л. Солоневич, М. Созонов, И. Максимов, А. Белецкий, А.А. Виноградов, Ю.Ф. Крачковский и др. [23–25; 62; 73; 326; 347; 359; 370; 429; 458; 474; 643; 651; 653]. Часть авторов, высказываясь в целом за русификацию школы, выступили с критикой конкретных действий министра просвещения графа Д.А. Толстого по введению русского языка, отметили недоработки в реализации данного проекта правительства [294; 36, с. 14; 666, с. 122; 734, с. 87].

В советской историографии оценка введения русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания не была явно обозначена [631]. Первым, кто обратил внимание на это направление в политике «располячивания» школы и костела, был Е.Ф. Грекулов [97, с. 48–51]. На схожих позициях стоял Н.П. Красников – нуждам самодержавия было подчинено не только управление православной церкви в центре и на местах, но и вероучение. Отсюда то значение, которое придавало государство делу обучения Закону Божьему [369, с. 31]. Современный российский ученый А.К. Тихонов считает, что обязательное изучение Закона Божьего римско-католиками на русском языке входило в комплекс мер, известных под названием политики «располячивания» костела [675, с. 144].

В польской историографии русификация преподавания Закона Божьего оценивается крайне негативно, при этом основным аргументом выступает то, что действия властей привели прежде всего к ослаблению веры римско-католиков и пошатнули влияние костела [885; 864, s. 240–241; 948; 954; 966; 990, s. 107; 1000; 1002]. Некоторые польские исследователи, заявляют о ликвидации царизмом не только польского влияния в школах Северо-Западного края, но и римско-католического [867, s. 376; 840, s. 301; 974, s. 89; 962, s. 349; 1005, s. 365; 814, s. 211].

В белорусской историографии интерес к обозначенной проблеме проявился в 90-х годах XX в. Белорусские авторы, в основном, негативно характеризуют русификацию преподавания Закона Божьего для детей-католиков, рассматривая ее в русле антинародной политики царизма на территории Беларуси [43; 69; 98, с. 673; 292–293; 348; 377, с. 139; 437; 636, с. 61–62, 65–66; 637, с. 109–110; 640, с. 40, 69; 644, с. 684–685; 667; 676; 682].

Игнорируя интересы римско-католического костела в системе образования и воспитания, царское правительство не могло вовсе изгнать его из школы – в средних учебных заведениях западных губерний учились католики, которым необходимо было преподавать Закон Божий согласно принятым в империи правилам. Однако здесь камнем преткновения стал язык. Вопрос о языке преподавания Закона Божьего имел принципиальное значение для сохранения традиций католицизма на белорусских землях. Польский язык, использовавшийся римско-католическим костелом в преподавании на протяжении столетий, обеспечивал сохранение и репродукцию числа посещающих римско-католические храмы – он был языком проповеди, понятным верующим, языком традиционным и официально одобренным Конгрегацией обрядов (Rituum), учрежденной папой Сикстом V в 1587 г. для наблюдения за единством в догматах, обрядах и молитвах [295, с. 66]. Отстаивание польского языка в школе определяло сохранность для костела своего авторитета среди населения Беларуси.

Попытки ввести русский язык в преподавание Закона Божьего предпринимались еще в первой половине XIX в. В 1834 г. в г. Вильно в римско-католической епархиальной типографии был напечатан католический катехизис на русском языке [734, с.

87]. Вопрос о разрешении использовать белорусский язык в начальных школах поднимал перед восстанием 1863 г. попечитель Виленского учебного округа А. Ширинский-Шихматов [377, с. 139].

После восстания 1863 г. русификация религиозных дисциплин в школе начала активно осуществляться. И.П. Корнилов, приехавший в Виленский учебный округ в феврале 1864 г., констатировал, что преподавание большинства предметов велось на польском языке, в средних и низших учебных заведениях русский язык являлся «придатком» к общеобразовательной программе. Русских книг, даже азбук и молитвенников, не было – их приходилось выписывать, так как местные книжные магазины, из-за отсутствия спроса, не имели их даже на складах [354, с. 310]. Учебники для преподавания Закона Божьего и в начальных, и в средних учебных заведениях Виленского учебного округа использовались те же, что и в первой половине XIX в.: изданный в 1832 г. «Katehizm o czci Cesarza Wszechrossyi», отредактированный бывшим профессором догматической теологии и истории костела Виленского университета администратором Виленской римско-католической епархии в 1828 – 1841 гг. Бенедиктом Клонгевичем, написанный в духе возвышения российского царя, его «божественной» власти [768, s. 336]. Наравне с катехизисом Б. Клонгевича, в программе обучения римско-католической религии (вместе с историей костела) использовались также давнейшие тексты из «Nauki obyczajowej», напечатанные в г. Вильно в 1826 г.; тексты из «Historii Świętej Młodości Jezusa Chrystusa» Модеста Ватта Косицкого, изданной в г. Варшаве в 1829 г.; из книги «Wyklad obrzędów kościelnych i duchownych», изданной в г. Варшаве в 1828 г.; а также «Modły za Panującego Monarchę» и «Krótki katechizm dla młodzi Rzymsko-Katołickiego wyznania, za Najwyźszym rozkazem ułożony». Обучение Закону Божьему должно было служить религиозному обоснованию верности царю и империи. Начальным аргументом было то, что всякая власть исходит от Бога [773, s. 37, 539; 875, s. 2; 919, s. 167–168].

Вследствие циркуляра М.Н. Муравьева от 7 июля 1864 г. о прекращении преподавания польского языка в учебных заведениях, попечитель Виленского учебного округа 26 июля 1864 г.

предложил законоучителям-ксендзам производить преподавание Закона Божьего на русском языке – по запискам ксендза Доминика Стацевича. В 1853 г. было обращено внимание, что в военно-учебных заведениях римско-католикам Закон Божий преподавался на польском языке. Для устранения этого был составлен законоучителем военно-учебных заведений Д. Стацевичем катехизис на русском языке, одобренный римско-католическим митрополитом и руководством военно-учебных заведений Российской империи. Так как этот катехизис предназначен был только для воспитанников военно-учебных заведений, то его массово не печатали, а литографировали, как и другие руководства для подобных заведений [463, с. 94–95].

Записки эти велено было не печатать, но налитографировать в нужном числе экземпляров и раздать ученикам [474, с. 71]. 8 октября 1865 г. Александр II повелел ввести преподавание на русском языке Закона Божьего римско-католикам во всех школах.

В этих целях катехизис Д. Стацевича был напечатан и разослан по Виленскому и Киевскому учебным округам [734, с. 87; 463, с. 94–95]. В начале ноября 1868 г. «Виленский вестник» указал на большое количество ошибок, а школьные власти порекомендовали дирекциям воздержаться от его употребления до дальнейших распоряжений. Но они так и не последовали [864, s. 208, 210]. Так как, кроме катехизиса, в учебный курс входили еще «Священная история Ветхого и Нового Заветов» и «История Костела», решено было для «Священной истории» использовать учебники, принятые для православных учеников [354, с. 108].

В марте 1868 г. комиссия, созданная генерал-губернатором Потаповым для решения вопроса о введении русского языка в костелы, в которой был только один ксендз, по предложению М.Н. Каткова, приняла решение напечатать для учеников-католиков еще одну книжечку для богослужений на русском языке.

В октябре 1868 г. надзиратели школ уже раздавали ее римско-католической молодежи. В конвикте при Виленской гимназии еще с 1865 г. наказано было католикам читать молитвы в голос по-русски. В Слуцкой гимназии все должно было вестись

на русском языке, а в 1866 г. уездный исправник добился, чтобы и Евангелие в местном костеле, посещаемом учениками, также читалось по-русски. В Витебской гимназии такие действия начали осуществляться с 1867 г. [864, s. 209].

В 1869 г. граф Д.А. Толстой, занимавший должность министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, распорядился заменить польский язык в проповедях и «дополнительном» богослужении в костелах, посещаемых учащимися, русским государственным языком, на что светская власть, по его мнению, имела неотъемлемое право без всякого на то разрешения Римской курии. Сделав через бывшего попечителя учебного округа предварительное распоряжение о переводе молитвенников (алтариков), воскресных и праздничных евангелий, катехизиса и других книг духовного содержания для учеников-католиков с польского на русский язык, Д.А. Толстой поручил ксендзам-законоучителям принять к руководству эти переводы, одобренные римско-католической духовной Коллегией. Эти переводы, напечатанные с ведома Святейшего Синода, были в значительном количестве экземпляров розданы безвозмездно учащимся. Прежние польскоязычные молитвенники, как отмечали некоторые римско-католические законоучителя, воспитывали негативные Российской империи настроения: в них были молитвы об Отечестве к королевичу Казимиру, патрону Литвы, к Станиславу, патрону Польши, праздник которого отмечался 3 мая 1791 г., и ряд других; встречались заграничные издания, не пропущенные цензурой. Все они были отобраны у учеников и сданы в архив управления учебным округом. В результате учащиеся стали посещать костелы с новыми русскими молитвенниками. Переведенные молитвы, одобренные римско-католической Коллегией, вошли в употребление в костелах. Ксендзы-законоучителя гимназий и других учебных заведений, принимавшие участие в введении русского языка в «дополнительное» богослужение и в молитвословия, ранее произносимые в костелах по-польски, удостоились правительственных наград [294, с. 122–123].

Инициативу написания русскоязычных учебников для католиков предпринимало не только высшее римско-католическое духовенство, но и низшее. В 1867 г. молитвы, переведенные Ви-

тебским римско-католическим законоучителем, представлены были попечителю Виленского учебного округа, где с ними провозились весьма долго, после чего решили переслать в г. Санкт-Петербург. Оттуда получено было разрешение напечатать их в г. Вильно вместе с катехизисом, всего 10 страниц [669, с. 163].

С введением русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Виленского учебного округа были широко распространены следующие русскоязычные учебники по этому предмету: «Пространный римско-католический катехизис», составленный ректором Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии Домиником Стацевичем (1865 г.), «Краткий катехизис с присоединением одобренных епископом М. Станевским повседневных молитв» (1868 г.) и «Священная история Ветхого Завета» (1868 г.) [354, с. 414]. В 1871 г. ксендзы-законоучителя получили русскоязычный «Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России или объяснение 4-й заповеди Господней, касательно начальства и его власти» по изданию, одобренному Виленским римско-католическим епископом Красинским. Труд этот был переведен с польского языка Минским деканом ксендзом Ф. Сенчиковским. В нем утверждалось, что «христианская вера обязывает католиков, подданных России, любить Всероссийского Императора, подчиняться ему и молиться за Него» [592, с. 2]. Кроме этого, по линии министерства народного просвещения при попечителе Виленского учебного округа П.Н. Батюшкове снова был сделан перевод римско-католического катехизиса и молитвенников для воспитанников учебных учреждений и специально для жителей Гродненской и Минской губерний, которые заменили для них польскоязычные молитвенники иностранного издания с тенденциозным, по мнению властей, направлением [281, с. 372–373].

При издании римско-католической литературы на русском языке обнаружилось множество ошибок. Это касалось без исключения всех учебных книг. Показательно, что ошибки эти имели тенденциозный характер. Например, в катехизисе Д. Стацевича лишь упоминался догмат о главенстве Римского Папы. Катехизис, появившийся на русском языке в г. Вильно в 1869 г.

вызвал возражения со стороны духовенства вследствие плохой разработки вопроса об организации римско-католического костела. В молитвеннике «Алтарик», переведенном А. Немекшей с польского языка, был пропущен в перечне святых Иосафат Кунцевич. Сборник воскресных и праздничных евангелий оказался одобренным православной цензурой, а перевод был очень не точен. В краткой истории римско-католического костела, изданной в г. Вильно в 1869 г., об унии, например, ничего не говорилось. Римско-католическое духовенство, не касаясь политической стороны вопроса, указывало, однако, что эти ошибки вызваны желанием внести «православный дух» в католические книги [734, с. 88].

К 1 января 1866 г. в Витебской губернии на 12 народных училищ с 361 православными и 58 римско-католическими учениками приходилось 10 православных (имеющих духовное звание) законоучителей Закона Божьего, 6 римско-католических и 11 «простых» учителей. В Могилевской губернии соответственно на 12 народных училищ с 321 православными и 27 римско-католическими учениками приходилось 11 законоучителей православных и 7 римско-католических, при 11 «простых» преподавателей [49, л. 10–11].

Количество ксендзов-законоучителей соответствовало официальной обозначенной цели учреждения училищ – распространение в народонаселении грамотности в «духе русском и нравственно-религиозном» [49, л. 17]. Да и сами народные училища открывались ближе к православной церкви и домам священнослужителей. На этом настоял еще граф М.Н. Муравьев 23 марта 1863 г. Местный приходской священник обязан был наблюдать за нравственно-религиозным направлением в училище [49, л. 17].

Ксендзы-законоучителя не получали жалованья из государственной казны, как представители православного духовенства. В учебных заведениях Виленского учебного округа значительное большинство ксендзов-законоучителей окончили курс в Санкт-Петербургской духовной академии с учеными степенями магистров и кандидатов богословия (смотрите приложение В). Между тем, как большая часть православных законоучителей окончили курс в местных семинариях, и выпускников духовных

академий в числе православных законоучителей было немного. Естественно, что влияние образованных ксендзов на своих слушателей, по признанию самого И.П. Корнилова, было гораздо действеннее, чем влияние православных священников семинарского образования, недостаточно прилежных к трудной наставнической обязанности. Следует отметить, что недоучившихся гимназистов-шляхтичей, иногда даже с неодобрительными увольнительными свидетельствами, охотно принимала Виленская римско-католическая духовная семинария [354, с. 196].

Вопрос о языке преподавания Закона Божьего привел к поляризации в среде римско-католического духовенства, поделив его на тех, кто видел свое будущее в обличии лояльного властям «русского-католика», кто лишь внешне подчинялся жестким мерам властей по русификации костела, и тех, кто открыто выступил против нее.

Активно в деле преподавания Закона Божьего на русском языке проявил себя законоучитель Мозырской прогимназии ксендз Александр Копцегович. Он даже внес предложение читать Евангелие на русском языке, за что получил благодарность от генерал-губернатора. 24 августа 1865 г. ксендз Гиттер также стал преподавать катехизис на русском языке. [474, с.72]. Ректор Виленской римско-католической семинарии прелат Э. Тупальский ввел русский язык в преподавание и заставлял семинаристов практиковаться в писании и произношении проповедей на русском языке. По утверждению Д.Н. Чихачева, Э. Тупальский внушал семинаристам, что край этот искони русский и что они сами потомки русских людей и должны возвратиться к русской народности [734, с. 14]. Благодаря законоучителю Минской гимназии ксендзу Брониславу Заусцинскому русский язык был введен в преподавание Закона Божьего не только в Минской гимназии (27 июня 1869 г.), но и в женских пансионах. Сам же Б. Заусцинский первоначально образование получил в Брестском кадетском корпусе, который был впоследствии переведен в г. Москву, где Б. Заусцинский провел около двух лет. Он имел медаль за усмирение восстания 1863 г., которую постоянно носил. Лично в «Вестнике Западной России» признавал свои заслуги на пользу «русскому делу» в

крае [54, с. 44], за что и получил награду – орден святого Станислава 3 степени [294, с. 131].

В целом, ксендзы-законоучителя оказались одними из первых, кто начал читать проповеди и молитвы за царствующий дом на русском языке, за что, естественно, не остались без вознаграждения: в Минской губернии, кроме Б. Заусцинского, такими оказались законоучитель Слуцкой гимназии ксендз Станислав Лемпицкий, совершивший молебствие и произнесший слово по случаю начала учебного года; законоучитель Мозырской гимназии каноник А. Копцегович при открытии курса учения служил молебен и произнес речь на русском языке; законоучитель Бобруйской гимназии ксендз Александр Янковский вместе с деканом Макаревичем отслужили молебен за царствующий дом и объявили, что на будущее время в высокоторжественные дни будут совершать после литургии молебствие на русском языке; в Гродненской губернии законоучитель Белостокской гимназии ксендз Костантин Берникович при раздаче воспитанникам молитвенников на русском языке произнес в костеле речь по-русски (31 октября 1869 г. награжден орденом святого Станислава 3 степени); законоучитель Гродненской гимназии почетный каноник Фелициан Бедржинский сказал речь на русском языке по случаю раздачи ученикам молитвенников (Гродненский губернатор просил награждения орденом святого Станислава 2 степени, но главный начальник края оставил это ходатайство без последствий) [294, с. 131–132]. Когда открылась вакансия законоучителя католического исповедания в Минской мужской гимназии, то ксендзу Ф. Сенчиковскому, уже прославившемуся в деле внедрения русского языка в Золотогорском костеле, любезно предложили занять эту должность. На любезность Ф. Сенчиковский ответил также любезностью: не только принимал экзамен по Закону Божьему римско-католического исповедания вместе с православным кафедральным протоиереем Иулианом Верниковским, но и следил за тем, чтобы гимназисты и дома читали молитвы на русском языке [294, с. 493, 543].

Жизнь ксендзов-законоучителей, принявших русский язык в деле обучения Закону Божьему, представлялась довольно

хорошей и спокойной. Типичной является биография ксендза Вильгельма Ипполитовича Шварца, происходившего из потомственных дворян Ковенской губернии 1838 г. рождения. В 1857 г. он закончил Свенцянское уездное училище. В 1858 г. вступил в Виленскую римско-католическую духовную семинарию и по окончании в 1861 г. назначен викарием Гродненского Фарного костела, а в 1867 г. – настоятелем. Состоял духовником войск, расположенных в Гродненской губернии с 1867 г. по 1869 г. Попечителем Виленского учебного округа был определен в ноябре 1870 г. законоучителем Белостокской гимназии, Белостокского института благородных девиц. В 1876 г. был награжден за отличную и усердную службу золотым наперстным крестом, а в 1880 г. орденом святого Станислава 3 степени. Предписанием главного управляющего римско-католической епархией от 11 июня 1880 г. назначен Белостокским деканом и настоятелем Белостокского костела. В 1885 г. Виленским епископом К. Гриневицким возведен в звание почетного каноника. 5 апреля 1887 г. В. Шварц был пожалован орденом святой Анны 3 степени, а 21 апреля 1891 г. – святого Станислава 2 степени. По должности Белостокского декана и настоятеля костела получал штатного содержания 400 рублей, от реального училища – 400 рублей, квартирных – 40 рублей, от института благородных девиц – 450 рублей, всего – 1290 рублей. Под судом и следствием никогда не был [209, л. 11–13, 20].

Этому способствовали не только награды и чины, но и условия получения места в школе. Признавая необходимость улучшения знания римско-католическими священниками русского языка, министерством внутренних дел были установлены 21 февраля 1869 г. правила, согласно которым претендентами на должность законоучителя, а также поступающими в семинарию и учащимися семинарии при переходе на следующий курс и при выпуске должны были сдаваться экзамены по русскому языку, отечественной истории и географии [132, л. 49–50]. Экзамены по русскому языку, русской литературе и русской истории должны были сдаваться в римско-католических духовных семинариях на русском языке [966, s. 46].

19 марта 1873 г. министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев распорядился, чтобы главный попечитель Виленского учебного округа вменил присутствующим на семинарских экзаменах в обязанность независимо от отметок, сделанных на общем испытании, сообщать губернаторам отметки по личному их мнению, каковые и служили начальникам губерний руководством при разрешении ходатайства о дозволении поступить в семинарию [49, л. 36].

В то же время и самые громкие протесты по введению русского языка как в преподавание Закона Божьего, так и в целом в римско-католическое богослужение исходили от ксендзов-законоучителей. Законоучитель первой Виленской гимназии ксендз Наркевич, награжденный в 1868 г. наперстным крестом, на предложение директора в 1869 г. раздать ученикам так называемые «евангелички» (воскресное и праздничное чтение из евангелистов) на русском языке, ответил отказом, ссылаясь на каноническое право, запрещавшее мирянам читать Евангелие на этом языке. Попечитель округа немедленно уволил его от должности законоучителя, как, впрочем, и законоучителя второй Виленской гимназии ксендза Жебровского, последовавшего примеру своего собрата. Но самый «возмутительный фанатизм» проявил законоучитель Виленской женской гимназии ксендз Петрович, который в костеле святого Рафаила 25 марта 1869 г. при большом стечении народа во всеуслышание объявил переведенный на русский язык требник еретическим и на глазах у всех сжег книгу на двух костельных свечах, после чего прелатов П. Жилинского, Э. Тупальского, А. Немекшу, ратовавших за русский язык, объявил проклятыми Римским Папой [294, с. 136–137]. Был выслан также 18 ноября 1869 г. в отдаленный приход законоучитель Оршанского уездного училища Могилевской губернии «за резкое негативное отношение к преподаванию Закона Божьего на русском языке» [884, с. 86; 865, s. 482].

Высшее римско-католическое духовенство поначалу одобряло действия правительства. В период после 1869 г. Могилевской римско-католической митрополией руководил Максимилиан Станевский (1795 – 1871) – доминиканин, декан, бывший приор Петербургского монастыря, исключительно

преданный царизму. В Виленском епископстве и уже упраздненной Минской епархии распоряжался Петр Жилинский, также лояльный властям. М. Станевский был сторонником русского языка в обучении религии. В письме, адресованном Луцко-Житомирскому епископу К. Боровскому, он писал: «Обучать катехизису в школе будем на российском языке, как этого хочет монарх, который имеет такое право». Здесь М. Станевский имел в виду царский указ от 25 декабря 1869 г., который отзывал предыдущее распоряжение 1848 г., запрещавшее употреблении русского языка в римско-католическом богослужении. Из тона царского указа выходило, что царь не приказывал, а разрешал употреблять российский язык вместо национальных языков в так называемом «дополнительном» богослужении: погребениях, сакраменталиях, катехизациях [585, с. 74].

Попытался изменить положение дел в Виленской римско-католической епархии назначенный 15 апреля 1883 г. епископ К. Гриневицкий, который, еще будучи законоучителем в г. Орше, вел преподавание на польском языке и запрещал посещение православных храмов ученикам-католикам. Он активно начал объезжать учебные заведения, требуя от попечителя округа, чтобы ученики читали молитвы по-польски и посещали в высокоторжественные дни не православную церковь, как было изложено в уставах учебных заведений, а римско-католический костел. После каждого такого объезда ученики соответствующего учебного заведения руководствовались решениями епископа, что, естественно, вызывало недовольство со стороны властей и православного духовенства [295, с. 43]. «Литовские епархиальные ведомости» называли К. Гриневицкого «воином католицизма, чьи поступки никак не способствуют успокоению религиозной совести католических подданных империи, а лишь укрепляют польскую отчужденность и обособленность» [402, с. 8]. Епископ подверг наказаниям лиц, «прославившихся» деятельностью по введению русского языка в римско-католическое богослужение и вероучение: Ф. Сенчиковского, который находился в то время в Гродненском францисканском монастыре, лишил права священнодействовать; уволил от должностей законоучителей Виленского Мариинского высшего женского училища прелата

Ф. Берджинского, Гродненской мужской и женской гимназий ксендза Б. Заусцинского, бывшего Гродненского законоучителя, а затем настоятеля Фарного костела, Гродненского декана и Белостокского архиепископа с запрещением права священнодействовать ксендза И. Малышевича, издавшего в 1882 г. для римско-католического юношества на русском языке «Краткую историю Ветхого и Нового Завета» с приложением римско-католических молитв и катехизиса. Замечателен тот факт, что сам министр внутренних дел признал правоту решений епископа и лишь относительно ксендза Малышевича был против [295, с. 48]. 14 ноября 1884 г. Виленский генерал-губернатор П. Каханов доносил министерству внутренних дел о ближайших результатах деятельности К. Гриневицкого: «В большинстве народных училищ Северо-Западного края раздаются жалобы, что ксендзы вовсе не посещают их; такое положение дел объясняется тем, что Закон Божий римско-католического исповедания преподается на русском языке; но так как оставлять дело без обучения религии ксендзы не могут, то, чтобы избежать обучения на русском языке, они собирают, под предлогом приготовления к первой исповеди, детей в костелах и там обучают их на польском языке; подобное пропагандирование польской речи посредством религии замечается и в произношении проповедей по Северо-Западному краю на том основании, что Папой не разрешено говорить проповеди на русском языке» [295, с. 51].

Пример Виленского епископа вдохновил низшее римско-католическое духовенство. На 9 ноября 1885 г. по причине отказа местых ксендзов вести уроки Закона Божьего на русском языке не имелось законоучителей в следующих училищах Гродненской дирекции: Мостовском, Гониондзском, Ясвильском, Кречко-Притулянском, Юхновском, Щерцавском. В Белостокском и в Сокольском уезде – в 8 училищах, в Волковысском – 4. За некоторыми училищами лишь числились на бумаге ксендзы-законоучителя [177, л. 1; 655]. К примеру, настоятель Кремяницкого костела Горский, назначенный 28 декабря 1885 г. законоучителем Кремяницкого и Подболотского народных училищ, не занимался преподаванием в них Закона Божьего, так как должен был вести его на русском языке, но

перед руководством училищ ксендз ссылался на большую загруженность по приходу [177, л. 10].

Открытое сопротивление введению русского языка вызвало ответную реакцию властей. Епископ К. Гриневицкий в 1885 г. был выслан из г. Вильно в г. Ярославль, а его решения были отменены правительством. Ксендзы, оказывавшие активное сопротивление решениям властей, принудительно перемещались в Гродненский францисканский монастырь, служивший в то время своеобразной тюрьмой для римско-католического духовенства. Ксендз Адольф Пласковиц, настоятель Гольшанского костела Ошмянского уезда, за противодействие «русской школе и склонению народа к обучению детей на польском языке» в 1887 г. на один год был помещен в монастырь. Но так как, находясь в монастыре, он не покидал «своей вредной деятельности», срок его заключения был продлен еще на год [164, л. 16]. 14 мая 1886 г. ксендза Иоанна Укрина за «противодействие русской школе» на один год заточили в Гродненский монастырь [150, л. 1]. Следует отметить, что случаев обучения ксендзами детей польскому языку было крайне мало – в большинстве дел по вопросам тайного обучения не прослеживается больше вообще никаких фактов участия ксендзов в этом процессе [184; 242–243; 258–259; 562–566].

В связи с действиями по введению русского языка в преподавании Закона Божьего римско-католического исповедания ксендзы-законоучителя оказались между двух огней: с одной стороны – гражданских законов Российской империи, а с другой – традиций, постановлений Конгрегации обрядов (Rituum), требовавших употребления польского языка. К тому же надо было прекрасно знать и русский язык и быть благонадежным. Если в первом случае правительство подстраховалось изданием ряда указов по контролю за учебной деятельностью ксендзов, то во втором – просто удаляло неугодного ксендза-законоучителя, ставя на его место более благонадежного, либо вообще никем не заменяло его. В 1868 г. вместо неугодного правительству ксендза Меневича законоучителем по Оршанскому уезду Минской губернии был назначен воспитанник римско-католической духовной академии магистр богословия ксендз К. Гриневицкий,

одновременно исполнявший должность викарного в Оршанском костеле. Но попечитель Виленского учебного округа не утвердил его, так как был не уверен в его политической благонадежности [174, л. 102–103].

19 января 1865 г. вышел указ о воспрещении римско-католическому руководству назначать ксендзов без согласия губернатора на высшие духовные должности и в законоучителя учебных заведений [132, л. 61]. Перед тем как назначить нового ксендза на должность преподавателя Закона Божьего воспитанникам римско-католического исповедания в местные училища, губернские дирекции народных училищ запрашивали сведения о его политической благонадежности и личных качествах у губернаторов. Аттестацию ксендзам давали и губернские жандармские управления. Мнения и предложения римско-католических епископов практически не учитывались. Многим по этому поводу отказывали: в 1887 г. ксендзу Васильковского костела Сокольского уезда Г. Глоденю было отказано в преподавании Закона Божьего по причине неблагонадежности, которая состояла в том, что он в свои 32 года совершил самовольную отлучку без надлежащего разрешения гражданского руководства из места жительства [272, л. 6–7]. Вовсе осталось без ксендзов-законоучителей Дворецкое народное училище Слонимского уезда: все местные ксендзы были признанны политически неблагонадежными для этой роли, ибо «руководимая ими молодежь могла быть неправильно направлена в правительственной и народной школе» [177, л. 58–59].

Зачастую ксендзам попросту отказывали в занятии должности законоучителя, ссылаясь на небольшое количество воспитанников римско-католического исповедания. Например, попечитель Виленского учебного округа не счел необходимым назначить законоучителя в Климовичское уездное училище. Эта задача переходила на родителей, родственников и опекунов [174, л. 123].

16 апреля 1882 г. попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский, опасаясь влияния на учащуюся молодежь революционных идей, секретным циркуляром предложил «обратить возможно большее внимание на знакомство воспитанников с посторонними лицами» [23, с. 11]. Предполагая, что в револю-

ционной пропаганде участвуют ксендзы, Н.А. Сергиевский секретным циркуляром от 12 декабря 1882 г. предписал строго наблюдать, чтобы Закон Божий был преподаваем ксендзами при открытых дверях класса и чтобы директора народных училищ лично удостоверялись, на русском ли языке идет преподавание и соответствует ли оно принятым программам и духу российского учебного заведения [23, с. 12–13]. Попечитель активно ратовал за усиление влияния православной религии на ученическую молодежь. При нем вводилось обязательное посещение богослужения. Всюду, где возможно, в учебных заведениях создавались «домашние» церкви. Где такой возможности не было – богослужения проводили в учительских семинариях. Когда известный журналист М.П. Погодин посетил Полоцкую учительскую семинарию, несколько народных училищ Витебской губернии, то пришел в восторг, потому что «увидел в Беларуси настоящую Русь, а в белорусах – больших русских, чем сами великорусы» [638, с. 97].

Руководство римско-католического костела далеко не безразлично относилось к законоучителям. В 1872 г. римско-католический митрополит А. Фиалковский настаивал, чтобы Могилевская консистория рекомендовала Дирекции народных училищ для замещения вакантных мест законоучителей римско-католического исповедания в народных училищах тех ксендзов, которые, во-первых, имели ближайшее местопребывание от назначенного места и, во-вторых, были способны ясно и убедительно излагать основные правила римско-католического костела [174, л. 175].

28 декабря 1882 г. высочайше утверждены были для Виленского учебного округа правила для ксендзов-законоучителей. В тех училищах, в которых число учеников римско-католического вероисповедания было не менее пяти – преподавался Закон Божий этого исповедания. В этом случае при училище полагался особый законоучитель, избираемый директором народных училищ из священнослужителей, опытных в начальном преподавании Закон Божьего. Он утверждался в должности попечителем учебного округа по соглашению с губернатором и надлежащим епархиальным руководством. Преподавание Закона Божьего должно было происходить только на русском языке.

Законоучителя получали вместо штатного жалованья вознаграждение из специальных средств училища, в зависимости от состояния его бюджета, а также в соответствии с трудом законоучителя и числу учащихся, но не свыше 150 рублей в год. Размер вознаграждения определялся директором народных училищ с утверждением попечителя учебного округа. Дети римско-католического вероисповедания, поступающие в училище, при котором состоял ксендз-законоучитель, подвергались испытанию в Законе Божьем им, а при отсутствии – лицом православного вероисповедания [687, л. 23–24].

Следует отметить, что римско-католическому духовенству строго запрещалось преподавать Закон Божий или делать внушения, касающиеся своей религии, детям православного исповедания. Даже виновные в этом в первый раз подвергались суду. Для православного духовенства в законах не было таких ограничений относительно римско-католиков [334, с. 9].

Степень восприятия, понимания самими детьми учебного материала руководством Виленского учебного округа и властями в расчет не брались. Еще в 1865 г. «Вестник Западной России», считавший введение русского языка в преподавание римско-католического Закона Божьего во всех учебных заведениях Северо-Западного края просто необходимым, писал, что в этом крае, «как чисто русском, нельзя признать другого официального языка, кроме русского, обязательного для всех, тогда как польский язык многие воспитанники не знают, да и не обязаны знать, будучи хотя и римско-католиками, но русскими или литвинами» [463, с. 95]. Дети просто обязаны были понимать по-русски. Администратор Суражского костела Белостокского уезда Ф. Гриневицкий проводил занятия преподавания Закона Божьего в Суражском народном училище с начала 1881 г. на русском языке. Однако дети, только что поступившие в училище, не понимали по-русски, и для объяснения тяжелых для восприятия мест Ф. Гриневицкий вынужден был употреблять некоторые польские выражения. В результате ксендза оштрафовали на 30 рублей за употребление польского языка, но на должности оставили [123, л. 3].

7 февраля 1892 г. последовало высочайшее повеление признать обязательным языком преподавания Закона Божьего рим-

ско-католического вероисповедания в начальных училищах русский язык [61, с. 283].

Положение дел с русским языком в обучении Закону Божьему римско-католического исповедания стало меняться лишь в начале XX в. 12 ноября 1904 г. высочайшим указом разрешалось обучение польскому языку в низших и средних учебных учреждениях, но только как необязательному предмету, после установленных уроков и за дополнительную плату [988, s. 165].

Весной 1905 г. епископ Э. фон Ропп обращается лично к министру, доказывая необходимость назначения в те местности, где преобладает римско-католическое население, преподавателей того же исповедания; требует одинаковой оплаты для православных и римско-католических законоучителей; предлагает допустить обучение Закону Божьему светскими лицами из числа благонадежных католиков; подчеркивает важность обучения на родном языке, в том числе и при церковных школах для малых деток [638, с. 98].

Указ 17 апреля 1905 г. даровал учащимся римско-католикам во всех учебных заведениях право изучать Закон Божий на природном их языке. 20 апреля 1905 г. Виленский епископ поспешил отправить императору Николаю II восторженную всеподданнейшую телеграмму, прочтя которую, император собственноручно начертал на полях: «Прочел с удовольствием!» [530, л. 3].

1 мая 1905 г. император подписал указ, по которому частично ликвидировалось несколько ограничительных законов и разрешалось некоторые предметы преподавать на польском и литовском языках. Епископ тогда же заговорил и о правах белорусского языка: «Молитвы, катехизис, историю костела преподавать на том языке, на котором дети молятся в семье, – это значит на польском и литовском; белорусскоязычным ученикам начальных школ дозволяю изучать религию на белорусском языке» [638, с. 98].

Позиция епископа в отношении к белорусскому языку кардинально расходилась с позицией большинства римско-католических ксендзов Виленской епархии, считавших всех римско-католиков поляками [637, с. 110]. Подвергся

негодованию Э. Ропп и со стороны поляков во главе с И. Корвин-Милевским, упрекавших епископа в забвении интересов польской нации в Беларуси и Литве [644, с. 684–685]. Даже газета «Наша Ніва» отрицательно относилась к действиям епископа: для нее он был всего лишь помещиком, и все его намерения, какой бы характер они не имели, направлены были, по мнению редакции, на интересы помещиков-поляков [459, с. 6; 460, с. 2; 15–А, с. 13]. В октябре 1907 г. епископ Э. Ропп был освобожден от занимаемой должности.

Таким образом, римско-католический костел стремился сохранить свое влияние в сфере образования и воспитания. В этом определились два направления: не допустить оправославливание детей-католиков через церковно-приходские школы; закрепить за собой право на преподавание религиозных дисциплин для католиков. Противодействие церковно-приходским школам, которому солидарно было большинство представителей римско-католического духовенства, являлось фактически стремлением сохранить свою зону влияния на паству и не имело характер национального (в данном случае) польского движения. Такой же характер носила проблема русского языка, неканоничность которого отступала на второй план, если только на нем можно было учить основам католицизма. Вместе с тем, при любой возможности католический клир стремился вернуться к польскому языку в «дополнительном» богослужении и преподавании, тем самым выступая за сохранение традиций католичества на территории Беларуси, которым были привержены верующие и отступление от которых могло бы привести к потере авторитета среди паствы. Отстаивание польского языка в преподавании, сопротивление оправославливанию католиков через школу было весьма осторожным, костел и в этом случае подчеркивал лояльность по отношению к властям, свое непоколебимое желание сохранить статус легитимного религиозного института в Российской империи.

3.3 Римско-католический костел и тайная польская школа

История тайных школ в Беларуси второй половины XIX – начала XX гг. сегодня имеет уже достаточно обширную историографическую традицию. На этой ниве порадели как отечественные исследователи, так и историки соседних стран. Одной из проблем, которая до сегодняшнего дня не решена в этом сюжете – связь римско-католического костела с организацией и деятельностью тайных школ, участие ксендзов в преподавании в таких школах. Во время их существования власти однозначно считали существование тайных польских школ делом рук римско-католического духовенства [465, с. 1218]. М.Н. Муравьев, в циркулярах о запрещении деятельности тайных польских школ, указывал на ксендзов, как главных начинателей этого дела [477; 589]. Того же мнения придерживался А.И. Миловидов [445, с. 37]. Уверенными в непосредственной инициативе со стороны римско-католического духовенства в открытии тайных школ были и деятели образования, в том числе и руководитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов [354, с. 69; 692, с. 188; 347, с. 17–19]. На той же позиции стояла и официальная пресса: «Литовские епархиальные ведомости», «Церковный вестник» и др. Несмотря на полную уверенность инициативы ксендзов в деле организации тайных школ, государственные чиновники и пресса не делают ни одной ссылки на конкретные факты или фамилии.

В исследованиях, которые появились в отечественной и зарубежной историографии почти на протяжении столетия, при многочисленных разнообразных мнениях, связь тайных школ с костелом также не опровергалась. Среди этих работ следует назвать труды польских исследователей С. Щепановского [958, s. 194], П. Кубицкого [865, s. 261] М. Ванковича [984, s. 151]; обобщающую работу белорусских историков образования советского периода [457, с. 177]; американского исследователя С. Вандыча [983, s. 238] и др.

В современной белорусской историографии связь тайных школ с деятельностью католического духовенства уже не рассматривается как аксиома. Похожий подход встречается и в последних исследованиях польских авторов. Так, если первона-

чально С.В. Снапковская отмечала, что среди польских тайных школ преобладали католические, количество которых быстро росло, и после этого не давалось ни одного подтверждающего факта [647, с. 20], то в последующей статье автор уже более осторожнее в высказываниях относительно тайных польских школ [648, с. 108–109]. В своей статье С.А. Талкачева указывает на прямую связь костела и тайных польских школ в 1861 – 1914 гг., хотя раскрывает эту связьна событиях лишь до 1863 г. [673, с. 136–137]. Более последователен в своих рассуждениях Р. Радик [926, s. 151–152]. Совсем не увидел участия ксендзов в тайных польских школах А. Бобовик [774, с. 87]. Некоторые факты участия ксендзов в обучении детей польскому языку приводит С.М. Токть [678, с. 77].

Связь римско-католического духовенства с этими школами нельзя рассматривать односторонне – она имела разные формы, менялась в связи с изменением политической ситуации, с положением костела и политикой властей в этом вопросе.

Появление тайных школ с польским языком обучения было обусловлено несколькими причинами. Необходимость изучения польского языка была вызвана и религиозными нуждами – костел в Беларуси оставался польскоязычным.

Римско-католический костел на протяжении столетий был здесь монополистом в сфере обучения, в том числе, крестьянского. После реформы образования, которая была проведена в первой половине XIX в., позиции костела в этой сфере фактически были сведены к преподаванию религии в начальной школе. Но и в восприятии населения, и в понимании самого духовенства деятельность на ниве просвещения оставалась одним из обязательств костела.

Царское правительство, преследуя цели монопольного господства в области школьной политики, насаждало местному не православному населению школы, основанные на православно-русском духе. Не имея школ с родным языком обучения, а также на языке своей религии, оно было вынуждено обучать своих детей тайно. Обычно группы родителей-крестьян по вечерам собирали детей у кого-либо дома и учили их элементарной грамоте на родном языке. Но царское правительство лишало народ и этой возможности. Оно боялось распространения тайно-

го обучения, видя в нем политическую «крамолу» и средство, направленное против русификации и насаждения в крае православия.

Многие из помещиков-католиков с началом восстания 1863 г. принялись устраивать сельские школы, в которых, при помощи католического духовенства, обучали крестьян польской грамоте на польских букварях, а также православных крестьян – римско-католическому катехизису. Подобного рода действия обнаружены были и в некоторых казенных имениях, в которых чиновники окружных управлений, состоявшие в основном из местных уроженцев-католиков, считавших себя поляками, не препятствовали католическому духовенству распространять польскую грамоту среди сельского населения. Эти действия вынудили местную власть еще в декабре 1862 г. сделать распоряжение о закрытии сельских школ, учрежденных без разрешения училищного начальства [589, с. 14].

Виленская следственная комиссия еще 31 декабря 1863 г. обратила внимание Виленского генерал-губернатора, что при костелах в крае существовали школы по 30–40 учеников, в которых ксендзы учили детей польскому языку и воспитывали их согласно своим взглядам. Ксендзы были уверены, что никто не воспретит им учить польскому языку, как языку, на котором народ молиться [865, s. 261].

М.Н. Муравьев, принявший в свои руки высшее руководство в крае, циркулярным распоряжением от 1 января 1864 г. приказал начальникам губерний преследовать тайное обучение. Он предлагал, чтобы католических ксендзов, которые будут заниматься распространением польской грамотности между крестьянами, облагать штрафом в 200 рублей, а с тех ксендзов, которые будут обучать православных крестьян польскому катехизису, взыскивать штраф по 300 рублей и арестовывать [589, с. 30]. 3 апреля 1892 г. были вновь переустановлены правила о взысканиях за тайное обучение в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях: за устройство и содержание школы взыскивался штраф до 500 рублей или аресту до 3 месяцев; за всякое содействие к устройству школы такого рода, выражавшееся или доставлением помещения для тайной школы, или платой

за обучение и т.п. – назначены такие же взыскания. Из циркуляра министра внутренних дел Плеве от 19 июня 1904 г. видно, что в начале XX в. продолжали действовать строгие «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях». Возбуждение дел о тайном обучении возлагалось на инспекторов народных училищ, а взыскания – на губернаторов [415, с. 8].

Но и данные меры оказались тщетными. В отчете о состоянии церковно-приходских школ и школ-грамот в Гродненской губернии за 1892–1893 гг. отмечалось, что много усилий приходится употреблять местным православным священникам на поддержание и охранение заведенных ими школ от разных «тлетворных влияний, особенно проявляющихся в местах устройства тайных польских школ» [479, с. 47].

В Минской губернии был пущен слух в 1866 г. будто католики, обучающиеся в школах, будут насильно обращены в православие – вследствие этого многие католики-крестьяне не посылали своих детей учиться [354, с. 256]. Некоторые матери в деревнях крестами клялись на пороге, когда приходили записывать детей в школу, боясь, что их «переделают в москалей» [382, с. 112].

Учебное начальство постоянно требовало улучшения посещаемости занятий учениками. Оно обращалось за содействием к мировым посредникам. На основании циркулярных распоряжений губернаторов, под нажимом мировых посредников и волостных старшин часто выносились сельские приговоры, обязывавшие крестьян аккуратно посылать своих детей в училища. Нередко устанавливались штрафы с крестьян за непосещение детьми училищ. Однако административные меры, в том числе и штрафы, мало помогали улучшению посещаемости.

Учебное начальство причину плохого посещения училищ усматривало в косности крестьян и в пропаганде ксендзов против русской школы. Однако не в этом заключались основные причины плохого посещения училищ. Крестьяне-католики, в своей массе, безразлично относились к таким школам, так как пользы от такого учения они не видели, где обучали на чужом языке и чужой вере.

Серьезной причиной плохой посещаемости служила также дальность расстояний от деревень до училищ, отсутствие при большинстве училищ ученических квартир-общежитий. Часто приходящие ученики ночевали в классных комнатах. Здесь же они варили себе пищу и хранили свои продукты.

Согласно Уставу для народных училищ 1874 г., в местностях, где проживало хотя бы пять верующих иного христианского вероисповедания, там следовало преподавать и такой же катехизис. В 11 томе Свода Законов прописано было право открывать каждому приходу, будь он католическим или евангелистским, собственную приходскую школу. Отталкиваясь от чего, епископ Козловский предложил в 1884 г. правительству Российской империи ввести преподавание католической религии во всех народных школах. На что, конечно, получил безоговорочный отказ, с убедительной просьбой не вмешиваться не в свое дело [864, s. 237–238].

Не имея возможности обучать своих детей польскому языку и молитвам, католики стали открывать тайные школы. В 1882 г. в Виленской губернии было закрыто 20 польских школ, в Гродненской губернии, где они имели слабую конспирацию – 50. В большинстве своем около Белостока, Бельска и Соколки. В 1886 г. полиция обнаружело большое количество школ в Лидском, Слонимском и Ошмянском уездах. «Литовские епархиальные ведомости», не понимая почему местное население само открывало польские школы, всю вину за их организацию свалило на ксендзов, как злейших врагов православия и русского дела [864, s. 239].

Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор И. Каханов в 1886 г. считал тайные польские школы одним из самых действенных средств пропаганды польского языка, а с ним и польских национально-религиозных тенденций. Учебное начальство округа ответственность за допущение организации тайных школ возлагало на директоров народных училищ. Директора обязывали учителей следить за нелегальным обучением. Многие учителя в свою очередь часто внушали своим ученикам, чтобы они в случае обнаружения в домах крестьян тайного обучения немедленно доносили им. Искусственно создавались ненормальные взаимоотношения между местным населением и

официальной школой. В тайных школах учителя обучали детей обычно грамоте, молитвам и катехизису. Но были и такие тайные школы, в которых преподавались родной язык, грамматика, чистописание и другие общеобразовательные предметы. В околице Шанишках Паречской волости Бобруйского уезда Минской губернии мещанином г. Речицы Ипполитом Мостицким римско-католического вероисповедания велось обучение детей польской грамоте и молитвам [267, л. 1].

В тех местностях, где преобладало католическое население, наряду с официальными народными училищами существовали тайные школки, открываемые какими-нибудь грамотными крестьянами или дворянами, но всегда под наблюдением и сильным влиянием местного католического духовенства, активизировавшего свою деятельность в начале 80-х годов XIX в. – после подписания с Римскою курией договора и назначения епископов. Уличить же этих пастырей было весьма трудно, так как они всегда держались в тени и в случае опасности первые исчезали со сцены. Автору удалось выявить лишь один документально подтвержденный факт обучение детей именно польской грамоте, а не молитвам на польском языке, ксендзом Мельникского костела Василевским в 1866 г., за что он был наказан штрафом в 50 рублей [135, л. 25]. Правда, в архиве сохранилось много подобных дел, с участием ксендзов, относящихся ко времени после революции 1905 – 1907 гг., что не является нашим периодом исследования. Известны также следующие тайные польские школы, которые время от времени посещали ксендзы, чтобы проверить правильность изучения молитв (1884 г.): в Лидском уезде – в д. Руда (3 мальчика), в местечке Сморгонях (7 мальчиков и 8 девочек); в Ошмянском уезде – в д. Александровичах (2 мальчика и 7 девочек); в Слонимском уезде [403, с. 7].

В синодальном отчете обер-прокурора за 1887 г. сказано, что римско-католическое духовенство требует, чтобы католики обучали своих детей у себя на домах исключительно только польской грамоте. Среди русского сельского населения происходит борьба влияний, среди которых играли роль также писари и члены волостных правлений. К семейным влияниям присоединялись в римско-католическую сторону и мнения сельских руководителей, которые в некоторых волостях были сплошь ка-

толиками. В общем, обер-прокурору Синода пришлось признать существование особенной связи в западных губерниях империи между католичеством и населением, с целью усиления польской народности [413, с. 6–7].

Полиция так усердствовала в поиске тайных школ, что причисляла к разряду таковых иногда и отделения народных училищ, существовавших с разрешения учебного ведомства, или только что организованные црековно-приходские, не успевшие запастись документами от православного епархиального начальства [692, с. 151].

Как видно из архивных документов, в тайных школах обучение проводилось на разных языках. Царские власти преследовали тайные школы и тайное обучение с преподаванием на любом языке. В литовских и польских школах власти видели возрождение национальной культуры и польскую пропаганду, а в обучении на русском языке, равно как и на иностранном языке, усматривали распространение вольнодумства и революционных взглядов.

Никакие меры преследования не могли приостановить тайное обучение. Оно не только не прекращалось, но еще более расширялось. Если в уезде имелось одно казенное училище, то в этом уезде зимой можно было найти 5-10 тайных школ, о которых учебное начальство и полиция не знали. В связи с репрессиями царского правительства обучение детей в групповых тайных школах все больше заменялось индивидуальным, принимая семейный характер.

В конце XIX в. крестьяне католики, главным образом, западной Беларуси сами стали организовывать тайное обучение польскому языку, нанимая учителей. Российское «Новое время» писало в 1884 г., что в Виленской губернии власти закрыли к концу года 22 тайные польские школы, в Гродненской же только с середины 1882 г. до середины 1883 г. – 64 школы. Корреспонденция «Виленского вестника» доносила в том же году, что православные крестьяне желают, чтобы их дети были обучаемы в народной школе польскому языку, и что крестьяне сами начали обучать на домах польскому языку, как православные так и католики. Само же обучение, как замечает Р. Радик, имело выраженный религиозный характер и носило низкий образователь-

ный уровень: ведь даже сами учителя едва умели только читать и писать по польски. К тому же учебным метериалом служили книжечки для богослужений, написанные на польском языке [926, s. 151]. Самые распространенные учебники в тайных польских школах были следующие: «Nauka czytania i pisma polskiego z przydatkiem nowego katechzmu dla małych dzieci zebrana» [875], «Książeczka jubileuszjwa czyli nauka o odpustach» [893], «Cwiczenia duchowne czyli lekarstwo niebieskie dla czlowieka» [832], «Семь главных грехов», «Чтение и молитвы небесные», «Лекарство небесное», «Проповеди», изданные в г. Кракове и г. Познане, «Старый и Новый завет», «Малый алтарик: избранные богослужения для католических детей», «Малый элементарик для наук чтения с дополнениемкатехизиса, молитв, песен», «Элементарик образцовый», «Apostolstwo Serca Jezusowego», «Karta wpisowa apostolstwa i modlitwy», «Siedm grzechow glównych» [563, л. 51, 80, 86]. Эти книги обычно тайно продавались на местных базарах евреями.

В представлении министра народного просвещения по вопросу о введении правил о взысканиях за тайное обучение в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерний [618, с. 713–795, 817–823; 700, с. 97, 102] утверждалось, что обучению детей в тайных школах прибегало не все население, а преимущественно католическое. Более того, министр отметил, что польский язык, давно устраненный из «публичного употребления в сфере гражданской жизни, остается невозбранно до настоящего времени для белорусов и литовцев римско-католического исповедания языком церковным, языком молитвы, общественного богослужения и проповеди». Следовательно, он признавал, что на польском языке в тайных школах учат не только детей поляков, по и белорусов и литовцев. Стараясь доказать, что единственной целью тайных школ является «ополячивание местного населения», он утверждает, что организация тайного обучения не имеет своей целью «ни религиозного образования местного населения, ни распространения среди него грамотности, так как польский язык не является для этого населения ни государственным, ни, в громадном большинстве случаев, родным... ».

Таким образом, сам министр утверждал, что в тайных школах учились не поляки, а дети других национальностей.

Поскольку основную массу населения составляли белорусы, то можно с полной уверенностью утверждать, что и в тайных школах обучались дети белорусов, а, приняв во внимание, что среди белорусов было много католиков, для которых польский язык был «языком молитв», можно этим объяснить, почему в тайных школах изучались и белорусский и польский языки. Правительство запрещало обучение как на белорусском, так и на польском языке.

Безусловно, среди тайных школ польско-католические, понимая под этим термином изучение в них и преподавание римско-католических молитв, песен, а не непосредственное участие ксендзов, преобладали и численность их быстро росла. Напрасно в серии книг «Церковная школа» говорилось, что «католики смело могут идти в православную церковную школу, где они найдут чистое евангельское учение и полное уважение к той религии, которую исповедуют они. Не так относится католическое духовенство к православию, предоставляя в этом отношении высокое преимущество гуманности и терпимости православному духовенству» [707, с. 29]. Католики не желали отдавать своих детей в русские учебные заведения, особенно когда Закон Божий там преподавал православный священнослужитель. Да и само название церковно-приходских школ указывало на особенное значение в них Закона Божьего. В «Объяснительной записке к программе преподавания Закона Божьего в церковно-приходских школах» говорится, что Закон Божий составляет главный предмет обучения и что все другие предметы должны быть, по возможности, поставлены от него в более или менее тесную зависимость: церковная грамота должна помогать изучению молитв и песнопений; русское чтение и письмо должно быть обращено к предметам по преимуществу религиозного содержания; пению дети обучались лишь церковному. Власти прекрасно понимали, что состоя в числе начальных, церковно-приходская школа будет для большей части своих воспитанников и последнею школой из нее они выйдут прямо на поприще жизни [577, с. 14]. Но на обучение в этих школах соглашалась только небольшая часть белорусских крестьян-католиков. В

1884 г. в Минской епархии среди учеников церковно-приходских школ и школ грамоты дети католиков составляли всего 2,1% [335, с. 91].

Следует также отметить о неоднозначности оценки церковно-приходских школ. Начиная со второй половины 80-х годов XIX в. все чаще в отчетах местным губернаторам мировые посредники, признавая школу лучшим проводником в жизнь национальных начал среди «ополяченного и окатоличенного» населения Северо-Западного края открывать вместо церковно-приходских школ училища Министерства народного просвещения: поскольку в них преподавался Закон Божий для детей-католиков специально приглашенным ксендзом-законоучителем [48, л. 45]. Но эти замечания оставались лишь на бумаге.

Таким образом, встает интересный вопрос о потенциале народных училищ, или лучше сказать потенциале тайных школ, включая сюда как и польские, так и русские, немецкие, французские и др. – по языку преподавания в них. И вовсе не обязательно, что римско-католики занимались преподаванием польского языка. Зачастую они преподавали немецкий, французский и даже русский языки, в зависимости от сословного и территориального происхождения [233, л. 5]. В книге «Начальное обучение» находим следующие данные, отражающие численность училищ на 20 марта 1880 г. по Виленскому учебному округу: в Виленской губернии – 244, в Гродненской – 386, в Ковенской – 179, в Витебской – 168, в Могилевской – 184, в Минской – 353 – всего 1514. Далее авторы приводят потенциальное, нормальное, число училищ, если бы в учебном округе училось все население: в Виленской губернии – 5014, в Гродненской – 3854, в Ковенской – 3928, в Витебской – 4744, в Могилевской – 4535, в Минской – 6089 – всего 28164. Сответственно, число училищ увеличилось бы в Виленской губернии в 20,4 раза, в Гродненской – 10, в Ковенской – 21,9, в Витебской – 28,2, в Могилевской – 24,7, в Минской – 17,3; в целом 18,6 раз [458, с. 14]. Как видим, правительственных, законных, школ не хватало, что и в некоторой степени и вызывало появление тайных школ. Таким образом, не только и не столько русификаторская политика властей отыграла здесь свою роль, но и желание населения дать своим детям образование. Безусловно, что в разряд тайных школ следует от-

носить не только польские, но и все «незаконные» школы. Но поскольку большая часть тайных школ относится именно к польским, имеется ввиду преподавание польского языка, то и свободная ниша в большей степени относится именно к польским тайным школам. Таким образом, общее количество школ по Виленскому учебному округу, при условии обучения всех детей, могло бы быть в 18,6 раз больше, чем существовавших официально. Для сравнения по Варшавскому учебному округу потенциал составлял 9,8, по Санкт-Петербургскому – 12, по Дерптскому – 2,6, по Киевскому – 13,9, в целом по империи – 12,7 [458, с. 15–18].

По мнению С.М. Токтя, усилия царского правительства бороться полицейскими мерами с нелегальным образованием в католической деревни не могли принести успеха, поскольку тайные школы были тесно связаны с костелом и верой: настоящим католиком, распространенных среди крестьян представлений, мог стать только тот, кто научился самостоятельно читать молитвенник. Несмотря на все запретительные меры, многие крестьяне-католики, согласно переписи 1897 г., отмечали умение писать и читать по-польски. Причем в переписных листах они часто подчеркивали, что научились польской грамоте в костеле [678, с. 60]. Отсюда логично предположить, что ксендзы не занимались открытием тайных польских школ, имея в виду самостоятельную отдельно взятую школу, а непосредственно в самом костеле давали необходимые указания как читать молитвы, как правильно произносить слова и т.д. Это и обеспечивало большую неприкосновенность со стороны правительственных карательных органов. Ведь гораздо труднее было в таком случае уличить ксендза в преподавании польского языка. Исследователи часто обращают внимание на разницу уровня письменности католического и православного населения. Согласно данным переписи 1897 г. среди православных белорусов Гродненской губернии процент письменных составлял 17,3, а среди католиков – 35,4. Причем среди женщин православного вероисповедания отмеченный показатель составлял всего 5,3%, а среди католичек – 31,2%. Подобная ситуация, по мнению С.М. Токтя, являлась следствием активной просветительской деятельности католического духовенства, которую оно проводило, не обращая внима-

ния на репрессии со стороны государственной власти. Натурально, что костельная наука обычно ограничивалась умением читать молитовник. Тем не менее это должно было иметь влияние на жизнь крестьянской общины, в частности, на ментальность самих деревенских жителей [678, с. 87–88].

Заслуживает внимание рапорт настоятеля Данюшевского костела Свенцянского уезда Виленской губернии ксендза Никазия Гинтовта от 17 июня 1903 г., которым он обратился к временно управляющему Виленской римско-католической епархией канонику В. Фронцкевичу о разрешении ему поручить некоторым его прихожанам, хорошо ознакомленными с главными истинами веры, обучать таковым детей римско-католического вероисповедания с целью подготовления последненго к первой исповеди и Св. Причастию. Мотивы, побудившие ксендза, были следующие: отсутствие умения родителями правильного чтения молитвы Господней, Верую, десять Божьих Заповедей, пяти костельных главных истин веры, не говоря уже о чем-либо большем – вследствие чего заучивание детей родителями производилось обыкновенно с перековеркиванием слов в силу чего вместо молитвы «творилось нечто необыкновенное и языческое». Посылание детей в костел на катехизис на деревне в понятиях народа не соблюдалось: зимой – по поводу недостатка обуви и одежды по причине бедности, а летом – из-за недостатка времени, так как всякий ребенок, достигший десятилетнего возраста должен был пасти ежедневно скот или ухаживать за малолетними своими братьями и сестрами. К тому же, не следует забывать и о других препятствиях, как, например, значительное расстояние от приходского костела за 20 и более верст и т.д. Признавая замечания ксендза Н. Гинтовта вполне заслуживающими уважения и принимая во внимание, что почти повсеместно существовал подобный порядок вещей, где вследствие отдаленности местожительства от костела или многочисленности парафиан, поучения главным истинам веры не могли быть исполнямы духовным лицом, В. Фронцкевич обратился с прошением от 21 июня 1903 г. к Виленскому генерал-губернатору разрешить священнослужителям в подобных случаях поручать наставлению детей в знании

главных истин веры лицам ими же избранными. Но, естественно, просьба временно управлящего Виленской епархией не была удовлетворена. Ведь в пределах империи обучение детей грамоте и первоначальным истинам веры производилось только в правительственных и частных школах, преподаватели которых должны были удовлетворять известным требованиям в отношении их образовательного ценза и находились под надлежащим контролем. Для детей римско-католического исповедания в районе Виленской епархии, в противном случае, были бы открыты, в сущности, ряд школ на особых основаниях, ускользающих от правительственного надзора и контроля. К тому же при осуществлении намеченных каноником В. Фрончкевичем предложений, преследование тайного обучения детей – по мнению Гродненского губернатора – стало бы затруднительным, так как в каждом отдельном случае решение будет зависеть от местного ксендза, могущему заявить, что данное лицо производило обучение с его разрешения. Вместе с тем, отсутствие правительственного надзора давало повод опасаться, что небольшие школы, предназначенные собственно только для обучения молитвам и началам катехизиса, могли бы обратиться в «рассадники польских национальных и сепаратистских тенденций». К тому же язык преподавания в них был бы польский [547, л. 46–48].

В 1899 г. совещание предводителей дворянства и мировых посредников Гродненской губернии признало свою полную беспомощность в борьбе с тайными польскими школами. Они отметили, что с такой силой как римско-католический костел никто справиться не в силах. И всеже предлагали бороться с тайными школами открытием большего числа церковно-приходских школ и школ грамоты. Предложение кажется немного странным, так как сами же они же и подчеркнули на совещании, что даже православные крестьяне, не говоря уже о римско-католиках, не охотно посылали своих детей в открытые правосланым духовенством школы и только училища ведомства Министерства народного просвещения могли бы, и то после борьбы с происками и стремлениеями ксендзов, привлечь детей школьного возраста в свои стены. Более того они же и признали, что Министерские начальные училища, которых в губернии

насчитывалось в 1899 г. 326, против 100 церковно-приходских и 1105 школ грамоты (одно училище приходилось в среднем на 105,4 квадратных версты, на 3172 жителя и в этих училищах обучалось до 18,2% детей школьного возраста), более других давали возможность населению основательно научиться русской грамоте, и окончившие в них курс менее подвержены были рецедивам безграмотности, а самое образовательное дело поставлено на сравнительно более прочные основания [371, с. 76, 78]. Как видим, победило воспитание «русского духа истинно русских», а не образовательные стремления.

В 1901 г. минский губернатор Н. Урусов в рапорте о положении губернии призанал наличие в крае польских тайных школ в месностях с большим количеством римско-католиков [826, s. 124].

Под влиянием событий революции 1905 г. царское правительство пошло на уступки национальным меньшинствам империи в деле организации образования на их родном языке. 22 апреля 1906 г. император разрешил преподавать польский язык в той части Гродненской губернии, которая граничила с Королевством Польским. К этому шагу правительство подтолкнуло массовое развитие тайного образования, главным вдохновителем которого сейчас становится римско-католическое духовенство. Виленский католический епископ предписал в октябре 1905 г. приходским ксендзам основывать школки с польским языком обучения. Одновременно ксендзы призывали своих прихожан к бойкоту россиской школы, покуда там не будет преподаваться польский язык. Несмотря на преследования, штрафы и аресты учителей, тайное образование продолжало существовать. Согласно архивным данным, только в одной Гродненской губернии за период 1907–1910 гг. было раскрыто полицией 18 тайных школ, среди учителей которых значительно большинство принадлежало к римско-католической конфессии (заметим, что не сами ксендзы преподавали – А.Г.). Царский чиновник Ромейков объяснял в ноябре 1905 г. причину посещения белорусскоязычными крестьянами-католиками тайной польской школы тем, что на польском языке разговаривают ксендзы и на этом языке нужно молиться. Свой рапорт Ромейков суммировал следующим выражением: «Io того

времени, покуда дпополнительное богослужение в костелах белорусского края будет проводиться на польском языке, тайные польские школы будут существовать и содействовать полонизации края» [678, с. 63].

В мемуаристике Мария Чапская с Минщины вспоминает про своих крестьян: «Родители наших учеников очень заботились о польском языке, хотя между собой говорили по-белорусски и не имели выраженного национального сознания: на вопрос, поляки ли они, отвечали, что они «местные», сознавая свое отличие, но католичество и польскость были панскими и это их прыцягвала» [44, с. 86].

Несомненным является то, что тайные школы с польским языком обучения являлись шагом к последующей национально-культурной ассимиляции этнически белорусского крестьянства. Многочисленные источники позволяют утверждать, что большая часть белоруссов-католиков Гродненщины (также и других белорусских землей – А.Г.) считала и называла себя на начало XX в. поляками. Последствием процесса полонизации было постепенное вытеснение собственного «простого» языка крестьян и их традиционной культуры, которую деревенские жители часто не считали нужным сохранить [678, с. 65].

Наверное, стоит согласиться с польским исследователем Р. Радиком, отметившим, что «обращение к польскому язуку не было вызвано любовью к Польще и ее идеологическому образу – надлокальному отечеству, но выводилось с сильной привязанности крестьянина к религии, к римско-католическому костелу, в котором польскость присутствовала каждый день» [926, s. 152].

Под влиянием революции 1905 – 1907 гг. количество тайных школ значительно увеличилось. Указом Николая II от 24 августа 1906 г. были отменены правила о наказаниях за обучение в них. Но вопрос о разрешении национальных школ – как заметила С.В. Снапковская – так и не был разрешен, что давало почву для деятельности тайных учебных учреждений. Они были почти единственным средством для получения образования на родном языке широким кругам населения. При всех недостатках тайные школы смогли противостоять тотальной политике русификации. Через них прошло немало представителей белорус-

ского возрождения, в том числе Я. Купала, П. Мяделка, Ядвигин Ш. что касается позиции католического костела, то он, блюдя интересы польского и непольского католического населения, объективно поддерживал борьбу белорусского и литовского населения за собственную национальную школу [648, с. 108–109].

Таким образом, анализ истории тайных польских школ, которые действовали в Беларуси во второй половине XIX – начала XX вв. показывает, что причины их возникновения, связь с костелом и программа обучения имела много форм и черт. Нельзя дать однозначную оценку значения тайных польских школ Беларуси и роли, которую отыграло в них римско-католическое духовенство. Большинство тайных школ, обнаруженных властями, создавалось самими крестьянами, преподавание в них вели нанятые учителя, либо сами родители учеников, знавшие грамоту. Безусловно, создание тайных школ, в которых преподавался польский язык, одной из своих задач имело приобщение детей к традициям римско-католического костела – иначе они просто не могли деятельно участвовать в богослужениях. Однако костел открыто не призывал крестьян тайно обучать детей польскому языку.

ГЛАВА 4 ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА ОГРАНИЧЕНИЯМ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ

4.1 Деятельность римско-католических братств

Не было ничего удивительного в том, что римско-католический костел в лице Папы Льва XIII обратился к проблеме взаимоотношений рабочих с собственниками, нанимателями. Дух революционных перемен вышел за пределы экономики и влияние его ощущалось в политике, культуре, религии. К конфликту привели прогресс промышленности, развитие новых отраслей, изменившиеся отношения между рабочими и хозяевами, огромные состояния немногих и бедность многих, наконец – заметный упадок нравственности. Общественное мнение было в высшей степени захвачено создавшимся положением: ученые толковали о нем, деловые люди предлагали разные планы, народные собрания, парламенты и правительства были им заняты. Естественно, что в таких условиях, костел не мог спокойно стоять в стороне, дожидаясь разрешения проблемной ситуации. По долгу апостольского служения и ради общего блага костел не раз обращался к пастве, чтобы изложить благое учение о политической власти, человеческой свободе, государственном устройстве и т.д. Обсуждать создавшееся положение было нелегко и в известной мере опасно. Нелегко определить относительность права и взаимные обязанности богатых и бедных, капиталистов и рабочих. Опасность же в том, что ловкие агитаторы могли воспользоваться суждениями, извратить их и побудить народ к насильственным действиям. Костелу следовало найти какое-то средство против зол и несчастий, от которых страдали почти все рабочие. Старинные цеха были уничтожены еще в прошлом веке, и никакие сообщества не заменили их. Общественные учреждения и законы пренебрегали религиозной верой. Разъединенные рабочие ничем не были защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества. Бедствие это усугубляло ростовщичество. Кроме того, в руках незначительного числа было сосредоточено столько отраслей

производства, что считанные богачи могли держать множество бедных под игом, которое немногим отличалось от рабства.

Окружное послание Римского Папы Льва XIII «О положении трудящихся» от 15 мая 1891 г., более известное как энциклика «Rerum novarum», явилось ответом на вызов современности, в первую очередь обращенного против социалистов, полагавших уничтожить частную собственность с передачей личного имущества в ведение государства или местных властей. Таким образом, каждый гражданин смог бы иметь долю во всем, что ему могло бы понадобиться. Однако предложения эти, по мнению римско-католической церкви, были столь непригодны, что если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. К тому же они несправедливы – ведь следуя им, пришлось бы ограбить законных владельцев.

Римско-католический костел признавал, что когда человек работает за деньги, он стремится к тому, чтобы приобрести собственность и ею владеть: «Если кто-то отдает другому силы и умение, то вправе за это получить то, что нужно ему для жизни, и явно предполагает приобрести право не только на вознаграждение, но и на то, чтобы вознаграждением этим распоряжаться» [929, с. 7]. Именно в этой области и состояло право собственности. Стало быть, стремясь передать обществу имущество частных лиц, социалисты не учитывали интересы людей, живущих заработной платой, ибо лишали их свободы ею распоряжаться, отнимая тем самым надежду и возможность умножить свое состояние и улучшить условия жизни. Кроме того, понимание костелом права собственности было напрямую увязано с человеческой природой: «Среди живых существ лишь у человека присутствует разум и потому он вправе владеть вещами не только для временного, даже минутного, потребления, как владеют другие существа, но и прочно, постоянно; он вправе владеть не только тем, что уничтожается по употреблении, но и тем, что пригодится в будущем» [929, с. 7].

Признав собственность естественной для человеческой природы, костел признал и неравенство в обладании собственностью, ведь само неравенство заложено в человеческой природе: «Такое неравенство отнюдь не препятствует благополучию частных лиц и государства, ибо государственная и общественная

жизнь может поддерживаться только тогда, когда в государстве и обществе наличествуют разные способности, и каждый служит общему благу, исходя из своих особых дарований» [929, с. 10]. Но естественность неравенства в обладании собственности вовсе не вела к естественности вражды классов общества: «Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве, по самой природе, классы эти должны жить в полном согласии, приспосабливаясь друг к другу и поддерживая равновесие целого; каждый нуждается в другом: капитал не может обойтись без труда, труд – без капитала; взаимное согласие рождает лад и порядок, непрерывная борьба разрешается смутой и одичанием» [929, с. 11].

Стремясь воспрепятствовать такой борьбе и самой возможности ее, христианство призвало рабочих честно и подоброму выполнять справедливые обязательства, не портить хозяйского имущества, не обижать хозяина, не прибегать к насилию и не заводить беспорядков, не общаться с сомнительными людьми, которые смущали народ пустыми надеждами, приводящими лишь к разорению и запоздалому раскаянию. Богатых людей учило, что рабочие – не рабы, что в каждом надо уважать достоинство человека и христианина, что позорно и бесчеловечно обращаться с людьми как с собственностью, при помощи которой можно наживать деньги, или видеть в них просто мускулы, физическую силу. Кроме того, в попечении о душевных потребностях рабочего и его духовной и умственной пище, костел учил хозяев следить за тем, чтобы у него было время для отправления религиозных обязанностей, чтобы не подвергался тлетворным влияниям и соблазнам, чтобы не пренебрегал домом и семьей и не тратил безрассудно денег. Хозяин никогда не должен был обременять своих рабочих сверх меры или использовать для работ, не подходящих их полу и возрасту. Но прежде всего хозяин должен был платить каждому рабочему посправедливости: «Лишать кого-либо справедливой и заработанной оплаты – преступление, взывающее к гневу небес» [929, с. 11].

Однако костел не довольствовался тем, что указал целительное средство, но и в меру своих возможностей старался приложить его через создание католических рабочих обществ,

братств, союзов. Государство не должно было препятствовать вступлению в подобные организации, поскольку таким путем реализовывалось естественное право человека: «Сознавая свою слабость, человек ищет поддержки вне самого себя: двоим лучше, нежели одному, потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их; именно это естественное побуждение объединяет людей в гражданское общество, и оно же побуждает устраивать особые союзы, общества» [929, с. 20]. При чем предшественниками таких рабочих христианских обществ, костел назвал ранее существовавшие братства, общества при духовных учреждениях и монашеские ордена.

Лев XIII выступил в своем послании против не христианских рабочих организаций, так как считал их не приносящими никакой пользы общественному благу, направляемыми невидимыми вожаками [929, с. 21].

Католическим рабочим организациям предоставлялось право самостоятельно избирать для себя ту форму и те правила, которые более всего соответствовали бы их целям. Вообще говоря, основным и неизменным законом христианских рабочих союзов должно было быть такое устроение и такое правление, которое обеспечило бы наиболее успешное и быстрое достижение цели. Цель состояла в том, чтобы каждый рабочий благодаря своему союзу смог повысить уровень физического, духовного и экономического благосостояния. Ясно было, что союзы эти должны с особой рачительностью печься о благочестии и нравственности, духом которых проникалась бы вся их внутренняя деятельность, иначе они утратили бы свой характер и стали немногим лучше тех обществ, которые вовсе не принимали в расчет религию: «Пусть наши союзы, прежде всего и по преимуществу, обращаются к Богу; пусть религиозное наставление занимает в них первое место; пусть каждый из членов союза заботливо обучается тому, что составляет его обязанности к Богу, чему он верит, на что надеется и что ведет его к вечному спасению; пусть рабочие побуждаются и приучаются к богослужению, к ревностному отправлению религиозных обязанностей и, между прочим, к чествованию воскресных и праздничных дней; пусть они учатся почитать и любить святой Костел, нашу общую Матерь, ибо повиноваться ее наставлениям и соблюдать ее таин-

ства – средство, преподанное Богом для прощения грехов и освящения жизни» [929, с. 22].

Должности и обязанности в союзе следовало распределять, имея в виду благо всего союза и притом так, чтобы разница степеней и положений никоим образом не препятствовала единодушию и благорасположению. Должностных лиц следовало назначать с осторожностью и разбором, чтобы никому из членов не было обидно. Общие суммы следовало распределять с полным беспристрастием, чтобы каждый член получал вспомоществование в соответствии с его нуждами. Некоторые члены союза составляли особый комитет, разрешавший споры между хозяином и рабочим. Союзы обязаны были стараться о том, чтобы у рабочих весь год была работа и образовать фонд, из которого члены могли бы получать пособие не только в совсем исключительных случаях, но и в болезни, в старости или в несчастии [929, с. 23].

Каким же образом осуществлялась деятельность христианских (римско-католических) рабочих организаций в Беларуси? Рассмотрение этого вопроса начнем с предшественников этих союзов. История римско-католических братств на территории Беларуси является темой мало исследованной. В отечественной исторической науке нет специальной работы, посвященной этой проблематике [9–А, с. 28]. Одним из первых в отечественной историографии историю этих объединений в период XVI – XVIII вв. представил Я.Н. Мараш [430, с. 156–165]. В «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» А.П. Грицкевичем помещен лишь небольшой материал общего плана о местных римско-католических братствах времен средневековья [109, с. 76]. Значительно богаче представлена эта тема в польской историографии. Здесь римско-католические братства и их роль в духовной жизни общества стали предметом оживленной дискуссии. Существование римско-католических объединений при костелах Царства Польского названо авторами пятитомной истории костела высшим проявлением соединения духовной и светской жизни второй половины XIX в., при этом подчеркивается их значение не только для костела, но и для всей польской культуры [783, s. 580]. Ряд польских исследователей однако отмечают, что лишь с 1905 г. их влияние на духовную жизнь поляков стало возрастать [846, s.

240]. Другие ученые значение римско-католических братств видят в укреплении римско-католической веры, отмечая их содействие распространению на территории Беларуси определенных религиозных культов [812; 842; 956; 982].

В странах Западной Европы религиозные римско-католические братства при костелах и монастырях начали возникать еще в период раннего средневековья. На территории Польши они появились в XIII в. и постепенно стали распространяться по всей стране. В XVII – XVIII вв. были созданы братства почти при всех костелах и монастырях на территории Беларуси. В некоторых костелах одновременно возникало несколько обществ. В отдельных случаях братства в наиболее крупных населенных пунктах создавали еще свои филиалы. Такие организации носили название архибратств [430, с. 156].

Большое значение в деле организационного устройства и распространения влияния братств имела булла папы Климента VIII «Quaecumque» от 7 декабря 1604 г., в которой излагались условия создания братств, принципы и содержание их уставов в качестве основы существования и деятельности [430; 1013, s. 250–254].

В первой половине XIX в. римско-католические братства на территории Беларуси существовали не только при приходских, но и при монастырских костелах, не имевших приходов. Наибольшее количество их было при бернардинских и кармелитских костелах. К примеру, в бернардинских костелах г. Гродно и г. Слонима – 4, в м. Ивье – 3, в кармелитских костелах в м. Мяделе – 5, в м. Глубоком – 3 [842, s. 334; 982, s. 557]. Монастыри культивировали братства своих святых или Матери Божьей [798, s. 524; 842, s. 442; 812, s. 391; 956, s. 97]. Наибольшее число римско-католических братств при монастырских костелах можно объяснить тем, что у монахов, в сравнении с епархиальным духовенством, было больше времени и средств для работы с верующими. Римско-католические общества имели почетных членов, обладавших большим влиянием в обществе и помогавших братству материально.

Первое римско-католическое объединение, активизировавшее свою деятельность в условиях жесткой политики царизма, было общество «Девы Марии царицы Польской», созданное

еще в 1850 г. Согласно уставу, оно должно было заниматься распространением католичества среди населения Гродненской губернии, что не могло не привлечь внимания местных властей. Началось тайное следствие, в ходе которого подозрения в антиправительственной направленности общества подтвердились. Выяснилось, что в княжестве Познанском было организовано римско-католическое общество под названием «Гласная лига», цель которого было активное действие во всех провинциях, входивших в состав бывшей Речи Посполитой, и приготовление умов к общему восстанию. Чтобы ввести в заблуждение правительство и избавиться от полицейских преследований, общество публично объявило о своем уничтожении, а затем руководители и учредители «Гласной Лиги» составили другое общество – «Общество Девы Марии, царицы Польской». Новая организация имела связь с революционными комитетами во Франции и присылала из г. Парижа людей, часть которых отправлялась в западные губернии Российской империи. В ходе следствия, проведенного в 1864 г., всех членов общества заключили в тюрьму [535, л. 7].

Деятельность римско-католических братств в Северо-Западном крае привлекла внимание генерал-губернатора М.Н. Муравьева, потребовавшего доставления сведений об их деятельности от римско-католического епархиального руководства. Могилевский римско-католический митрополит М. Станевский дал пространную характеристику этим обществам: братства есть общества, одобренные духовными властями; в братства записывались светские лица без различия звания, достоинства и пола; в объединениях, как правило, чествовали Божью Матерь или другого святого угодника, молились друг за друга, за костел, за упокой усопших, исполняли богоугодные дела – за что члены братства могли в поощрение получить за каждое богоугодное дело отпущение грехов [214, л. 11]. По мнению М. Станевского, братства образовались благодаря распространению монашествующих орденов. Большая часть их была тесно связана с орденами, считалась низшею степенью последних. Записывались в них по добровольному желанию, без принятия на себя обязанности неустанно исполнять положенные и усвоенные братству молитвы или богоугодные дела. Состоящий в обществе обыкновенно

носил или освященные четки («ружанец»), или вышитое на кусочке сукна («шкаплер») имя Пресвятой Девы Марии, или же медальон с изображением чествуемого таинства или имени святого. Братства имели свои уставы и должностных лиц, которые заведовали собираемыми приношениями. В других местах подобные организации имели даже недвижимое имущество. В Могилевской архиепархии существовали следующие братства: «ружанцевое», «шкаплерное», имени Марии, имени Пресвятой Богородицы, имени пресвятой Троицы, Сердца Иисуса Христа и святого Михаила Архангела. Общества эти существовали во всех римско-католических странах, особую главу в г. Риме не имели и возглавлялись настоятелями храмов [214, л. 12].

Члены братств (братчики) занимались сбором денег во время службы и по приходу. Сборы эти бывали значительными, эти деньги нигде не учитывались, отчета никто о них не давал. Также взималась плата и за проведение обрядов. Бывали случаи, когда братчики сами хоронили умерших и брали за это деньги. Кто был не в состоянии пригласить для похорон ксендза, звал братчиков. Старший из них заступал на место ксендза и шел впереди [544, л.9].

В Могилевской римско-католической архиепархии, по заверению управляющего, ни при одном костеле не было братства в точном смысле этого слова, и лишь при некоторых помонастырских костелах ксендзы записывали всех желающих в братства. Общества эти не имели никаких правил и уставов. Братчиками, по обыкновению, называли и тех прихожан, которые вне костелов в воскресные и праздничные дни пели духовные песни, служили священнику в литургии, сопровождали его во время крестного хода. Братства как духовные учреждения, имеющие своим делом молитву и благочестие, в их тогдашнем виде, по утверждению управляющего Могилевской архиепархией, были несостоятельны и не удовлетворяли своему назначению [214, л. 16–17].

Ввиду такого отзыва М. Станевского, а также других сведений, собранных о костельных братствах Северо-Западного края, решено было, что подобные объединения не должны существовать без разрешения правительства, даже под предлогом какой-либо благотворительной цели. Римско-католических дека-

нов и настоятелей костелов обязали подписками не основывать и не давать разрешение на основание братств. 20 апреля 1868 г. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губернии распорядились о закрытии братств при костелах. Что же касается движимого имущества, принадлежавшего некоторым членам обществ, то оно передавалось в распоряжение тех костелов, при которых эти братства существовали. Все эмблематические знаки и книги братств под наблюдением полицейских властей предавались сожжению [549, л. 23–26]. Циркуляром от 31 мая 1868 г. римско-католические деканы вместе с настоятелями костелов в присутствии чиновника полиции обязаны были собравшимся членам братств зачитывать циркуляр от 20 апреля 1868 г., затем брали подписи с братчиков об ознакомлении с документом, и объединение считалось распущенным [253, л. 252]. Но общества продолжали существовать. В Волковысском уезде, несмотря на все принятые меры, открытого существования братств не обнаружили. Местный декан уверял, что их и быть не может. «Но я имею повод думать, – писал Гродненский губернатор, – что оное есть и при некоторых костелах этого уезда» [535, л. 73]. В числе членов братства святого Антония при францисканском костеле, закрытом гродненским полицмейстером, братчиков обнаружено было 11 человек. В Гродненском деканате существовало в этот период 13 братств [535, л. 70–71].

В Слонимском уезде существовали братства при Слонимском, Дворецком, Ружанском, Деречинском, Молчадском, Косовском римско-католических приходских костелах. Первые четыре братства были названы в честь святого «ружанца», остальные – святой Троицы и святой Анны. Все существовали еще с конца XVIII в. Виленский римско-католический управляющий распорядился их закрыть – как не имеющих законного основания на существование. В ходе закрытия выяснилось, что некоторые братства, в первую очередь, братства святого «ружанца», имели разрешение, выданное им епископом еще в первой половине XIX в. Средняя численность членов братств составляла 25 человек [546, л. 17–22].

В Пружанском уезде существовало три братства еще с XVIII в. Новых в XIX в. не образовалось. Уездный исправник

Крылов писал Гродненскому губернатору: «Братства эти вредные, ибо распространяют латино-польскую пропаганду, так как члены оных, проживая в разных местах среди православного населения, тайно внушают католикам, по наущению ксендзов, все невыгоды и дурные последствия принятия православной веры, тем самым ослабляют их желание присоединиться к православию, а потому, принимая во внимание малое число присоединившихся к православию католиков, очень полезное решение – упразднить братства» [545, л. 1–4]. Но в 1869 г. ксендзу Езерскому при Шерешевском костеле удалось тайно восстановить одно общество: он с помощью крестьян Петра и Андрея Тайневичей собрал всех бывших братчиков и даже включил новых членов. В ходе обыска полиция обнаружила польские книги, букварь и «возмутительные гимны». Помощник генерал-губернатора по политическим делам распорядился наказать крестьян штрафом в 10 рублей, а ксендза Езерского удалить от прихода [216, л. 29–30].

Хотя римско-католические деканы Витебской губернии и уверяли главного начальника края в том, что никаких братств не существует, все же в 1867 г. римско-католические объединения были выявлены полицией. В Динабургском уезде – при Креславском (во имя святой Троицы), Индрицком, Аглонском, Ворновском, Осужском, Борховском («ружанцевое»), Лиснянском («шкаплерное»), Рагденском, Аулийском (в честь Сердца Иисуса Христа) костелах. В Городокском уезде существовало 6 братств. В Люцинском уезде действовало 9 братств: при Люцинском («шкаплерное»), Посинском («ружанцевое» и «шкаплерное»), Ланжиронском (во имя Пресвято Богородицы и святого Антония и Франциска), Махновском («ружанцевое» и Сердца Иисуса), Неутеранском («ружанцевое» и «шкаплерное») костелах. В Дрисенском и Лепельском уездах существовало по одному братству: при Придруйском костеле (в честь Пресвятой Марии) в первом уезде и при Ульском костеле («ружанцевое») во втором. В Речицком уезде – при Речицком и Фейманском («шкаплерное»), Пушанском («ружанцевое») костелах [215, л. 22, 72, 80, 85, 87].

Минскому губернатору были известны римско-католические братства, существовавшие в Минском уезде при Раковском и Дубровском («ружанцевое»), Першайском (в честь

Пресвятой Богородицы) костелах; в Слуцком уезде – при Несвижском (святой Троицы), Недведецком, Клецком, Бобовенском, Грозовском («ружанцевое»), Тимковичском («шкаплерное») костелах [230, л. 23, 72]. В Новогрудском уезде действовало 9 братств. По Минской губернии римско-католические общества, по его сведениям, существовали при 32 костелах [253, л. 7, 110]. Несмотря на официальное упразднение братств к 1868 г., многие организации еще продолжали существовать.

В 1874 г. в г. Гродно было обнаружено объединение терциарок, поддерживаемое иеромонахом францисканского монастыря Орловским, насчитывавшее 26 женщин. Вполне вероятно, что это объединение начало существовать здесь с появлением монастырей и монахов (между 1595 г. и 1635 г.). Общество имело свою руководительницу, называемую матерью, которая обладала единоличным правом принимать в общество. В связи с этим при следствии терциарки упрямо не сознавались о своем звании в обществе: теряя мать, общество не могло расширяться. Главной целью деятельности терциарок, согласно уставу, было распространение набожности среди населения. Внешним признаком принадлежности к объединению служили гладкие серебряные кольца, носимые членами. Терциарки обязаны были ежедневно посещать костел и в исповедях сообщать ксендзу не только о собственных помыслах и поступках, но и обо всем ими виденном и слышанном как среди католиков, так и среди окружающего православного населения. От ксендзов терциарки получали указания для своей деятельности. Члены общества обязаны были заботиться о благополучии костела, принимать непосредственное деятельное участие в проведении религиозных процессий и праздников [26]. Постепенно в начинаниях этого объединения стали участвовать и мужчины. В результате в 1898 г. в Гродненской губернии была выявлена большая организация терциаров. «Знакомясь с теми неблагоприятными условиями вверенного мне края, которые служат тормозом для правильной, в русском духе, его жизни, – писал губернатор, – я не мог не заметить, что нередко проходящая на религиозной почве, вредная с государственной точки зрения, деятельность обязана своим возникновением братчикам, в частности, неким терциарам. В последнее время было даже обнаружено, что они по наговорам

ксендзов воспрещали крестьянам посылать детей в народные училища. Вследствие чего контингент учащихся в них уменьшился» [237, л. 5, 9]. Выявление членов этого общества дало следующие результаты: в Гродненском уезде насчитывалось 133 человека; в Волковысском уезде – 73; в Слонимском – 21 человек. Среди членов общества были очень богатые люди, шляхта и арендаторы местечек. Они собирали деньги на потребности костела, принимали участие в крестных ходах. Как свидетельствовал Гродненский декан ксендз Юлий Элерт, общество терциаров было хорошо организовано: руководитель группы терциаров назначался начальником Виленской общины; главным центром управления являлся Рим [237, л. 14].

В 1905 г. в Минской губернии никаких терциарских объединений при римско-католических костелах властям не удалось обнаружить [623, л. 13]. В Витебской губернии в 1905 г. были выявлены терциарские организации в Двинском уезде при Прельском, Яшлуйжском, Варковском, Рушанском, Биржагольском и Аглонском костелах. При Креславском и Ужволдском костелах располагались даже богадельни, в которых находились женщины средних и преклонных лет, по словам уездного исправника, «до фанатизма преданные католицизму» [138, л. 7–8]. Все существовавшие терциарские объединения, по мере обнаружения, правительство закрывало.

Вскоре на смену обществу терциаров пришло римско-католическое братство трезвости. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях братства трезвости стали возникать еще в конце 50-х г. XIX в. Эти общества стали основываться при костелах по примеру образованного в Пруссии ксендзом Фицеком в 1844 г. Из Пруссии движение это перекинулось в Царство Польское и в Северо-Западный край. Принимали в братства трезвости с большой торжественностью. На память каждый член братства получал маленький медальон, на одной стороне которого был изображен крест с надписью «на память ведения трезвости», а на другой – образ Матери Божьей [846, s. 228]. Некоторые римско-католические священнослужители, стараясь воздержать народ от излишнего употребления вина, не ограничивались поучениями в храмах, а прибегали к другим мерам, не разрешенным ни законом, ни обязанностями их духовного сана: при-

зывали жителей записываться в книги о трезвости и давать клятвенные обещания никогда не употреблять вина. Вход в питейное заведение воспрещался духовенством католику, и нередко нарушавший этот запрет подвергался тому же наказанию, как и употреблявший вино: публичному порицанию или даже отлучению от костела. Быстрое распространение братств трезвости в то время обратило на себя внимание местных властей: им не нравилось большое количество членов братств, которые, собираясь вместе, пели молитвы и разговаривали на польском языке. Видя в этом прямую угрозу «русскому делу» в крае, решено было пресечь деятельность этих организаций. Снова активизировать свою работу этим братствам удалось только в 1911 г. в Могилевской губернии, а в Ковенской и Гродненской губерниях – в 1915 г. [261, л. 89, 429–431].

Сейчас перейдем непосредственно к католическим союзам, обществам, существовавших среди рабочих. Работая в архиве г. Гродно удалось обнаружить, что в 1886 г. в г. Белостоке существовало цеховое братство следующих цехов: столярного, кузнечного и слесарного, которые имели грамоту, выданную им в 1759 г. графом Яном Клеменсом Браницким и его женой, написанную на польском языке на пергаменте. Грамотой определялась как плата с поступающих в цех, так и другие сборы, а потому, руководствуясь этой грамотой, в каждом цехе имелся отдельный, хранящийся у выбранного цехом доверенного лица, ящик, в котором находились вносимые мастерами и подмастерьями денежные сборы, не более одного рубля в три месяца. Из общей суммы сбора происходили следующие расходы: на похороны каждого несостоятельного мастера, его жены и детей, выдача пособия мастерам до приискания работы, на покупку в цехах свечей, употребляемых при заупокойном церковном служении об умерших мастерах. Кроме того, каждый из этих цехов имел хоругви, хранящиеся в местном костеле и находящиеся в полном распоряжении духовенства. Белостокские цеховые римско-католические братства два раза в год заказывали обедни: в день открытых цехов и заупокойную в память усопших цеховых. Следует отметить, что еще в 1865 г. Гродненский губернатор доложил Виленскому генерал-губернатору о полной ликвидации всех римско-католических обществ в Белостокском уезде.

В 1886 г. царской полиции удалось выявить и закрыть следующие братства: при Гожском костеле Гродненского уезда, учрежденное 40 лет назад и насчитывавшее 18 членов; при Межиречском костеле Волковысского уезда, насчитывавшее 8 крестьян; при Гродненском по-бернардинском костеле братство кирпичного цеха, насчитывавшее 36 членов, и братство цеха пильщиков, существовавшее более 20 лет при 34 членах; при Росском костеле братство, состоявшее из 14 крестьян; при Брянском костеле Бельского уезда братство кожевников, кузнецов, сапожников. До 1863 г. активную деятельность в г. Слониме вели братства сапожного, столярного, молярного и кузнечного цехов, основанные на грамоте короля Яна Казимира. К 1887 г. среди этих братств продолжал существовать лишь денежный сбор, но не в определенном размере, а смотря по состоянию, при выдаче свидетельств на звание мастера и подмастерья. Расходы из этого сбора производились по усмотрению цеховых старшин на нужды лишь принадлежавших к цехам, в большинстве случаев на организацию банкетов Революция 1905 – 1907 гг. открывала новые возможности для деятельности рабочих организаций. Подробнее смотрите в материалах архивного дела: «Дело о доставлении сведений Виленскому генерал-губернатору при каких костелах ныне находятся римско-католические братства» [Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Опись 8. – Дело 1831].

3 апреля 1907 г. в реестр обществ и союзов по Гродненской губернии был внесен «Христианский рабочий союз». В этом обществе рабочих, как состоящем вне политических партий, всякого рода политические прения исключались.

Деятельность общества распространялась на Гродненскую губернию. Членами-учредителями этой организации были следующие лица: Степан Юльянович Пушкевич, Адам Осипович Арципиевский, Игнатий Осипович Прокопчик, Леонард Андреевич Рутковский, Игнатий Игнатьевич Дашута, Валериан Петрович Сакра – все уроженцы г. Гродно.

Председателем общества был ксендз Станислав Вереника. В число членов правления входили: В.П. Сакра, И.П. Зимнах, С.Ю. Пушкевич, И.И. Дашута, К.К. Тарасевич, А.О. Арципиевский, А.А. Василевский (секретарь), О.В. Качан, князь В.А.

Друцкий-Любецкий, К. Коцелл, А.О. Малашко, Рейнгард. Членами ревизионной комиссии являлись: Л.А. Рутковский, С.А. Левандович, И.Ф. Сименевич, В.А. Кузмицкий, А. Боровицкий.

15 июня 1907 г. произошли перемены в управлении «Христианского рабочего союза»: председателем его стал князь Владислав Александрович Друцкий-Любецкий, набравший 10 голосов из 12 (со своей стороны князь пожертвовал для общества несколько десятков книг в библиотеку, расположенную в доме по Александровской улице, в котором жил А.А. Василевский), заместителем председателя был избран Рустав Рейнгардт, а казначеем – Казимир Коцелл.

Присяжный поверенный К.Милковский безвозмездно защищал членов общества в суде. По предложению председателя общество стало закупать в свою библиотеку книги, газеты и журналы на русском и польском языках. За время существования библиотеки было пожертвовано 480 томов книг, которые привел в порядок член правления В. Сакра.

Члены «Христианского рабочего союза» разделялись на действительных, почетных и соревнователей. Действительным членом общества мог стать каждый честный, трезвого поведения работник-христианин. Почетным членом – тот, кто единовременно вносил в пользу общества 50 рублей или делал какое-либо другое значительное пожертвование. Членом соревнователем – кто ежегодно вносил в кассу общества три рубля. Желающему вступить в число действительных членов организации обязан был обратиться в правление общества и представить поручительство двух действительных членов. Фамилия кандидата и поручителей подлежала вывеске в помещении общества в течении двух недель. Протест со стороны членов союза против принятия кандидата заявлялся частным образом лично правлению в течение тех же двух недель. Если правление отказывало в принятии, то не обязывалось объяснять мотивы своей резолюции. В обязанности каждого члена входило соблюдение и добросовестное исполнение обязанностей христианина: развивать добродетели своего сословия, преимущественно воздержание, трудолюбие, бережливость, солидарность и добросовестность.

Ксендз С. Вереник оставался почетным председателем всех отчетных собраний общества. С. Вереник прославился еще

и тем, что выступал против постановок организацией спектаклей на русском языке. 2 мая 1908 г. князя В.А. Друцко-Любецкого за оказанные услуги и пожертвования в пользу общества единогласно был избран в почетные члены. В 1907 г. «Христианский рабочий союз» насчитывал 114 членов, из них – 4 почетных.

За этот год организацией было проведено два семейных вечера с танцами и три спектакля. Для членов общества было вменено за правило: в случае смерти жене выдавали вспомоществование в сумме 20 рублей; в случаи смерти детей до 17 лет – 10 рублей; смерти детей старше 17 лет и годных к труду – денег не выдавали, так как они сами могли быть членами общества. В 1908 г. решено было уменьшить взносы для действительных членов до 40 копеек. Тариф для членов-соревнователей остался тот же – три рубля. Кроме этого, врачам за лечение членов общества выплачивали гонорар полностью из учредительной кассы. Больной оплачивал лишь извозчика.

Целью общества являлось поднятие просвещения среди работников в религиозно-нравственном, умственном и общественном отношениях. Для осуществления намеченной цели организация имела право устраивать постоянные собрания, на которых производились поучительные чтения, товарищеские гуляния и другие дозволительные увеселения, организовывало библиотеки и читальни, посредничало в спорных вопросах и способствовало умиротворению недоразумений, возникавших между предпринимателями и рабочими, содействовало в устройстве похоронной кассы, вспомогательно-сберегательных касс и других подобного рода учреждений, как равно и потребительских лавок, планировалось и издание собственной газеты.

По уставы «Христианского союза рабочих» выходило, что членом общества мог быть всякий, уплативший трех рублевый взнос, а членом правления каждый, записавшийся в общество. Кроме того, правление могло назначать посторонних лиц на должности секретаря и библиотекаря, что на собраниях общества, на которых произносились публичные лекции и чтения, могли присутствовать посторонние лица, а это в свою очередь не нравилось полиции.

Всю информацию про «Христианский рабочий союз» собирал Гродненскому губернатору Федор Семенович Калинков

– член общества, считавший, что истинная цель организации была в сплочении православных и римско-католиков для борьбы с еврейской организацией.

15 июня 1907 г. во время следования римско-католического крестного хода по купеческой улице г. Гродно на балконе дома № 17 Каликста Августевича, в котором находилось правление «Христианского рабочего союза», был устроен алтарь: балкон с трех его сторон был обшит коврами и украшен зеленью из венков; на балконе, на уровне с поверхностью перил, стаяла икона Спасителя, перед которой горело четыре свечи; у подножия иконы на картонной бумаге в виде ленты имелась надпись на польском языке «Товарищество рабочих христиан», а ниже надписи; на ковре были прикреплены инструменты рабочих – топор, молоток, пила, клещи, циркуль, треугольник. Алтарь был устроен членами общества В. Сакрой и К. Августевичем по инициативе ксендза В. Вереника. А ведь согласно высочайшему повелению от 29 января 1904 г. и от 13 сентября 1907 г. Виленского генерал-губернатора все, что касалось религиозных процессий без предварительного разрешения губернского руководства, виновные подвергались штрафу в 500 рублей или аресту до трех месяцев. Но Гродненский губернатор, вместо прямого наказания виновных, не утвердил устав общества хлебопекарни и булочной на паях при «Христианском рабочем союзе».

В 1908 г. обществу запретили также устраивать танцевальные вечера и проводить елку, что приносило основной доход организации: более 300 рублей в год. Гродненский губернатор запретил также изменить устав общества. Видя, что «Христианский рабочий союз» не пользуется поддержкой гражданской власти, князь В.А. Друцкий-Любецкий покинул в 1909 г. пост председателя, но продолжал держать связь с союзом до 1911 г. Председателем стал А.А. Василевский, а его заместителем А.О. Малашко.

К 1911 г. относится последнее упоминание о «Христианском рабочем союзе», насчитывавшем лишь 38 действительных членов и 37 членов-соревнователей. Подробнее смотрите в материалах архивного дела: «Дело об обществе рабочих христиан в г. Гродно» [Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Опись 9. – Дело 96].

Вероятнее всего, существование общества постепенно сошло на нет в результате постепенных ограничительных действий со стороны гражданской власти.

Таким образом, деятельность римско-католических братств явилась не только данью традиции, но и ответом римско-католического костела, всех верующих на конфессиональную и национальную политику царского правительства. Костел, явно не выступая организатором этих обществ, активно поддерживал их, прежде всего, морально. Римско-католические общества были его опорой среди паствы, позволяли воздействовать на верующих не только в храме, но и за его стенами. В условиях постоянного полицейского надзора римско-католические объединения вынуждены были приспосабливаться, искать качественно иную форму своего существования.

4.2 Организация крестных ходов и других религиозных действ

Первое зафиксированное в исторической литературе торжественное проведение крестного хода на территории Беларуси относится к 1299 г. [944, s. 6]. Значение крестных ходов в привлечении к вере большего числа народа в период XVII – XVIII вв. подчеркивал белорусский ученый Я.Н. Мараш [430, с. 165–176]. Польские исследователи акцентировали внимание на крестных ходах как символах веры, приводили примеры уничтожения процессиональных эмблематических знаков, символов, крестов войсками, полицией Российской империи с целью ликвидации напоминания о «польскости» Северо-Западного края [807; 815; 819; 832; 844; 864, s. 203; 888, s. 191–197; 893; 904; 933; 972; 1017, s. 161]. В российской дореволюционной литературе отражалось официальное мнение по этому вопросу, приводились распоряжения правительства, видевшего в проведении крестных ходов и надписях на крестах (на польском языке) явное стремление возвеличить, «обожествить» «польскость» [443, с. 33–34]. Но было и иное мнение: К.К. Арсеньев, служивший в департаменте министерства юстиции, приве-

дя ряд указов по делу постановки крестов и проведения крестных ходов, призвал власть к ликвидации запретительных мер, не поспособствовавших умиротворению края [9, с. 208]. Исследователи конца XX – начала XXI вв. ограничились лишь обозначением проблемы, приведением документов, примеров запрещения крестных ходов, процессий [14; 86; 335, с. 86; 384, с. 102; 610, с. 88; 776, s. 74; 809, s. 19; 886; 895; 1009, s. 42].

Принимая во внимание, что римско-католическое духовенство «в целях латино-польской пропаганды» проводило некоторые праздники с особой торжественностью и публичными процессиями при большом участии верующих, главный начальник Северо-Западного края циркуляром от 24 января 1866 г. разрешил проводить процессии лишь внутри костелов, в случае малого места – возле костела, но только внутри ограды [716, л. 3; 132, л. 12–13].

За своеволие в проведении крестных ходов римско-католическое духовенство наказывали денежным штрафом. Настоятеля Сидранского костела Сокольского уезда ксендза Могля оштрафовали на 25 рублей за совершение во избавление от холеры 31 августа 1866 г. после литургии по просьбе жителей крестного хода с хоругвями и крестами [262, л. 2]. Администратора Мстибовского костела Волковысского уезда ксендза Држевинского, совершившего 25 апреля 1884 г. в ограде костела крестный ход, подвергли штрафу в размере 30 рублей [121, л. 12]. В 25 рублей оштрафовали ксендза Буйко настоятеля Сегневичского костела Пружанского уезда за совершение 13 июня 1890 г. без надлежащего разрешения крестного хода вокруг костела в пределах костельной ограды – из-за нехватки места [119, л. 6]. За тот же проступок были наказаны двадцатью рублями штрафа и ксендзы Суховольского и Корицынского костелов Боровский, Сухоцкий [125, л. 22]. Настоятель Одельского костела Сокольского уезда ксендз Домашевич 5 апреля 1892 г. за самовольно проведенный крестный ход в ограде костела был наказан строгим предупреждением [120, л. 11]. Виленский генерал-губернатор наложил штраф на настоятеля Рудского костела Бельского уезда за самовольное совершение им крестного хода в ограде костела 19 марта 1894 г. в количестве 100 рублей [124, л. 14–15]. Подобных дел в архиве содержится

множество [553; 137; 275; 586; 542]. Даже за употребление недозволенных процессиональных эмблематических знаков (при разрешенных крестных ходах) подвергали штрафу. 5 апреля 1887 г. настоятеля Озерского костела ксендза Томашевича, а также 15 сентября 1888 г. ксендза Лунненского костела, позволивших себе при совершении крестного хода употребить процессиональные знаки, наказали штрафом в 10 рублей [256, л. 59; 559, л. 44].

Правительство с целью контроля за проведением крестных ходов постоянно ужесточало требования, вмешиваясь в закрепленные религиозными канонами и исторической традицией правила осуществления религиозных действий. На каждый год составлялись ведомости разрешенных крестных ходов, которые в обязательном порядке сохранялись губернатором и начальником жандармского управления [171, л. 1]. Осенью каждого года местные губернаторы предлагали римско-католическим деканам составить ведомости на те костелы, которым необходимо было в течение последующего года приглашение ксендзов из соседних приходов, а также на те праздники, которые в том же году должны были быть совершены с участием крестного хода в оградах костелов. Сведения должны были быть доставлены губернаторам не позже 1 ноября текущего года по предлагаемой схеме: наименование праздников с указанием месяца и числа, костела, нуждаемости в крестном ходе, в помощниках-ксендзах, а также указания приходов. Причем последних для означенной надобности не должно было быть более двух. Ко всему этому прилагалась подробная информация о костеле [552, л. 1-2]. Многочисленные жалобы и недовольства ксендзов в расчет не принимались.

В приложении работы приведена таблица, свидетельствующая о времени и месте проведения крестных ходов в Гродненской губернии по состоянию на 1892 г. (смотрите приложение Г). Кроме указанных храмовых праздников, в оградах всех названых костелов крестные ходы были разрешены в следующие большие праздники: Пасха Христова (28 марта), Вознесение Господне (6 мая), Сошествие Святого Духа (16 мая), Святой Троицы, Тело Христова (в один из 8 дней этого праздника), Рождество Христова (25 декабря), Непорочное зачатие Пресвя-

той Девы Марии (8 декабря), Всех Святых (1 ноября) [539, л. 27–28]. При этом были проигнорированы следующие общие годовые праздники римско-католического костела: Обрезание Господне (1 января), Богоявление Христово (6 января), Сретение Господне (2 февраля), Святого Казимира (4 марта), Вербное Воскресенье (21 марта), Благовещение Пресвятой Девы Марии (5 апреля), Успение Пресвятой Богородицы (15 августа), Рождение Пресвятой Богородицы (8 сентября), Поминовение усопших (2 ноября) [539, л. 64]. Следует обратить внимание, что празднование наиболее важных римско-католических праздников допускалось в оградах всех костелов губернии, за исключением костелов, расположенных в губернском и уездном городе [137, л. 35].

При составлении ведомостей местными властями допускались ошибки, умышленные или случайные. Тайным советником Виленского генерал-губернатора П. Батюшковым были выявлены не указанные в ведомости по Гродненской губернии на 1893 г. костелы, имевшие ограды, где предполагалось дозволение крестных ходов: по Сокольскому деканату – Кузницкий и Новодворский костелы; по Волковысскому – Колпянский, Кремяницкий, Мстибовский, Свислочский, Росский, Струбницкий, Порозовский и Песковский; по Бельскому – Ботьковский, Брянский, Цехановский, Семятичский, Дрогичинский и Наревский; по Пружанскому – Шерешевский; по Гродненскому – Озерский, Микелевщичский (филиальный), Кринский, Уснарчесский, Индурский, Лунненский; по Белостокскому – Васильковский, Супральский, Кнышинский, Хорощанский, Суражский и Заблудовский; совершенно были пропущены костелы Кобринского, Брестского и Слонимского деканатов [539, л. 40–42].

Ошибки состояли и в датах проведения крестного хода. Администратор Росского приходского костела ксендз Сенкевич совершил 13 мая 1884 г. в ограде названного костела крестный ход без надлежащего на то разрешения, что самим Сенкевичем объяснялось тем, что на 13 мая приходилось первое воскресенье, которое по ведомости крестных ходов по ошибке было перенесено на 20 мая. Но исходя из того, что ксендз Сенкевич, заметив неточность в означенной ведомости, должен был заблаговременно заявить об этом своему руководству, чего он не сделал, то

Виленский генерал-губернатор П. Каханов признал необходимым подвергнуть ксендза штрафу в 10 рублей [121, л. 21–22].

О приглашении посторонних ксендзов в дни общих всем костелам праздников не могло быть и речи, так как в эти дни все духовенство должно было быть занято в своих приходах. В 1897 г. Минский губернатор не дал согласия настоятелю Докшичского костела ксендзу И. Радивилу пригласить в помощь, ввиду большого стечения народа на предстоящий храмовый праздник, соседних настоятелей Коржинского и Околовского костела [178, л. 187]. Не доверяли и руководству: Сенненскому декану и настоятелю Черейского костела ксендзу Ф. Гейту запретили посещать в помощь свои же собственные приходы [178, л. 195].

Приезд стороннего священнослужителя мог иметь место только в дни отдельных храмовых праздников, но не с целью оказания помощи приходскому духовенству при совершении крестных ходов, а исключительно для помощи при исповедании и причащении собравшегося народа. С целью усиления контроля полиции за римско-католическим духовенством, приехавшим из других приходов, Виленский генерал-губернатор распорядился, чтобы настоятели приходов, на которых возложили обязанность по избранию того или иного ксендза, обращались за разрешением через декана к гражданскому губернатору. Ввиду этого настоятели были вынуждены начинать переписку настолько заблаговременно до непосредственного проведения праздника, что полиция вполне успевала проверить указанного ксендза, а настоятель получал дополнительную проблему: на решение властей отводился месяц или три недели до праздника, к тому же мог последовать отказ в данном лице, а времени на другую кандидатуру уже не оставалось. Учитывая подобное обстоятельство, настоятели храмов стали предлагать одновременно 2–3 кандидатуры. И, как и следовало ожидать, подобный порядок в конце концов оказался неудобным и был заменен в конце 80-х XIX в. новым. Губернским гражданским руководством по согласованию с римско-католическим епархиальным духовенством составлялась ведомость всем костелам в губернии, с перечислением в каждом из них всех храмовых праздников и с указанием того, в какие из этих праздников и в каком количестве признает-

ся нужным разрешать приезд ксендзов из соседних приходов для исполнения духовных треб. Обозначалось, из каких соседних приходов и сколько именно ксендзов может приезжать на праздник. На практике применение этих ведомостей, утвержденных Виленским генерал-губернатором, производилось следующим образом: настоятель того прихода, в котором предстоял помещенный в ведомости праздник, приглашал того или иного ксендза из приходов, указанных в ведомости, и о том, кого он приглашал, сообщал или приставу стана, где находился приход приглашающего, или своему уездному исправнику. Приглашенный ксендз о своем выезде на праздник доводил до сведения своему становому приставу или исправнику, не ожидая уже отдельного разрешения. В исключительных случаях разрешение съезда большого числа ксендзов (до шести) давалось местными губернаторами, а свыше шести – Виленским генерал-губернатором. Причем по-прежнему крестные ходы вне костела во все другие дни, не указанные в ведомости, а также и вне костельной ограды и в остальных костелах, не допускались. Запрещалось употребление каких-либо эмблематических и символических знаков. Составленные ведомости передавались губернаторам также и через римско-католических епископов, архиепископов посредством сбора сведений через деканов и настоятелей храмов [528, л. 30–35]. Местные губернаторы отсылали свои проверенные ведомости уездным исправникам, а те раздавали по одному экземпляру всем подведомственным им чинам полиции до урядника включительно. Последние вели самый бдительный контроль за тем, чтобы в костелах вверенного им уезда были совершены лишь те крестные ходы и приглашены в храмовые праздники те ксендзы, которые отмечены в ведомости. Дополнительно губернаторы рассылали ведомости деканам, а те – настоятелям костелов [539, л. 55–56]. Но практическое воплощение ведомости натолкнулось на серьезную проблему. Вместе с ведомостью о храмовых праздниках в костелах губерний с обозначением тех ксендзов, которых могли приглашать в эти дни в помощь при совершении богослужения, подавался еще и отдельный список костелов, в оградах которых разрешалось совершение крестных ходов, утвержденный главным начальником края по соглашению с римско-католическим епископом. Проис-

ходило смешивание ведомости и списка, что давало дополнительные возможности в проведении торжеств настоятелям римско-католических костелов [528, л. 68–69].

Рассматривая более детально виновность администратора Суховольского костела ксендза Кулеши в деле совершения им крестного хода 29 июня 1891 г. без разрешения гражданской власти, П. Каханов пришел к заключению, что вообще вопрос о крестных ходах в костелах недостаточно урегулирован: некоторые настоятели храмов просили разрешение непосредственно губернаторов, другие же – через деканов, третьи – руководствовались в этом отношении какой-то ведомостью, разосланной им еще в 1886 г. и имевшей действие лишь только на треть того года, а иные – совершенно не спрашивали ни у кого разрешения и самовольно совершали крестные ходы. Такая постановка этого дела, по мнению самого Виленского генерал-губернатора, вызывала разного рода недоразумения и нарекания римско-католического духовенства, в случае наложения на их какого-либо взыскания. П. Каханов предписал самим губернаторам разобраться в данном вопросе: поставить римско-католическое духовенство в известность, при каких обстоятельствах и когда они имеют право совершать крестные ходы в оградах костелов. Вместе с тем, генерал-губернатор рекомендовал усилить работу чинов полиции по надзору, так как их бездействие и порождало проступки со стороны ксендзов, остававшихся безнаказанными. Негодование у Виленского генерал-губернатора вызывало и составление самих ведомостей крестных ходов, представленных губернаторами. По правилам, изложенным в циркулярных предписаниях от 24 января и 14 февраля 1866 г., совершение крестных ходов было допущено в оградах почти всех костелов, что ни в коем случае не могло быть дозволено. По мнению П. Каханова, в губерниях было много храмов, которые по своей внутренней величине вполне позволяли совершать в них крестные ходы. Для урегулирования проблемы стали создаваться местными уездными исправниками ведомости с обязательным указанием размера их внутреннего помещения, а также числа прихожан. И это при том, что категорически запрещалось проводить крестные ходы в тех костелах, где отсутствовали ограды [528, л. 1–4].

Но исполнение распоряжения генерал-губернатора вызвало большие затруднения. В Гродненской губернии урегулирование дела о совершении крестных ходов римско-католическим духовенством, начатое еще в 1886 г., не было завершено и по истечении шести лет. Для ускорения решения проблемы генерал-губернатор предложил чинам полиции к обмерам костелов не приступать, а представлять свои соображения губернаторам о том, в каких храмах возможно совершение крестных ходов внутри их помещения, а в каких (за недостатком места и многочисленности прихожан) могло быть дозволено совершение таких ходов вокруг костелов, но в пределах ограды. Следовало иметь в виду то обстоятельство, что в местах, где рядом с костелом располагалась православная церковь, проведение подобных религиозных процессий категорически запрещалось. Виленский генерал-губернатор приказал местным губернаторам не руководствоваться решениями, просьбами Виленского римско-католического епископа в делах проведения крестных ходов, так как он мог осложнить это дело [528, л. 8–10].

Нехватка места при совершении крестных ходов создавала большую проблему: вместимость костелов для собирающегося на праздник народа была настолько мала, что после проведения процессии в храме, в лучшем случае, оставались разбитыми все скамейки, а в худшем – люди получали травмы, падали в обморок от нехватки воздуха. Ведь в храм собирался народ из ближайших приходов, ранее упраздненных правительством. Такой случай произошел в Перлеевском костеле Бельского деканата в 1893 г. [528, л. 35]. Учитывая, что во время совершения крестных ходов внутри костела давка увеличивалась до невероятности, и так как на богослужение собирались старики, дети, женщины с младенцами и в беременном состоянии, то ксендзы во избежание печальных последствий ходатайствовали о разрешении им совершать крестные ходы во все воскресные и праздничные дни (при большом стечении народа) вокруг костела, обведенного сплошной каменной оградой. К этим просьбам активно подключился и Виленский римско-католический епископ А. Авдевич. Губернаторами все прошения отклонялись [528, л. 37–38]. Римско-католическое духовенство также само стремилось к недопущению чрезмерных торжеств. В 1900 г. Виленский епископ

С. Зверович, намеревавшийся посетить с июля по сентябрь Брестский и Гродненский деканат, предписал местному духовенству, чтобы оно проконтролировало паству, дабы не устраивали ему торжественных встреч с зажженными свечами, флагами и песнопениями, а также, чтобы не было допущено устройство арок, высаживания дорог деревьями и других подобных действий [689, л. 82].

После высочайшего манифеста от 26 февраля 1903 г., предоставившего, по утверждению Гродненского губернатора, инословным и иноверным исповеданиям свободное отправление их веры и богослужений, началось массовое проведение крестных костельных ходов, совершаемых во все воскресные и праздничные дни не только после дневного, но и после вечернего богослужения, обставленных с большой торжественностью. Это вызывало недовольство православного епископа Гродненского и Брестского Иокима [228, л. 36]. Но местные губернаторы с этого момента больше стали давать разрешений на проведение крестных ходов вокруг костелов, имевших ограды, почти всегда запрещая проведение аналогичных процессий вокруг храмов, не имевших таковой. Виленский генерал-губернатор П.Д. Сятополк-Мирский, однако, признал необходимым дать проявлениям римско-католического вероисповедания некоторый простор. Излишние запрещения и стеснения, считал он, раздражая католиков, вкладывали в руки римско-католическому духовенству могучее оружие, чтобы посредством его убеждать иноверческое население в явно несправедливом отношении к нему правительства. Поэтому по возбужденным ходатайствам он давал разрешения на наружные крестные ходы в тех случаях, когда костельное здание обнесено было оградой. При этом П.Д. Святополк-Мирский пересмотрел систему наказания ксендзов, признав нужным, во-первых, тщательное расследование и, во-вторых, игнорирование незначительных проступков. Вместе с тем наказание ужесточалось, если подтверждалось виновное действие против православной церкви [30, с. 104–105]. П.Д. Святополк-Мирский дал также разрешение на проведение наружных крестных ходов вокруг следующих костелов, имевших ограду, на которое не дал согласие местный Гродненский губернатор: 6 июня 1903 г. вокруг Слонимского костела, 13 июня 1903 г. во-

круг Росского костела, 17 июня 1903 г. вокруг Кобринского костела, 26 июня 1903 г. вокруг Туроснянского и Васильковского костелов Белостокского уездов, 2 июля 1903 г. вокруг Волковысского костела и Высоко-Литовского Брестского уезда, 13 июля 1903 г. вокруг Семятичского костела Бельского уезда [622, л. 3–7, 17, 44]. В то же время было отказано в просьбе временно управляющему Виленской епархией В. Фронцкевичу разрешить проведение наружных крестных ходов вокруг костелов по причине малой вместимости последних в следующих храмах: Велико-Эйсмонтовский, Кринский, Индурский, Озерский, Каменский костелы Гродненского уезда, Пружанский и Шерешевский костелы Пружанского уезда, Шидловичский, Волнянский, Реплянский, Песковский и Мстибовский костелы Волковысского уезда, Новодворский, Одельский, Яновский, Залесянский, Кузницкий и Сидранский костелы Сокольского уезда, Березовский костел Белостокского уезда [228, л. 26–27]. Но отказ Виленского генерал-губернатора обосновывался не малой вместимостью, а отсутствием ограды вокруг костелов, которая должна была скрывать происходившее действо [228, л. 27, 43]. В ответ ускоренными темпами началось возведение оград вокруг костелов, с тем чтобы заново обратиться за разрешением. Несмотря на то, что некоторые ограды представляли собой наспех сбитые доски, жерди с большими щелями между ними, – разрешение давалось. К примеру, Песковскому костелу Волковысского уезда и ряду других [228, л. 94, 103]. Автором было найдено разрешение Гродненского губернатора от 9 августа 1903 г. на проведение наружных крестных ходов вокруг костелов, где обязательным условием значилось лишь наличие костельной ограды, не оговаривая качество исполнения [228, л. 103]. Вероятно, подобное постановление издал и Виленский генерал-губернатор.

26 декабря 1905 г. высочайшим повелением разрешено было римско-католическому духовенству, устраивающему крестные ходы, похоронные шествия или паломничества, руководствоваться указаниями своего епархиального руководства, но с обязательным предупреждением ближайшей местной полицейской власти о времени и месте предполагаемой процессии [622, л. 250]. В свою очередь, продолжало действовать постановление Виленского генерал-губернатора от 29 января 1904 г., запре-

щавшее совершение иногородних процессий в пределах губернии без разрешения губернского гражданского руководства, а также сопровождение процессии оркестрами, участие в процессиях в одеяниях, не имевших никакой связи с отправлением духовного торжества; запрещалось несение знамен, значков и прочих эмблем, не соответствовавших предметам религиозного обихода [622, л. 250–251]. Обязательными к разрешению властей устанавливались следующие процессии в районах приходов: в дни Тела Господня, три дня перед вознесением Господнем, святого Марка, в дни поминовения усопших. Непременным условием должно было быть заблаговременное сообщение о предстоящей процессии надлежащей гражданской власти [622, л. 252].

Виленский епископ Э. Ропп циркулярами от 1 марта и 24 апреля 1906 г. утвердил порядок проведения крестных ходов, процессий, согласно которым проведение их должно было происходить по требованиям, изложенным в «Rituale Sacramentorum. Vilnae, 1903 an.: Processiones seu supplications publicae variis necessitatibus congruentes» и «Benedictio peregrinorum ad loca sancta prodeuntium et post reditum». Ксендзы, руководившие паломничеством, в особенности настоятели, обязывались позаботиться об ознакомлении паломников с целью процессии, указать, как вести себя в дороге и какие должны были звучать молитвы: благодарственные, просительные и тому подобные. Желательно было, чтобы паломники перед выходом процессии исповедались и причастились. Внешний облик процессии должен был быть следующий: впереди процессии несли крест, две или больше хоругвей; перед крестом могли идти только певчие, без различия был ли хор мужской или смешанный; за крестом следовали иконы и другие предметы религиозного почитания; затем в образцовом порядке могли идти дети, убранные в белые платья, «чтобы видом своей детской невинности побуждать идущих и проходящих к набожности». Перед выходом процессии ксендз благословлял паломников и вел процессию к месту назначения или же только провожал ее. При прохождении по пути следования мимо костела местный священник, если желал встретить паломников, должен был поступить следующим образом: встретить процессию в облачениях, произ-

нести соответствующую проповедь, окропить паломников святой водой, затем мог ввести процессию в костел и после краткой молитвы перед святыми дарами вывести ее, напутствуя паломников, окропляя святой водой, благословляя в их дальнейший путь, и возвратиться обратно. При желании процессия могла быть встречена и провожаема костельным колокольным перезвоном [622, л. 23–24].

Сохранив традиции крестных ходов, верующие нередко трансформировали их в политические акции. Как отмечено в документах, совершаемые с 1908 г. римско-католические процессии часто принимали характер политических манифестаций: сопровождались произнесением речей, раздачей брошюр и эмблем, музыкой, кавалькадами, несением знамен и употреблением одеяний, не имевших религиозного значения, причем некоторые процессии совершались иногда без ксендзов и даже по ночам [622, л. 46].

21 апреля 1908 г. воспрещалось участие в крестных ходах так называемых «бандерий», то есть сопровождение процессий всадниками [622, л. 251]. Это указ стал ответом на участившиеся случаи появления конных процессий с бело-голубыми флагами в руках (национальные польские цвета), через плечо у всадников надеты были голубые ленты, на груди также банты, что наводило на мысль о польской гвардии [185, л. 2].

Гражданские власти пытались регламентировать даже совершение обряда погребения. Циркуляром главного начальника Северо-Западного края от 5 октября 1867 г. запрещено было выставлять при домах и костелах траурные знаки при нахождении тела умершего. С этого момента похороны должны были совершаться одним только местным приходским настоятелем или одним викарным. Ксендз шел в предшествии креста, но без хоругвей и без всякого участия храмовой прислуги. Если родственники умершего желали исполнить обряд с проведением погребальной процессии, то духовенство должно было просить разрешения на это у местных губернаторов. Все похоронные процессии обязательно должны были проводиться без музыки [188, л. 37]. Попытки Минского римско-католического епископа доказать главному начальнику, что по римско-католическим каноническим правилам «обыкновенные» похороны должны были со-

вершаться священником, провожающим тело покойного с пением и погребальной процессией с предшествием креста, при членах братств, клириках, белом и монашествующем духовенстве, оказались тщетны [132, л. 40, 45].

Регламентации подверглось и облачение. Звонари и, вообще, прислуга при костелах носила особый отличительный костюм из длиннополого кафтана синего сукна с красным воротником и такого же цвета нашивным на груди крестом. Имея в виду, что православная прислуга не носила отличающегося от других частных лиц одеяния и признав употребление звонарями и прислугой вышеуказанного костюма вне храма неуместным, главный начальник края 13 октября 1867 г. вообще запретил этим лицам носить такую одежду [715, л. 29].

Высочайшим указом в 1887 г. было запрещено погребальное пение на польском языке, но население стало петь латинские гимны. Противодействие полиции этому лишь обостряло положение [9, с. 210]. 14 октября 1894 г. циркуляром главного начальника края запрещалось петь песни на польском и латинском языках при сопровождении умерших на кладбище, запрещены были и процессиональные знаки, кроме крестов. Нарушение циркуляра наказывалось штрафом [640, с. 74; 9, с. 210]. Ксендзы не должны были допускать в костелах каких либо собраний и пения без своего присутствия [143, л. 64]. Настоятеля Суражского костела ксендза Гриневицкого 11 сентября 1892 г. даже за допущение молитв совместно с лицами, провожающим тела умерших, оштрафовали на 25 рублей [151, л. 63–64].

20 сентября 1903 г. временно управляющий Виленской епархией В. Фронцкевич обратился к Виленскому генерал-губернатору с просьбой разрешить – согласно каноническому праву римско-католического костела и установившемуся с незапамятных времен обычаю – священнику, принимавшему участие в погребении усопших, петь псалмы и гимны самому или сообща с костельной прислугой и другими соответствующе подготовленными лицами на принятом в данной местности языке. Просил управляющий и разрешения на использование при погребении, кроме крестов, еще и фонарей с хоругвями. В. Фронцкевич попытался убедить генерал-губернатора, что существующие ограничения никак не способствовали умиротворению края:

«Мера эта может только раздражать народ и возбуждать в нем если не громкий, то во всяком случае глухой ропот против власти» [588, л. 267–268]. Но просьба была отклонена. Большое количество подобных прошений от населения к П.Д. Святополк-Мирскому сохранилось в Гродненском архиве [227].

К воздвижению римско-католических крестов правительство Российской империи также относилось негативно. 5 июля 1864 г. Гродненский губернатор предложил Виленскому генерал-губернатору запретить ставить кресты без разрешения в каждом отдельном случае, переписать и собрать сведения о всех крестах, запретить починку старых крестов и замену их на новые [219, л. 1]. Циркуляром Виленского генерал-губернатора от 8 июля 1864 г. запрещалась постановка крестов на полях, дорогах и, вообще, вне костелов, а также упавших вследствие обветшалости: «Дабы католическое духовенство не совершало к ним торжественных процессий и крестных ходов, с целью воспоминания о политических событиях и возбуждения патриотизма» [443, с. 33; 132, л. 48]. Виновных наказывали штрафом в 10–25 рублей. Ксендзов и деканов, а также помещиков, допустивших подобные воздвижения, наказывали штрафом в первый раз 25–50 рублей, во второй раз – вдвое больше, а в третий – «по всей строгости закона» [443, с. 34]. По свидетельству участника событий, только за одну ночь 1864 г. в г. Белостоке были выкопаны 200 римско-католических железных крестов, а в г. Гродно – все кресты [888, s. 194]. За несанкционированную постановку креста был оштрафован крестьянин Мостовской волости Гродненской губернии деревни Микелевщизна [232, л. 2–3]. В приложении работы приведен документ, свидетельствующий о том, какой позиции придерживалась власть в отношении римско-католических крестов (смотрите приложение Д).

На основании высочайшего повеления от 14 марта 1896 г. принадлежавшие к сельскому населению Виленской, Ковенской и Гродненской губерний католики, желавшие соорудить кресты и другие священные изображения вне кладбищ, храмовых оград и усадеб, должны были просить разрешение губернского руководства, с представлением рисунка и описания сооружения [9, с. 208]. Виленский генерал-губернатор не разрешил в 1899 г. дворянину И. Дзеконскому поставить два деревянные креста в

урочищах Заость и Уска Брестского уезда, так как они могли бы послужить воспоминанием о событиях 1863 – 1864 гг. (в ходе опроса местных крестьян выяснилось, что в этих урочищах укрывались польские повстанцы) [277, л. 7–8]. Крестьянин Н. Болкунов при деревне Беневцы Гребеневской волости Сокольского уезда поставил каменный памятник с железным крестом, а ксендз Сташкевич освятил этот памятник. Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский счел, что крестьянин поставил памятник по неведению и освободил Н. Болкунова от взыскания. Он также согласился, что, возможно, и ксендз Сташкевич мог не знать правил, изложенных в высочайшем повелении от 14 марта 1896 г., но все же подверг ксендза штрафу в 50 рублей [129, л. 11–12]. Подобных дел зафиксировано автором множество [269–270; 551]. Католики нередко сами восстанавливали срубленные кресты или делали новые, не дожидаясь согласия властей. Такое положение засвидетельствовал Е. Жискар в местечке Волме Минского уезда [1017, s. 161].

Таким образом, одним из важных направлений деятельности костела на территории Беларуси в изучаемый период явилось отстаивание традиционных форм религиозной жизни. Правительство, не запрещая многие из них ввиду явного ущемления прав верующих, приняло тактику их чрезмерной регламентации. Римско-католический костел, принимая эти правила, стремился использовать любую неточность или недосказанность в них, чтобы сохранить веками сложившуюся религиозную практику, – это обеспечивало доверие паствы, усиливало влияние католического духовенства на верующих. Независимо от целей, которые преследовал костел, сохранение традиционных форм религиозного культа способствовало сохранению важных составляющих народной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После подавления восстания 1863 г. правительство Российской империи предприняло целую серию мер, направленных на полный контроль над римско-католическим костелом в соответствии с действовавшей практикой подчинения церкви государственному аппарату. В правовом отношении костел в Российской империи вследствие нескольких десятилетий законотворчества оказался выведен из-под непосредственного влияния Римской курии и включен в российскую правовую систему. Это означало фактическую ликвидацию автономности данной структуры, зависимость ее от светской власти, беззащитность от произвола, преследований в случае неповиновения или оппозиционности к политике, проводимой царизмом. Несмотря на целый ряд мероприятий, которые ставили костел в зависимое от государства положение, царскому правительству не удалось достигнуть в исследуемый период поставленных задач в полном объеме. Были сохранены канонические связи местного костела с Римской курией, с которой светская власть старалась поддерживать дипломатические отношения. Римско-католический костел сохранил свое влияние в обществе благодаря политической гибкости высших иерархов, а также поддержке паствы.

Зависимое от государства положение римско-католического костела отразилось, прежде всего, в административной сфере. Установленный над костелом контроль предусматривал определение светской властью его епархиальной организации, которое проводилось в исследуемый период без согласования с представителями духовенства. В 1869 г. была упразднена Минская римско-католическая епархия, произвольно изменялись границы приходов. Сокращение числа римско-католических храмов наносило мощный удар по позициям, традиционно занимаемым костелом в системе конфессиональных отношений на белорусских землях. Вследствие чего состоялось значительное ослабление епархиальных структур, уменьшилась численность приходов. Римско-католическое духовенство не могло посещать соседние храмы без дозволения светской власти, что вело к ослаблению римско-католического влияния, сокращению числа верующих – опоры костела в крае. На первый

план для римско-католического духовенства выступала задача выживания, сохранения хотя бы части былого влияния без открытого выступления против существующего порядка. Жесткая политика царских властей не оставляла возможности для деятельного участия в национально-освободительном и революционном движении и вынуждала римско-католический костел быть лояльным по отношению к российскому самодержавию.

Царское правительство стремилось к максимальному ограничению влияния римско-католического духовенства на воспитание и образование подрастающего поколения. Римско-католический костел, утратив прочные позиции в учебных заведениях вследствие секуляризации и русификации школы, стремился сохранить участие в духовном воспитании детей-католиков, что было принципиально важно для него. Позиция училищной администрации, а также гражданских властей в вопросе присутствия римско-католических священников в школьном деле на протяжении исследуемого периода не была последовательной. Жесткое противостояние 1860 – 1870 гг. к концу столетия постепенно уступает место более конструктивным мерам.

Появление и развитие римско-католических братств явилось не только данью традиции, но и ответом римско-католического костела, паствы на конфессиональную и национальную политику царского правительства. Костел, явно не выступая организатором этих обществ, активно поддерживал их, прежде всего морально. Католические общества были его опорой среди паствы, позволяли воздействовать на верующих не только в храме, но и за его стенами. В условиях постоянного полицейского надзора, антикатолической настроенности правительства римско-католические объединения вынуждены были приспосабливаться, искать качественно иную форму своего существования.

Введение русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях не стало препятствием для занятия ксендзами должностей законоучителей. Вопрос о русском языке переводился в область теологических споров: противоречит ли это каноническому праву, либо таким противоречием можно пренебречь. Приверженность

к польскому языку в данном случае подкреплялась не столько патриотическими чувствами ксендзов, сколько стремлением сохранить давние традиции, отказ от которых мог пошатнуть авторитет костела среди верующих-католиков, уменьшить число приверженцев католической веры. Стремясь сохранить свое влияние в сфере образования, отстоять право учить основам веры на польском (традиционном и официально принятом Конгрегацией обрядов) языке, костел неизменно демонстрировал лояльность в отношениях с властями, подчеркивая свое стремление быть легитимным религиозным институтом Российской империи. Независимо от стремлений самого римско-католического костела, его защита традиций религиозного воспитания детей-католиков способствовала сохранению одной из особенностей белорусского этноса – поликонфессиональности.

Царское правительство препятствовало религиозной жизни римско-католических верующих, ограничивая свободу отправления религиозного культа, пастырскую работу римско-католического духовенства на белорусских землях. Сохранение традиционных для белорусских католиков форм религиозной жизни было важным для авторитета костела среди верующих. В связи с этим, строго следуя предписаниям властей, католические священники использовали любую неточность или недосказанность в этих правилах, чтобы сохранить сложившуюся систему обрядов, ритуалов. Независимо от целей костела, такое отношение к традициям способствовало сбережению важных составляющих народной культуры Беларуси.

Результаты исследования дополняют накопленный материал по истории католицизма в Беларуси, по историографии конфессий в рассматриваемый период. Они могут быть использованы в учебном процессе, в рамках чтения определенных курсов и спецкурсов, при подготовке соответствующих учебных, научных и научно-методических пособий по истории Беларуси и России, отечественной историографии, истории конфессий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1 Адамов, А.Е. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма 1887 – 1900 / А.Е. Адамов. – М., 1931. – 356 с.

2 Адамовіч, С. Занядбаная святыня. З гісторыі касцёла Зембінскага дамініканскага кляштара / С. Адамовіч // Наша вера. – 1999. – № 1. – С. 60–63.

3 Аксаков, И.С. Польский вопрос и западно-русское дело / И.С. Аксаков. – СПб.: Имперская библиотека, 1886. – 884 с.

4 Аксаков, И.С. Славянский вопрос. 1860 – 1886 / И.С. Аксаков. – М.: тип. М.Г. Волчанина, 1886. – 771 с.

5 Актуальные вопросы научного атеизма и истории религии: сб. науч. тр. / Гродненский государственный университет; редкол.: Г.А. Мартиросов (отв. ред.), Я.Н. Мараш, Н.Н. Беспамятных. – Гродно: ГрГУ, 1985. – 115 с.

6 Александровіч, М.А. Святло ў цемры: З гісторыі свабодамыснасці і атэізму ў Беларусі / М.А. Александровіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1960. – 237 с.

7 Аникиевич, К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии: Опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистических отношениях / К.Т. Аникиевич. – Могилев: Губ. тип., 1907. – 148 с.

8 Аппеева, Т.М. Религия и современная идеологическая борьба / Т.М. Аппева. – Мінск: Вышэйшая школа, 1980. – 237 с.

9 Арсеньев, К.К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. / К.К. Арсеньев. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 307 с.

10 Архиепископ Афанасий [Мартос]. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / Архиепископ Афанасий [Мартос]. – Минск: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 299 с.

11 Архитектура Белоруссии / У.В. Алисейчик, С.Г. Антипов, С.Г. Багласов [и др.]. – Минск: Белорус. Сов. Энцикл., 1982. – 228 с.

12 Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / А.М. Ткачоў, У.С. Пасэ, Г.Р. Сянькевич [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.

13 Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям; составлен при министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях. – СПб., 1864. – 8 с.

14 Бараноўскі, А. Роля магнатаў у каранацыі абразоў Божай Маці ў Вялікім Княстве Літоўскім / А. Бараноўскі // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 47–55.

15 Барыс, С. Адраджэнне рэлігійнага жыцця ў Беларусі / С. Барыс // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 5. – С. 16–27.

16 Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П.Н. Батюшков. – СПб., 1890. – 184 с.

17 Бачышча, Ю.А. Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызма ў Беларусі (1900 – 1914 гг.): аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ю.А. Бачышча; Беларус. дзярж. педаг. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2003. – 19 с.

18 Бачышча, Ю.А. Крыніцазнаўчы і гістарыяграфічны акляды нацыянальна-рэлігійнай палітыкі царскага ўрада ў пачатку ХХ ст. / Ю.А. Бачышча // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 153–156.

19 Бачышча, Ю.А. Погляды П.Д. Святаполк-Мірскага на канфесійную палітыку ў Паўночна-Заходнім краі і іх ажыццяўленне / Ю.А. Бачышча // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастрыч. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш]. – Мінск, 2002. – С. 119–121.

20 Бачышча, Ю.А. Уплыў указа «Аб асновах верацярпімасці» ад 17 красавіка 1905 г. на становішча католікаў у Беларусі (1905 – 1914 гг.) / Ю.А. Бачышча // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 149–153.

21 Бедуел, Г. История церкви / Г. Бедуел. – М.: Христианская Россия, 2000. – 330 с.

22 Беларусская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. эцыкл., 1996–2004.

23 Белецкий, А. Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский (24 октября 1869 г. – 25 июня 1899 г.) / А. Белецкий. – Вильна: Русский почин, 1903. – 18 с.

24 Белецкий, А.В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г. / А.В. Белецкий. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1903. – 70 с.
25 Белецкий, А.В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А.В. Белецкий. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1904. – 42 с.
26 Белоголов, И. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России: в 2 т. / И. Белоголов. – Петроград, 1915. – Т. 1. – 482 с.
27 Бендин, А.Ю. Вероисповедная система Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) / А.Ю. Бендин // VII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 22–24 мая 2001 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2002. – Ч. 1, кн. 1. – С. 153–171.
28 Бендин, А.Ю. Православная церковь и проблемы формирования русского национального сознания (конец XIX – начала XX вв.) / А.Ю. Бендин // VIII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 23–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол. А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 2, кн. 1. – С. 163–186.
29 Бендин, А.Ю. Православная церковь и проблемы формирования русского национального самосознания. Особенности белорусского опыта (конец XIX – начало XX вв.) / А.Ю. Бендин // Гомера [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://homeru.com/rci/russia_53.html. – Дата доступа: 17.03.2006.
30 Бич, М. Всеподданнейший отчет Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / М. Бич, В. Пичуков // Беларус. гіст. часоп. – 1997. – № 2. – С. 95–116.
31 Блахницкая, И. Социальный смысл концепции «поляк-католик» / И. Блахницкая, Я. Ершина, П. Шидловский // Философские науки. – 1980. – № 5. – С. 118–125.

32 Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т.Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 427 с.

33 Блинова, Т.Б. Иезуиты в Белоруссии / Т.Б. Блинова. – Минск.: Беларусь, 1990. – 110 с.

34 Богословский, К. Государственное положение Римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени / К. Богословский. – Харьков, 1898. – 374 с.

35 Бонч-Бруевич, В.Д. Силы русского клерикализма / В.Д. Бонч-Бруевич // Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России): сб. ст. / сост. Е.Ф. Грекулов; под общ. ред. А.М. Сахарова. – М., 1975. – С. 207–219.

36 Бородкин, М. Граф Д.А. Милютин в озывах его современников / М. Бородкин. – СПб.: Глав. упр. уд-в, 1912. – 36 с.

37 Брянцев, П.Д. История Литовского государства с древнейших времен / П.Д. Брянцев. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 659 с.

38 Будилович, А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины / А.С. Будилович. – СПб.: изд. Н.Д. Сергиевского, 1907. – 207 с.

39 Булгарин, Ф.В. Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: в 2 ч. / Ю.В. Булгарин. – СПб., 1846. – Ч. 1. – 146 с.

40 Бунге, Н.Х. Загробные заметки / Н.Х. Бунге // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – 384 с.

41 Валуев, П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / П.А.Валуев. – М.: АН СССР, 1961. – Т. 2. – 394 с.

42 Василевский, А. Восток, Запад и Польша / А. Василевский. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

43 Васовіч, С.М. Царкоўныя праваслаўныя школы Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / С.М. Васовіч // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 4. – С. 67–70.

44 Вашкевіч, Ю. Вобраз Беларусі і беларусаў у польскай мемуарнай літаратуры 1945 – 1991 гг. / Ю. Вашкевіч // Беларус. гіст. аг-д. 1999. – Т. 6, сш. 1–2 (10–11). – С. 81–91.

45 Ведомости о количестве типографий, фотографий, книжных магазинов и библиотек в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 2638.

46 Ведомости о количестве упраздненных католических костелах Гродненской губернии; переписка с Гродненским губернатором, Литовской духовной консисторией и другими о постройке и ремонте православных церквей в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 228.

47 Ведомости о состоянии губернии за 1870 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 14. – Д. 964.

48 Ведомости о состоянии губернии за 1886 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 17. – Д. 1100.

49 Ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 981.

50 Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3113.

51 Ведомость управления государственным имуществом о названии и местонахождении упраздненных костелов и их причина // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2514. – Оп. 1. – Д. 2682.

52 Венгер, А. Рим и Москва. 1900 – 1950 / А.Венгер; пер. с фр. и предисл. Н. Струве. – М.: Русский путь, 2000. – 616 с.

53 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 4, от. 4, т. 2.

54 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 6, от. 4, т. 2.

55 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 9, от. 4, т. 4. – С. 77–101.

56 Взаимоотношение русских и поляков в Западном крае // Свет. – 1895. – № 151. – С. 78–84.

57 Виленский временник. – Вильна, 1907. – Кн. 2. – 197 с.

58 Виленский календарь на 1884 г. – Вильна: Губ. тип., 1883. – 182 с.

59 Виленский календарь на 1892 г. – Вильна: Губ. тип., 1891. – 203 с.

60 Виленский календарь на 1896 г. – Вильна: Губ. тип., 1895. – 196 с.

61 Виленский календарь на 1904 г. – Вильна: Губ. тип., 1903. – 297 с.

62 Виноградов, А.А. Путеводитель по городу Вильне / А.А. Виноградов. – Вильна: Губ. тип., 1904. – 313 с.

63 Винтер, Э. Папство и царизм / Э. Винтер; пер. с нем. Р.А. Крестьянинова и С.М. Раскиной; предисл. и ред. В.Т. Пашуто и М.М. Шейнмана. – М.: Прогресс, 1964. – 531 с.

64 Винтер, Э. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917 – 1968 / Э. Винтер. – М.: Прогресс, 1977. – 487 с.

65 Витте, С.Ю. Воспоминания: в 2 т. / С.Ю. Витте; под ред. В. Готовицкой. – М.: Социально-экономическая литература, 1961. – Т. 1. – 437 с.

66 Владимиров, А. История плана располячения католицизма в Западной России / А. Владимиров. – М., 1896. – 122 с.

67 Владимиров, А. О положении православия в Северо-Западном крае / А. Владимиров. – М., 1893. – 87 с.

68 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. – М.: Госполитиздат, 1974. – 821 с.

69 Восович, С.М. Деятельность церковных школ ведомства православного исповедания на территории Белоруссии конец XIX – начало XX вв. / С.М. Восович // V международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтенй, Минск, 24–26 мая 1999 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол. А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2000. – Ч. 1. – С. 65–72.

70 Воспоминания П.А. Черевина. 1863 – 1865. – Кастрома, 1920. – 65 с.

71 Восстание в Литве и Белоруссии. 1863 – 1864 гг.: сб. док. / предисл. Ю. Жюгжды и В. Неупокоева; редкол.: В.Дьяков [и др.]. – М.: Наука, 1965. – 586 с.

72 Всеподнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 67–94.

73 Вышеславцев, А.Л. Очерки деятельности сельских народных училищ Гродненской губернии в период 1880 – 1890 гг. / А.Л. Вышеславцев. – Гродно: Губ. тип.: 1890. – 35 с.

74 Габрусь, Т. Адлюстраванне канфесійна-палітычнай сітуацыі ў культавым дойлідстве Беларусі / Т. Габрусь // Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 317–324.

75 Габрусь, Т.В. Зруйнаваныя святыні / Т.В. Габрусь // Страчаная спадчына; пад рэд. Т.В. Габрусь, А.М. Кулагіна, Ю.У. Чантурыя [і інш.]. – Мінск: Полымя, 1998. – С. 55–156.

76 Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока. / Т.В.Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.

77 Гаврыш, В. Язык богослужений – вопрос деликатный / В. Гаврыш // Народная газета. – 2004. – 10 лют. – С. 3.

78 Гайдук, В.П. Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX – XX вв. (по новым материалам) / В.П. Гайдук // Новая и новейшая история. – 1998. – № 6. – С. 23–31.

79 Ганчарук, І. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі: канец XIV – XX ст. / І. Ганчарук // Беларусіка=Albaruthenica 6; Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу: у 2 ч. / Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. Ул. Конан [і інш.]. – Мінск, 1997. – Ч. 1. – С. 180–187.

80 Ганчарук, І. Рымска-каталіцкая царква на Беларусі / І. Ганчарук // Энцыкл. гіст. Беларусі. – Мінск, 2001. – Т.6, кн. 1. – С. 154–155.

81 Ганчарук, І. Становішча і арганізацыйная структура рымска-каталіцкага касцёла на беларускіх землях у складзе

Расейскай імперыі / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 97–116.

82 Ганчарук, І.Г. Да пытання аб ролі каталіцкай царквы ў вызваленчым руху Беларусі ў XIX ст. / І.Г. Ганчарук // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 633–641.

83 Ганчарук, І.Г. Касцёл і гістарычная свядомасць каталіцкага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX стст. (спосабы уплыву) / І.Г. Ганчарук // Наш Радавод. – Гродна. – 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 259–263.

84 Ганчарук, І.Г. Фарміраванне парафіяльнай сеткі Слонімскага дэканата ў XVII – XX стагоддзях / І.Г. Ганчарук // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы гіст.-краязн. канф. прысвеч. 750-годдзю г. Слоніма і 70-годдзю засн. Слонім. р-га краязн. музея ім. І.І. Стаброўскага, Слонім, 14–15 мая 2001 г. / Слонім. р-ны вык. кам., Гродзен. абл. і р-ны Савет грамад. аб'яд-ня «Беларус. добраахв. т-ва аховы помнікаў гіст. і к-ры»; склад. Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнь; пад рэд. І.П. Крэня. – Слонім, 2002. – С. 219–224.

85 Гараджа, В.И. Религия как предмет социологического анализа / В.И. Гараджа // Религия и общество. – 1994. – № 9. – С. 7–15.

86 Гародка, Р. Гісторыя цудадзейнай іконы Маці Божай Юравіцкай / Р. Гародка // Наша вера. – 2003. – № 2. – С. 4–5.

87 Гарошка, Л. Пад знакам «рускае» і «польскае» веры / Л. Гарошка // Спадчына. – 2000. – № 1. – С. 142–195.

88 Географический статистический словарь Российской империи. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т. МВД, 1860 – 1875.

89 Гетманский, А.Э. Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) / А.Э. Гетманский // Вопросы истории. – 2004. – № 5 – С. 24–45.

90 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.

91 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.

92 Голованов, С. Католичество и Россия (исторический очерк) / С. Голованов. – СПб., 1998. – 85 с.
93 Горизонтов, Л.Е. Польский вопрос и конфессиональная политика самодержавия (30-е годы XIX – начало XX вв.) / Л.Е. Горизонтов // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI – XX w.); pod red. J. Bardacha. – Warszawa: Oświata UN–O, 1997. – S. – 270–276.
94 Горизонтов, Л.Е. "Польская цивилизованность" и "русское варварство": основания для стереотипов и автостериотипов / Л.Е. Горизонтов // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 39–48.
95 Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.
96 Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863 – 1864 гг. // Русская старина. – 1882. – № 11. – С. 64–73.
97 Грекулов, А.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX вв.) / А.Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 237 с.
98 Григорьева, В.В. Из истории располячивания костела в Белорусских губерниях (взгляд на проблему через деятельность каноника Сенчиковского) / В.В. Григорьева // Наш радавод. – Гродна, 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 672–680.
99 Григорьева, В.В. Католическая церковь в Белоруссии: историография проблемы (конец XVIII – начало XX вв.) / В.В. Григорьева, Е.Н. Филатова // Наш Радавод. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч. 3. – С. 652–661.
100 Григулевич, И.Р. Папство. Век XX / И.Р. Григулевич. – М.: Политиздат, 1978. – 217 с.
101 Гринбалт, М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М.Я. Гринбалт. – Минск, 1968. – 386 с.
102 Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – 8 апр.
103 Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – 4 мая.
104 Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – 8 апр.

105 Грыгор’ева, В. З гісторыі канфесіянальнага жыцця Віцебскай губерні (к. XVIII – пач. XX ст.) / В. Грыгор’ева, А. Філатава // Беларус. гіст. часоп. – 1995. – № 2. – С. 17–22.

106 Грыгор'ева, В. Каталіцкае духавенства ля вытокаў Беларускага Адраджэння / В. Грыгор’ева // Беларусіка = Alba-ruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 293–297.

107 Грыгор’ева, В. Нацыянальнае пытанне ў дзейнасці каталіцкага касцёла на Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / В. Грыгор’ева // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры: у 2 ч. – Гародня, 1996. – Ч. 2. – С. 63–67.

108 Грыгор’ева, В. Неблаганадзейны касцёл / В. Грыгор’ева // Спадчына. – 1996. – № 3. – С. 37–39.

109 Грыцкевіч, А.П. Брацтвы каталіцкія / А.П. Грыцкевіч // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 93.

110 Губина, В. Положение православных и католических храмов на Беларуси в XIX в. Сравнительный анализ / В. Губина // VI международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящ. Дням славян. письмен. и к-ры: материалы чтений, Минск, 25–26 мая 2000 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т ф-т теол., Беларус. гос. ун-т к-ры; ред. кол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1, кн. 1. – С. 168–183.

111 Губина, В. Поощрение владельцев имений за добровольное содействие строительству православных храмов на Белураси в XIX в. / В. Губина // VIII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящ. Дням славян. письмен. и к-ры: материалы чтений, Минск, 23–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т ф-т теол., Беларус. гос. ун-т к-ы; ред. кол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 1, кн. 1. – С. 187–191.

112 Гулак, Н. «Слуга цару ... » / Н. Гулак // Спадчына. – 1995. – № 1. – С. 70–79.

113 Гурецкий, А. Историография политики царизма в области образования в Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. (1771 – 1825 гг.) / А. Гурецкий // Пытанні гісторыі, метадалогіі і методыкі выкладання: зб. навук. арт. – Мінск: Беларус. дзярж. педаг. ун-т, 1998. – Вып. 1. – С. 40–49.

114 Гурецкий, А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX ст. (1772 – 1825 гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Гурецкий; Белорус. гос. педаг. ун-т. – Минск, 1998. – 20 с.

115 Данилов, В. История проникновения и распространения католичества в русских землях до 1917 г. / В. Данилов. – М.: Наука, 1992. – 137 с.

116 Данскіх, С.У. Наш Шчучын / С.У. Данскіх; пад навук. рэд. У.Д. Разенфельда. – Гродна: Ратуша, 2001. – 206 с.

117 Дело о введении русского языка в религии иностранных исповеданий // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 35861.

118 Дело о введении русского языка в римско-католическое богослужение в Минской губернии // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 283.

119 Дело о взимании штрафа за совершение без разрешения крестного хода с настоятеля Сегневичского костела ксендза Буйко // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2552.

120 Дело о взыскании строгого выговора ксендзу Домашевичу за совершение без разрешения крестного хода в ограде костела // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2845.

121 Дело о взыскании штрафа за незаконное совершение крестных ходов с ксендзов Држевинского и Сенкевича // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1199.

122 Дело о взыскании штрафа за отказ служить панихиду по умершему царю Александру III с ксендзов Панасевича и Тепшка // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 228.

123 Дело о взыскании штрафа за преподавание на польском языке в Суражском приходском училище с ксендза Гриневицкого // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1448.

124 Дело о взыскании штрафа за совершение крестного хода с ксендза Монкевича // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 223.

125 Дело о взыскании штрафа за совершение крестных ходов без разрешения с ксендзов Сухоцкого и Бродовского // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2768.

126 Дело о взыскании штрафа с акцизного объездчика Скродского и мещанок города Гродно Фокий Емилии и Иоаганны за разговор на польском языке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 574.

127 Дело о взыскании штрафа с ксендза Наровского римско-католического костела Лавриновича за несвоевременное отслужение молебствия по случаю дня рождения царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 520.

128 Дело о взыскании штрафа с ксендза римско-католического костела в местечке Черновчицы Лавриновича за не совершение молебствия за здравие царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 927.

129 Дело о взыскании штрафа с ксендза Сташкевича за освящение креста, поставленного крестьянином Балкуном // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 928.

130 Дело о взыскании штрафа с настоятеля Слонимского костела Гриневича за не исполнение им молитвы за здравие царя при богослужении в костеле обедни // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1672.

131 Дело о вручении римско-католическому духовенству Гродненской диоцезии новоотпечатанного требника // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 206.

132 Дело о выделении жалованья ксендзам, оставшимся без должностей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1671.

133 Дело о вызове ксендзов по делам службы в Виленскую римско-католическую духовную консисторию // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1008.

134 Дело о высылке семьи Янчевской в Сибирь // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1814.

135 Дело о доставлении сведений в канцелярию Виленского генерал-губернатора о приходе сумм о наложения штрафов за 1866 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 768.

136 Дело о доставлении сведений Виленскому генерал-губернатору о количестве сумм, оставшихся в казне в связи с упразднением части костелов по губернии и переписка с деканатами по этому вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 899.

137 Дело о доставлении сведений католическими деканами о количестве намечавшихся в 1882 г. крестных ходов и о количестве командированных ксендзов в приходы в помощь настоятелям // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 701.

138 Дело о доставлении сведений о существовании братств в Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 46947.

139 Дело о жалобах населения на ксендза Юргевича // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6760.

140 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь викарного Олькешинского костела ксендза Войтковича за пьнство // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2142.

141 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Тарасевича за запрещение католикам всту-

пать в брак с православными // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2550.

142 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Сидорского за незаконное совершение богослужения // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2758.

143 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Танаевского за недопущение католиков вступать в брак с православными // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2759.

144 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Нарушиса Иоанна за уклонение от богослужения в день именин царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2777.

145 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Живоронка Викентия за распространение изданной им книги, запрещенной цензурой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 254.

146 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Жиловского Антония за порицание православной веры // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 870.

147 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Жеро Иосифа сроком на один год за антиправительственную агитацию // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 808.

148 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь на один год настоятеля Задзевской римско-католической церкви Виленской губернии ксендза Рачковского Иоахима за уклонение от богослужений в царские дни // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 719.

149 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Радуньского костела Лидского уезда Живоронского Викентия за антиправительственные поступки // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1683.

150 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Лабонарского костела Свенцянского уезда ксендза Бурду Александра за враждебное отношение ко всему русскому // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1708.

151 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Рудникского костела ксендза Ленкшевича за исповедь и причастие православных крестьян // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2118.

152 Дело о заключении викарного Гродненского фарного костела ксендза Кринского Иоанна в Аглонский доминиканский монастырь за антиправительственные действия // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1885.

153 Дело о заключении Лидского декана ксендза Сташевича Ромуальда в Гродненский францисканский монастырь на шесть месяцев // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1475.

154 Дело о заключении настоятеля Моссарского костела Слонимского уезда ксендза Куликовского Вильгельма за порицание православной веры в Гродненский францисканский монастырь // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1688.

155 Дело о заключении настоятеля Поставского костела Дисненского уезда ксендза Высоцкого Станислава в Гродненский францисканский монастырь // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1478.

156 Дело о заключении настоятеля Тверечского костела Свенцянского уезда ксендза Масюлиса в Гродненский францисканский монастырь за невыполнение распоряжений местных

властей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2654.
157 Дело о закрытии римско-католических костелов и часовен по Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7515.
158 Дело о запрещении исполнять службы в костелах на польском языке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3112.
159 Дело о запрещении католическому духовенству употреблять польский язык // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 983.
160 Дело о запрещении ксендзами Рышкевичем и Яроцким католическому населению посылать своих детей в церковно-приходские школы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 856.
161 Дело о запрещении продажи по Гродненской губернии книги «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3374.
162 Дело о запрещении устанавливать кресты на дорогах в Волковысском уезде // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 640.
163 Дело о командировании комиссии для осмотра и приема вновь построенной Крупчицкой церкви в Кобринском уезде // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2725.
164 Дело о командировании чиновников крестьянского присутствия в Петербург на совещание для обсуждения вопроса об устройстве чиншевика // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 702.
165 Дело о ксендзах, освобожденных от полицейского надзора // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6258.

166 Дело о наблюдении за поведением ксендзов в Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2157.

167 Дело о наблюдении за поведением ксендзов в Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3108.

168 Дело о наблюдении за появлением в Гродненской губернии брошюры «Небесное письмо Божьей Матери» // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 512.

169 Дело о наблюдении за римско-католическим духовенством // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 280.

170 Дело о награждении орденами Белостокского декана Берниковича, законоучителя Гродненской гимназии Бержинского и Гродненского декана, архидиакона Гинтовта за обучение в гимназии молитв на русском языке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1890.

171 Дело о назначении 20% надбавки к жалованию учителя Волковысского уездного училища Лихнякевича Александра // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1109.

172 Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5979.

173 Дело о назначении епископа Фиалковского архиепископом Могилевским // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6108.

174 Дело о назначении законоучителей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6870.

175 Дело о назначении ксендза Кулаковского Гродненским деканом; о представлении Гродненскому декану сведений о родившихся, умерших за 1875 г. и другим вопросам // Нацио-

нальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 256.

176 Дело о назначении ксендзов для воинских чинов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2553.

177 Дело о назначении ксендзов законоучителями в училища Гродненской дирекции народных училищ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1576.

178 Дело о назначении ксендзов на вакантные должности // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1675.

179 Дело о назначении ксендзов на вакатные должности // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1092.

180 Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6759.

181 Дело о наложении штрафа на помещика Кононинского Николая за уход из костела в момент богослужения за здравие царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1313.

182 Дело о насильственном закрытии толпой католиков Роготнянской православной церкви // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1053.

183 Дело о не совершении ксендзом Игуменского уезда Станкевичем молебствия за царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2547.

184 Дело о незаконном открытии школы в околице Кулики Гродненского уезда и обучении в ней детей польской грамоте Полуяновским Матвеем // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 406.

185 Дело о незаконном превращении крестного хода в демонстративно политическое шествие с национальными поль-

скими флагами ксендзами // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1123.

186 Дело о незаконном сборе денег в пользу костела ксендза Маевского Иосифа в Друскеникском костеле // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1826.

187 Дело о нищенском положении деревни Копцещины, принадлежавшей помещице Валицкой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 22.

188 Дело о ношении траурных знаков и проведении похоронных процессий католиками в Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1072.

189 Дело о переводе заключенного в Виленский кармелитский монастырь ксендза Пласковицкого Адольфа в Гродненский францисканский монастырь // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1684.

190 Дело о переводе Могилевской римско-католической духовной консистории в Санкт-Петербург // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6888.

191 Дело о перемещении католического духовенства в другие приходы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1577.

192 Дело о перемещении ксендзов в Динабургском уезде Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31843.

193 Дело о перемещении ксендзов в Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1673.

194 Дело о перемещении ксендзов в приходы по Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31841.

195 Дело о перемещении ксендзов из одного прихода в другой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1308.
196 Дело о перемещении ксендзов из одного прихода в другой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1313.
197 Дело о переходе ксендзов из одного костела в другой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2544.
198 Дело о поведении духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1674.
199 Дело о поведении духовенства в Гродненском францисканском монастыре // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 8. – Д. 201.
200 Дело о поведении ксендза местечка Ула Мотусе // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 33861.
201 Дело о поведении ксендзов, заключенных в Аглонский монастырь за политическую неблагонадежность // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 40471.
202 Дело о поведении римско-католического духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6868.
203 Дело о поведениях римско-католического духовенства в Минской губернии // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 281.
204 Дело о политически неблагонадежных ксендзах // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6869.
205 Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1774.

206 Дело о положении русского языка в костелах Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 274.

207 Дело о помещении ксендза Каменского костела Вашкевича в Виленский монастырь // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3296.

208 Дело о поступлении дворянина Косинского Франца в духовный сан // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 1120.

209 Дело о предоставлении к наградам католического духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2709.

210 Дело о представлении главному начальнику края сведений о замене польских молитвенников русскими // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52296.

211 Дело о представлении настоятелями костелов в городские управы, волостные управления сведений о родившихся за 1857 г., 1858 г., 1861 г.; о назначении ксендза Сломинского Иоанна настоятелем Озерского костела и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 265.

212 Дело о представлении настоятелями костелов Гродненскому декану сведений о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1872 г.; о назначении ксендза Станкевича Адама администратором Сегневичского костела и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 236.

213 Дело о представлении сведений о национально-польской и религиозно-католической пропаганды в печати и книжной торговли по Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52947.

214 Дело о представлении сведений о существовавших братствах при римско-католических костелах по Гродненскому уезду // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 543.

215 Дело о представлении уездным исправникам сведений о братствах, существовавших при костелах Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52543.

216 Дело о придании суду ксендза Шерешевского костела Езерского за сожительство с женой органиста Бржозовской и организации братства при костеле // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1624.

217 Дело о проведении расследования о ксендзах // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31932.

218 Дело о проверке православных церквей и римско-католических костелов в Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 32528.

219 Дело о продаже земельных угодий, находившихся в пользовании римско-католического духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2790.

220 Дело о произношении проповедей в костелах губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2185.

221 Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 1.

222 Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 2.

223 Дело о разрешении медикам римско-католического вероисповедания заключать условия с крестьянами об их лечении // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31771.

224 Дело о разрешении населению производить постройку и ремонт римско-католических церквей и каплиц в Могилев-

ской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1581.

225 Дело о разрешении отпусков ксендзам с правом выезда в Гродненскую губернию // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1095.

226 Дело о разрешении помещику Семашко построить римско-католическую каплицу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 6615.

227 Дело о разрешении римско-католическому духовенству поездок по личным и служебным делам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 925.

228 Дело о разрешении совершать крестные ходы вокруг костелов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 930.

229 Дело о распространении польских брошюр, непроверенных цензурой, жителем Царства Польского Пацкевичем // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 381.

230 Дело о римско-католических братствах Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6522.

231 Дело о римско-католическом духовенстве Минской губернии, проводивших богослужение на русском языке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2741.

232 Дело о самовольном установлении крестьянами в местечке Индура Гродненского уезда крестов около дороги // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 632.

233 Дело о сборе сведений о лицах, обучавших детей польскому языку в Слонимском уезде // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 577.

234 Дело о сборе сведений о существовавших в Гродненской губернии католических костелах, каплицах и алтарях с

1853 г. по 1864 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 719.
235 Дело о совершении публичного служения в Гродненском францисканском монастыре заключенными в указанный монастырь ксендзами // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1827.
236 Дело о содержании порочных священников // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 7021.
237 Дело о существовании терциарского общества в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1467.
238 Дело о цензорах рукописных проповедей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6862.
239 Дело о численности римско-католического духовенства в Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 996.
240 Дело об аресте мещанина Слободского Моисея за государственное преступление // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 229.
241 Дело об ассигновании средств на Минскую школу органистов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3538.
242 Дело об обнаружении в губернии тайных польских школ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 916.
243 Дело об обучении детей польскому языку жителями губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3450.
244 Дело об отказе викарного Борисовского костела ксендза Маркевича от должности настоятеля Першайского костела // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2240.

245 Дело об отказе священником села Доропеевичи Кобринского уезда Ивацевичем служить молебен за здравие царя // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 33.
246 Дело об открытии при Хорощанском костеле тайной польской школы ксендзами Танаевским и Шумовским // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2372.
247 Дело об отношении местного населения к православным священнослужителям // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1814.
248 Дело об отпуске денежных средств на содержание военнопленных // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 458.
249 Дело об отстранении от должности политически неблагонадежных ксендзов в Пинском уезде // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2154.
250 Дело об увеличении числа ксендзов в Витебской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 32305.
251 Дело об увольнении в отпуск в Гродненскую губернию студентов Санкт-Петербургского университета Пташицкого Ивана, Левицкого Станислава и Витковского Бронислава и установлении за ними полицейского надзора // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 772.
252 Дело об удалении ксендза Стецкевича из Гродненского францисканского монастыря // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1886.
253 Дело об упразднении братств при римско-католических костелах Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1926.
254 Дело об упразднении должностей заседателей полицейских управлений и учреждении должностей помощников

приставов, а вместо тысятских, десятских, сотских ввести должности участковых надзтрателей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1449.

255 Дело об усилении надзора за продажей запрещенных цензурой книг на польском языке в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 646.

256 Дело об установлении полицейского надзора за ксендзами губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2159.

257 Дело об установлении полицейского надзора за ксендзом Пацевичем, прибывшим в отпуск в город Брест // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 538.

258 Дело о незаконном обучении детей польской грамоте мещанкой местечка Семятичи Бельского уезда Брайбишевой Агнешкой // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 404.

259 Дело о незаконном обучении детей польской грамоте наставником Потокского училища Рублевским Сидором // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 73.

260 Дело по жалобах населения на введение русского языка в римско-католическое богослужение // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 287.

261 Дело по жалобе откупщиков чарочного сбора Клуге Карла и Дериптского на образование «Общества трезвости» католическими священниками // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1042.

262 Дело по жалобе прихожан Рудского костела на вымогательство высокой платы за совершение духовных обрядов ксендзом Монкевичем // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 633.

263 Дело по обвинению Бобруйского декана Олехновича в отказе исполнять службу на русском языке // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5439.

264 Дело по обвинению епископа Войткевича в антиправительственных действиях // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1921.

265 Дело по обвинению ксендза Герачинского в антиправительственных действиях // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5724.

266 Дело по обвинению ксендза Далецкого за польский язык // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 6210.

267 Дело по обвинению ксендзов в уклонении от русского языка // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3524.

268 Дело по обвинению Люцинского ксендза в антиправительственных действиях // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 35064.

269 Дело по прошению графа Коссаковского о разрешении постройки костела в местечке Великой Берестовице Гродненского уезда // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 936.

270 Дело по прошению крестьян о разрешении им постановки крестов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 932.

271 Дело по прошению ксендзов о предоставлении им отпусков // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2253.

272 Дело по прошению ксендзов о предоставлении им отпусков с правом выезда в другие города // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1795.

273 Дело по прошению ксендзов о разрешении им отпусков с выездом из пределов губернии // Национальный историче-

ский архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2462.

274 Дело по прошению ксендзов о разрешении им отпусков с выездом из пределов губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2600.

275 Дело по прошению прихожан Долистовского костела о разрешении им крестного хода // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 20.

276 Дело по прошению разных лиц о разрешении им разносной торговли книгами // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1754.

277 Дело по прошению разных лиц о разрешении им установки крестов на дорогах // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1132.

278 Дзянісаў, Ул. Малавядомыя старонкі з гісторыі Мінскай дыяцэзіі / Ул. Дзянісаў // Наша вера. – 2003. – № 4. – С. 57–64.

279 Диакон Герман Иванов. Ватикан и Россия. Доклад, прочитанный на 24-м съезде Русской Православной Молодежи в год тысячелетия Крещения Руси / Диакон Герман Иванов. – Монреаль, 1989. – 17 с.

280 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900 – 1917 гг.) / под ред. В.Н. Перцева. – Минск: АН БССР, 1953. – Т. 3. – 378 с.

281 Документы и материалы по истории Белоруссии / под ред. Н.М. Никольского. – Минск: Госполитиздат, 1940. – Т. 2. – 423 с.

282 Документы к польскому заговору. – Вильна: Губ. тип., 1866. – 84 с.

283 Документы, относящиеся к истории францисканского ордена в России, Белоруссии, Литве и Украине (к. XVIII – нач. XX в.) в фондах российского государственного исторического архива / сост. С.Г. Козлов. – М.: изд. Францисканцев, 2003. – 435 с.

284 Донесения начальника Минского губернского жандармского управления // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2181.

285 Донских, С.В. Проблема национальной идентификации братьев Ивановских в контексте этнических процессов в Западной Беларуси на рубеже XIX – XX вв. / С.В. Донских // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў захонім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспуб. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Гродз. дзярж. ун-т ім. Я. Купалы; пад рэд. І.П. Крэня. – Гродна, 1998. – С. 190–195.

286 Дополнительная записка членов Государственного Совета Мейштовича, Скирмунта и Лагацинского о положении поляков в Западном крае // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (дальнейште сведения отсутствуют).

287 Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1994. – 509 с.

288 Еленев, Ф. Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь / Ф. Еленев. – СПб.: тип. Безобразова, 1863 . – 83 с.

289 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дыяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2002. – № 4. – С. 16–26.

290 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дыяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 1. – С. 46–51.

291 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дыяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 4. – С. 47–53.

292 Ершова, О.И. Инспекция народных училищ и формирование системы начального образования в Виленском учебном округе (вторая половина XIX в.) / О.И. Ершова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2002. – № 2. – С. 22–26.

293 Ершова, О.И. Национальная политика и становление начального образования в Виленском учебном округе в 60 – 70-е гг. XIX в. / О.И. Ершова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2002. – № 3. – С. 12–15.

294 Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 1. – 669 с.

295 Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 2. – 684 с.

296 Житко, А. Национальный состав дворянства Белоруссии по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / А. Житко // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 127–131.

297 Жукович, П.Н. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России / П.Н. Жукович. – СПб.: печ. С.П. Яковлева, 1895. – 53 с.

298 Жытко, А.П. Адукацыйны ўзровень дваранства Беларусі ў канцы XIX ст. / А.П. Жытко, В.М. Фамш // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 1996. – № 3. – С. 56–62.

299 Жытко, А.П. Колькасны склад дваранства Беларусі 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко // Пытанні гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі. – Мінск, 1997. – С. 62–68.

300 Жытко, А.П. Становішча дваран-каталікоў Беларусі 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – С. 151–156.

301 Забаўскі, М. Нацыянальна-рэлігійная палітыка царызма, урадавых партый і арганізацый на Беларусі (к. XIX – XX стст.) / М. Забаўскі // Культурна-нацыянальныя працэсы на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: зб. навук. пр. / Беларус. дзярж. ун-т; пад рэд. М. Забаўскага, І. Канапацкага. – Мінск, 1998. – С. 125–145.

302 Завальнюк, Ул. Каталіцкі касцёл у Беларусі / Ул. Завальнюк // Беларус. гіст. часоп. – 2000. – № 4. – С. 37–44.

303 Задворный, В. История Католической Церкви в России / В. Задворный, А. Юдин. – М.: изд. кол. теол. им. св. Ф. Аквинского, 1995. – 32 с.

304 Задворный, В.Л. История христианства в России / В.Л. Задворный. – М.: изд. кол. теол. им. св. Ф. Аквинского, 1993. – 67 с.

305 Зайкоўскі, Э. Роля канфесійнага фактару ў нацыянальнай свядомасці беларусаў / Э. Зайкоўскі //

Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 263–271.

306 Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М., Мысль, 1978. – 276 с.

307 Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М., 1973. – 232 с.

308 Законодательные акты переходного времени. 1904 – 1908 гг. – СПб, 1909. – 307 с.

309 Закржевский, А. Польша (статистическо-этнографический очерк) / А. Закржевский. – Киев, 1916. – 114 с.

310 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1984. – 547 с.

311 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 487 с.

312 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 513 с.

313 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1986. – 584 с.

314 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1986. – 526 с.

315 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1987. – Кн. 1. - 469 с.

316 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1987. – Кн. 2. – 456 с.

317 Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.

318 Знаменский, П.В. История Русской церкви / П.В. Знаменский. – М., 1996. – 468 с.

319 Зыбин, В.А. М.Н. Муравьев в Вильне / В.А. Зыбин // Русская старина. – 1898. – № 11. – С. 67–85.

320 Из записок Ивана Акимовича Никотина. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 347 с.

321 Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (к. XVIII – 70 годы XIX в.). – М., 1995. – 306 с.

322 Из истории школы Белоруссии и Литвы / отв. ред. член-корреспондент АПН РСФСР В.З. Смирнов. – М.: Просвещение, 1964. – 479 с.

323 Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. – М.: АН СССР, 1989. – 293 с.

324 Изместьев, Г.П. Михаил Никифорович Катков / Г.П. Изместьев // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 71–92.

325 Иоанн, митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / Митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский Иоанн. – Саратов: Надежда. – 1995. – 334 с.

326 Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902 / сост. С.В. Рождественский. – СПб.: изд. мин-ва нар. просв., 1902. – 893 с.

327 История XIX века (Западная Европа и Внеевропейские государства) / под ред. проф. Лависса и Рамбо. – СПб.: изд. тов-ва “Бр. А. и И. Гранати и К^{0}”, 1907. – 357 с.

328 История Белорусской ССР: в 2 т. / под ред. И.М. Игнатенко, Н.В. Каменской, И.С. Кравченко [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1977. – Т. 1. – 632 с.

329 История Белорусской ССР: в 2 т. / под ред. Л.С. Абецедарского, В.Н. Перцева, К.И. Шабуни. – Минск: АН БССР, 1961. – Т. 1. – 656 с.

330 История искусства Белоруссии: в 6 т. – Минск, 1985. Т. 3. – 350 с.

331 История Римско-Католической Церкви в Российской империи (XVIII – XX вв.) в документах Российского государственного исторического архива / гл. ред. кс. К. Пожарский. – СПб–Варшава: Наука, 1999. – 250 с.

332 История России в XIX веке. – СПб.: изд. Б.Г. Гранат, 1907. – Т. 1. – 326 с.

333 Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя / У. Ігнатоўскі. – Мінск: БДВ, 1928. – 251 с.

334 Канторович, Я.А. Законы о вере и веротерпимости / Я.А. Канторович. – СПб.: изд. Я.А. Канторовича, 1899. – 272 с.

335 Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX стст.) / В.В.Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

336 Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк: выд. Беларус. Цэнтр. Рады, 1956. – 189 с.

337 Каталіцкія храмы на Беларусі: энцыкл. давед. / склад. А.М. Кулагін; маст. І.І. Бокі. – Мінск: БелЭн, 2001. – 216 с.

338 Катков, М.Н.. О русском языке в католическом богослужении / М.Н. Катков // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – С. 228–237.

339 Католицизм без маски. Блокнот агитатора: сб. ст. / под ред. А.И. Залеского. – Минск, 1960. – 163 с.

340 Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е.С. Прокошина, К.К. Койта, Т.П. Короткая [и др.]; под ред. А.С. Майхровича, Е.С. Прокошиной. – Минск: Наука и техника, 1987. – 238 с.

341 Католицизм в СССР и современность: материалы науч. конф., Шауляй, 17–18 дек. 1969 г. / Вильн. гос. ун-т; отв. ред. Г. Аничас. – Вильнюс, 1971. – 416 с.

342 Католицизм: Словарь атеиста / редкол.: Л.П. Андронова [и др.]. – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.

343 Католическая церковь в архиве Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД / отв. ред. М.С. Радван, А.Р. Соколов. – СПб.: Наука РАН, 2000–2001. – 359 с.

344 Католическая церковь накануне революции 1917 года: сб. док. / сост. и отв. ред. М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Катол. ун-та в Люблине, 2003. – 673 с.

345 Католическая энциклопедия. – М.: изд. Францисканцев, 2002–2005. – Т. 1–2.

346 Киприанович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до начала нашего времени / Г.Я. Киприанович. – Вильно: Губ. тип., 1895. – 296 с.

347 Киприанович, Г.Я. К истории женского образования в Западной России: историческая записка ко дню 50-ти летия Виленской, Гродненской и Ковенской гимназий (1860 – 1910 гг.) / Г.Я. Киприанович. – Вильно: Губ. тип., 1910. – 57 с.

348 Кириллов, М.К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и в начале XX в. (1860 – 1907) / М.К. Кириллов // Из истории школы Белоруссии и Литвы; отв. ред. член-корреспондент АПН РСФСР В.З. Смирнов. – М.: Просвещение, 1964. – С. 314–336.

349 Кирюшин, П.М. Ватикан на службе реакции / П.М. Кирюшин. – Минск: АН БССР, 1950. – 168 с.

350 Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / сост. О.Б. Чаплицкий, И. Осипова. – М.: Серебреные нити, 2000. – 832 с.

351 Константинов, Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года / Н.А. Константинов. – М.: Учпедгиз, 1956. – 247 с.

352 Копии циркуляров МВД по духовным вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1842.

353 Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X в. – 1981 г. / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1984. – 255 с.

354 Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимуще-

ственно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1901. – 504 с.

355 Коровин, Е.А. Католицизм как фактор современной мировой политики / Е.А. Коровин. – Москва – Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1931. – 214 с.

356 Корчинский И.В. Краткий исторический очерк православия в границах теперешней Гродненской губернии и житие св. преподобного мученика Афанасия (Филиповича) / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 199 с.

357 Корчинский, И.В. Два слова к церковностроительному делу / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 17 с.

358 Корчинский, И.В. Древняя Каложская церковь во имя святых Бориса и Глеба в г. Гродно / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1908. – 24 с.

359 Корчинский, И.В. Очерк истории церковношкольного дела в Гродненской губернии в XIX столетии / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 131 с.

360 Корчинский, И.В. Православный Софийский собор в г. Гродно / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1907. – 230 с.

361 Котович, И. Наши переговоры с Папой / И. Котович // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 9. – С. 8.

362 Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб: тип. А.С. Суворина, 1864. – 340 с.

363 Коялович, М.О. Вероисповедные обращения и совращения в Западной России / М.О. Коялович // Церковный вестник. – 1881. – № 19. – С. 130–132.

364 Коялович, М.О. Вопрос о примирении с поляками / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1879. – № 50. – С. 24–41.

365 Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович: тип. А.С. Суворина. – СПб., 1873. – 680 с.

366 Коялович, М.О. Свислочская смута / М.О. Коялович // Церковный вестник. – 1890. – № 48. – С. 6–10.

367 Коялович, М.О. Состояние храмов божьих в Западной России и благоустройство их средствами от правительства и

частными пожертвованиями из России / М.О. Коялович. – М.: тип. А.С. Суворина, 1862. – 58 с.

368 Коялович, М.О. Старое и новое понимание латинства / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 17. – С. 22–26.

369 Красников, Н.П. Русское православие, государство и культура / Н.П. Красников. – М.: Знание, 1989. – 62 с.

370 Крачковский, Ю.Ф. Иван Петрович Корнилов / Ю.Ф. Крачковский // Сборник статей “Z”. – С. 264–280.

371 Крестьянское дело в Гродненской губернии. Свод заключений по вопросам, рассмотренных совещанием предводителей дворянства и мировых посредников в 1899 году. – Гродна: Губ. тип., 1900. – 68 с.

372 Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917 – 1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.

373 Кручковский, Т.Т. Поляки на Беларуси на фоне истории и современности / Т.Т. Кручковский. – Слоним: Слоним. тип., 2003. – 272 с.

374 Крысов, А. Кардиналы папы Льва XIII / А. Крысов // Покров. – 2001. – № 12. – С. 19–34.

375 Кузнецов, Н.Д. Управление делами иностранних исповеданий в России в его историческом развитии / Н.Д. Кузнецов. – Ярославль, 1898. – 375 с.

376 Кулагин, А.Н. Архитектура и искусство рококо в Белоруссии / А.Н. Кулагин. – Минск.: Наука и техника, 1989. – 240 с.

377 Куль-Сяльверстава, С. Паміж Польшчаю і Расеяй: моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII – XIX ст. / С. Куль-Сяльверстава // Беларусіка = Albaruthenica 5; Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу: у 2 ч. / Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. Ул. Конан [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 132–143.

378 Куров, М.Н. Революция 1905 – 1907 гг. и кризис политики царизма в религиозном вопросе / М.Н. Куров // Вопросы научного атеизма: сб. ст.; редкол.: А.Ф. Окулов (отв. ред) [и др.]. – М., 1976. – Вып. 19. – С. 169–178.

379 Лакотка, А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка. – Мінск: Ураджай, 1998. – 366 с.
380 Ластоўскі, В. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
381 Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 293 с.
382 Лёсік, Я. Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскай рэвалюцыі / Я. Лёсік // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху. – Мінск., 1924. – 163 с.
383 Лескинен, М.В. Польша и поляки в российских этнографических очерках конца XIX в. / М.В. Лескинен // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 119–134.
384 Линкевич, В.Н. Конфессиональная политика царской администрации в Беларуси после поражения восстания 1863 – 1864 годов (по документам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) / В.Н. Линкевич // Архівы і справаводства. – 2004. – № 2. – С. 101–105.
385 Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси в 60-е годы XIX в. / В.Н. Линкевич // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2003. – № 1 (18), – С. 12–17.
386 Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Н. Линкевич; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
387 Линкевич, В.Н. Славянская проблематика во взаимоотношениях православных и католиков в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / В.Н. Линкевич // Славянский мир на пороге третьего тысячелетия: материалы Междунар. науч. конф., Гомель, 15–16 мая 2001 г. – Гомель, 2001. – С. 89–90.
388 Линкевич, В.Н. Укрепление позиций православной церкви в Беларуси после поражения восстания 1863 года / В.Н. Линкевич // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і

выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск, 2002. – С. 29–34.

389 Липатов, А.В. Польскость и русскость: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа / А.В. Липатов // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 134–156.

390 Липатов, А.В. Россия и Польша: “домашний спор” славян или противостояние менталитетов / А.В. Липатов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 17–30.

391 Липранди, Л. Россия и польский вопрос / Л. Липранди. – М., 1901. – 124 с .

392 Литвиненок, Р.С. Польское общественно-политическое движение в Беларуси и Литве и белорусский вопрос: конец XIX в. – нач. XX в. / Р.С. Литвиненок // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 1999. – № 2. – С. 18–27.

393 Литвиненок, Р.С. Польское общественно-политическое движение в Литве и Беларуси (к. XIX в. – 1907 г.): автореф. ... дис. канд. ист. наук.: 07.00.02 / Р.С. Литвиненок; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 24 с.

394 Литовские епархиальные ведомости. – 1868. – № 9. – С. 5–6.

395 Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 35. – С. 5–6.

396 Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 6. – С. 2–3.

397 Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 46. – С. 8–9.

398 Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – № 10. – С. 5–6.

399 Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – № 18. – С. 5–6.

400 Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 35. – С. 8–9.

401 Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 7. – С. 6–7.

402 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 14. – С. 7–8.

403 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 17. – С. 5–6.

404 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 18. - С. 6–7.

405 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 32. – С. 1–2.

406 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 6. – С. 3–4.

407 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 8–9.

408 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 8. – С. 10–11.

409 Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 8–9.

410 Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 47. – С. 4–5.

411 Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 49. – С. 7–8.

412 Литовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 5. – С. 7–8.

413 Литовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 18. – С. 6–7.

414 Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 22. – С. 4–5.

415 Литовские епархиальные ведомости. – 1892. – № 16. – С. 6–7.

416 Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 51. – С. 9–10.

417 Лиценберг, О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценберг. – Саратов: Поволжская Акад. гос. службы, 2001. – 384 с.

418 Лінднер, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. / Р. Лінднер; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.

419 Лінкевіч, В.М. Канфесіі на Слонімшчыне (другая палова XIX – XX стст.) / В.М. Лінкевіч // Слонімшчыны вычыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы рэгіян. гіст.-краязн. канф., прысв. 750-годдзю г. Слоніма і 70-годдзю засн. Слонім. раён-га краязн. музея ім. І.І. Стаброўскага, Слонім, 14–15 мая 2001 г. / Слонім. р-ны вык. кам., Гродзен. абл. і р-ны Савет грамад. аб'яд-ня "Беларус. добраахв. т-ва аховы помнікаў гіст. і к-ры"; склад. Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнь; пад рэд. І.П. Крэня. – Слонім, 2002. – С. 231–235.

420 Лінкевіч, В.М. Палітыка царскай адміністрацыі на Беларусі ў адносінах каталіцкай канфесіі (апошняя трэць XIX ст.) / В.М. Лінкевіч // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 27–29.

421 Ліцкевіч, А. Старая Беларусь праз прызму новых тэхналогій / А. Ліцкевіч // Спадчына. – 2003. – № 4–5. – С. 122–123.

422 Лозинский, С.Г. История папства / С.Г. Лозинский. – М.: Политиздат, 1986. – 228 с.

423 Лортц, Й. История церкви, рассмотренная с историей людей: в 2 т. / Й. Лортц. – М.: Христианская Россия, 2000. – Т. 2. – 1372 с.

424 Лукша, С.В. Расійскае заканадаўства ў адносінах да каталіцкага касцёла на беларускіх землях у 1772 – 1830 гг. / С.В. Лукша, С.П. Барадзін // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 34–38.

425 Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: НКФ Экаперспектыва, 1996. – 453 с.

426 Лыч, Л. Рэлігія і нацыянальная самасвядомасць беларусаў / Л. Лыч // Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 58–68.

427 Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў касцёл / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 11. – С. 99–102.

428 Люксембург, Р. Шаг за шагом / Р. Люксембург. – М.: Петербург. гос. изд., 1926. – 175 с.

429 Максимов, И. Двадцатипятилетие Гомельской прогимназии. Очерк состояния Гомельском прогимназии с 1866 по 1891 гг. / И. Максимов. – Гомель: Губ. тип., 1891. – 63 с.

430 Мараш, Я.Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 232 с.

431 Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569 – 1795) / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.

432 Мараш, Я.Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 219 с.

433 Марешаль, Э. История девятнадцатого века (1789 – 1899 гг.) / Э. Марешаль; под ред. А.С. Траческого. – СПб, 1907. – 1372 с.

434 Марозава, С. Гістрыяграфія канфесійнай гісторыі Беларусі / С. Марозава // Гістарычны альманах . – Гародня. – 2001. – Т. 4. – С. 147–159.

435 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.

436 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния: в 2 ч. / сост. И. Зеленский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1864. – Ч. 2. – 946 с.

437 Мацюшэнка, В.В. Кароткі нарыс з гісторыі адукацыі на Беларусі / В.В. Мацюшэнка // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 2. – С. 70–75.

438 Машкевич, М. Костел и политика / М. Машкевич // V международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменності и культуры: материалы чтений, Минск, 24–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гуман. ун-т фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол.: А.Ю. Бендин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорус. ун-т к-ры, 2000. – Ч. 1, кн. 1. – С. 44–48.

439 Меморандум Могилевского митрополита Георгия Эдварда Шембека // Католическая церковь накануне революции 1917 года. Сборник документов / сост. и отв. ред. кс. М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Катол. Ун-та в Люблине, 2003. – С. 52–98.

440 Миловидов, А.И Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Харьков.: Губ. тип., 1900. – 92 с.

441 Миловидов, А.И. Деятельность гр. М.Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Харьков.: Губ. тип., 1900. – 46 с.

442 Миловидов, А.И. К 50-летию русской Литвы / А.И. Миловидов. – Вильно: Губ. тип., 1914. – 78 с.

443 Миловидов, А.И. Распоряжения и переписка гр. М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Вильно: Губ. тип., 1910. – 38 с.

444 Миловидов, А.И. Сборник статей по истории церкви / А.И. Миловидов. – Вильно: тип. А. Сыркина, 1899. – 114 с.

445 Миловидов, А.И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений / А.И. Миловидов. – Вильно: Русский почин, 1904. – 39 с.

446 Минкявичюс, Я. Религия и церковь в национальной жизни народа / Я. Минкявичюс // Наука и религия. – 1982. – № 12. – С. 31–33.

447 Минкявичюс, Я.В. Католицизм и нация / Я.В. Минкявичюс. – М.: Мысль, 1971. – 285 с.

448 Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. – СПб.: Индрик, 1999. – 946 с.

449 Мірановіч, Я. Гістарычныя падставы польска-беларускіх стэрэатыпаў / Я. Мірановіч // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 123–126.

450 Мосолов, А.Н. Виленские очерки 1863 – 1865 г. (Муравьевское время) / А.Н. Мосолов. – СПб. – 1898. – 253 с.

451 Мосолов, А.Н. Виленские очерки. 1863 – 1865 гг. / А.Н. Мосолов // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 11. – С. 95–129.

452 Муравьев, М.Н. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа / М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1883. – Т. 36. – С. 395–407.

453 Мюллер, Л. Владимир Соловьев и католицизм / Л. Мюллер // Славяноведение. – 1996. – № 2. – С. 48–53.

454 Народное образование в Виленском учебном округе. – Вильна: Губ. тип., 1902. – № 3. – 194 с.

455 Народное образование в Виленском учебном округе. – Вильна: Губ. тип., 1902. – № 4. – 206 с.

456 Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / пад рэд. М. Касцюка [ды інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 547 с.

457 Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / пад рэд. С.А. Умрэйкі. – Мінск: Народная асвета, 1986. – 624 с.

458 Начальное обучение. – СПб, 1886. – 124 с.

459 Наша Ніва. – 1907. – № 5. – С. 6–7;

460 Наша Ніва. – 1907. – № 6. – С. 2–3

461 Николаев, К.Н. Восточный обряд / К.Н. Николаев. – Париж: YMCA–Press, 1948. – 314 с.

462 Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.

463 О печатании римско-католического «Катехизиса» на русском языке // Вестник Западной России. – 1865. – Т. 3, кн. 4, от. 4. – С. 94–95.

464 О православной вере и католической ереси. – Пачаев н/В: Почаево-Успенская Лавра, 1905. – 55 с.

465 О служебных правах и преимуществах директоров и инспекторов народных училищ Северо-Западного края // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 18 т. – СПб., 1892. – Т. 8.

466 Обзор Витебской губернии за 1884 год. – Витебск: Губ. тип., 1885. – 84 с.

467 Обзор Минской губернии за 1889 год. – Минск: Губ. тип. – 1890. – 78 с.

468 Обзор Минской губернии за 1900 год. – Минск: Губ. тип. – 1901. – 89 с.

469 Обзор Могилевской губернии за 1900 год. – Могилев: Губ. статис. ком., 1901. – 132 с.

470 Общий свод по империи результатов разработки данных первой всебщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – М.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1905. – Т. 1. – 271 с.

471 Опеля, С. Католичество и православие: история и современность / С. Опеля // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 52–61.

472 Орловский, Е.Ф. Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии: 1831 – 1835 и 1863 – 1865 гг. / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1898. – 31 с.

473 Орловский, Е.Ф. Гродненская старина: в 2 ч. / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1910. – Ч. 1. – 341 с.

474 Орловский, Е.Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1901. – 74 с.

475 Орловский, Е.Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794 – 1900) / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 604 с.

476 О служебных правах и преимуществах директоров и инспекторов народных училищ Северо-Западного края // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 18 т. – СПб., – 1892. – Т. 8.

477 Отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865. – Вильно: Губ. тип., 1865. – 36 с.

478 Отчет о состоянии и деятельности Витебского Свято-Владимирского Братства за 1895 год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 22–24.

479 Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Гродненской губернии Литовской епархии за $189^{2}/_{3}$ учебный год. – Гродна: Губ. тип., 1894. – 62 с.

480 Отчет о состоянии церковно-приходских школ Полоцкой епархии за 1888 – 1889 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 1. – С. 28–29.

481 Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1894 – 1895 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1896. – № 3–11.

482 Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895 – 1896 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1897. – № 4–12.

483 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.

484 Падгайская, Л. Роля паўстанняў 1794, 1830 – 1831 і 1863 – 1864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларускаліцвінскую шляхту / Л. Падгайская // Беларус. гіст. часоп. – 2003. – № 7. – С. 3–10.

485 Паин, Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Панин // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 113–125.

486 Памяти И.П. Корнилова 1811 – 1911 / сб. ст. – СПб.: Глав. управл. уделов, 1911. – 135 с.

487 Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год. – Вильна: Губ. тип., 1864. – 98 с.

488 Памятная книжка Виленской губернии на 1867 год. – Вильна: Губ. тип., 1867. – 117 с.

489 Памятная книжка Виленской губернии на 1869 год. – Вильна: Губ. тип., 1869. –104 с.

490 Памятная книжка Виленской губернии на 1870 год. – Вильна: Губ. тип., 1870. – 114 с.

491 Памятная книжка Виленской губернии на 1873 год. – Вильна: Губ. тип., 1873. – 121 с.

492 Памятная книжка Виленской губернии на 1877 год. – Вильна: Губ. тип., 1876. – 124 с.

493 Памятная книжка Виленской губернии на 1878 год. – Вильна: Губ. тип., 1877. – 116 с.

494 Памятная книжка Виленской губернии на 1880 год. – Вильна: Губ. тип., 1879. – 103 с.

495 Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год. – Вильна: Губ. тип., 1880. – 117 с.

496 Памятная книжка Виленской губернии на 1883 год. – Вильна: Губ. тип., 1882. – 124 с.

497 Памятная книжка Виленской губернии на 1889 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 172 с.

498 Памятная книжка Виленской губернии на 1890 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 293 с.

499 Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. – Вильна: Губ. тип., 1891. – 321 с.

500 Памятная книжка Виленской губернии на 1894 год. – Вильна: Губ. тип., 1893. – 364 с.

501 Памятная книжка Виленской губернии на 1896 год. – Вильна: Губ. тип., 1895. – 342 с.

502 Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год. – Вильна: Губ. тип., 1897. – 289 с.

503 Памятная книжка Виленской губернии на 1900 год. – Вильна: Губ. тип., 1899. – 334 с.

504 Памятная книжка Виленской губернии на 1901 год. – Вильна: Губ. тип., 1900. – 353 с.

505 Памятная книжка Виленской губернии на 1903 год. – Вильна: Губ. тип., 1902. – 342 с.

506 Памятная книжка Гродненской губернии на 1870 год. – Гродна: Губ. тип., 1870. – 204 с.

507 Памятная книжка Гродненской губернии на 1871 год. – Гродна: Губ. тип., 1871. – 198 с.

508 Памятная книжка Гродненской губернии на 1872 год. – Гродна: Губ. тип., 1872. – 213 с.

509 Памятная книжка Гродненской губернии на 1876 год. – Гродна: Губ. тип., 1876. – 235 с.

510 Памятная книжка Гродненской губернии на 1878 год. – Гродна: Губ. тип., 1878. – 247 с.

511 Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. – Гродна: Губ. тип., 1880. – 262 с.

512 Памятная книжка Гродненской губернии на 1885 год. – Гродна: Губ. тип., 1884. – 258 с.

513 Памятная книжка Гродненской губернии на 1889 год. – Гродна: Губ. тип., 1888. – 264 с.
514 Памятная книжка Гродненской губернии на 1891 год. – Гродна: Губ. тип., 1890. – 273 с.
515 Памятная книжка Гродненской губернии на 1894 год. – Гродна: Губ. тип., 1893. – 243 с.
516 Памятная книжка Гродненской губернии на 1896 год. – Гродна: Губ. тип., 1895. – 252 с.
517 Памятная книжка Гродненской губернии на 1898 год. – Гродна: Губ. тип., 1897. – 267 с.
518 Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год. – Гродна: Губ. тип., 1899. – 271 с.
519 Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 год. – Гродна: Губ. тип., 1903. – 266 с.
520 Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. – Гродна: Губ. тип., 1904. – 284 с.
521 Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 год. – Гродна: Губ. тип., 1906. – 293 с.
522 Пастухова, З.А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии / З.А. Пастухова. – Минск: М-во выс., сред., спец. и профес. обр. БССР, 1963. – 86 с.
523 Пашкевич, С. О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия / С. Пашкевич // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 20. – С. 7–8.
524 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. IV. Виленская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1904. – 179 с.
525 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. V. Витебская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 282 с.
526 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 319 с.
527 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXII. Минская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 243 с.
528 Переписка Виленского генерал-губернатора с полицейскими учреждениями о доставлении ведомостей о лицах,

находившихся под надзором полиции // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2783.

529 Переписка Виленского генерал-губернатора с полицейскими учреждениями о поведении римско-католического духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1731.

530 Переписка Виленского епископа с настоятелями костелов по церковно-административным вопросам за 1905 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 454.

531 Переписка Гродненского губернатора с полицейскими учреждениями о появлении в губернии «Общества трезвости» // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 569. – Оп. 6. – Д. 795.

532 Переписка Департамента духовных дел с Виленским генерал-губернатором и Минским губернатором о положении русского языка в костелах губернии // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 826. – Оп. 3. – Д. 119.

533 Переписка Минского губернатора с Виленским генерал-губернатором о положении в губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 45887.

534 Переписка Минского губернатора с уездными исправниками о поведении духовенства в губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2155.

535 Переписка с Белостокским военным начальником и другими о количестве существовавших братств при костелах по Белостокскому уезду // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд. 1. – Оп. 6. – Д. 558.

536 Переписка с Виленским генерал-губернатором о количестве существующих римско-католических храмов, духовенства и по другим вопросам // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 293.

537 Переписка с Виленским генерал-губернатором о положении римско-католического духовенства // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 138. – Д. 34.

538 Переписка с Виленским генерал-губернатором о разрешении отпусков ксендзам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1314.

539 Переписка с Виленским генерал-губернатором о результатах наблюдения полиции за действиями католического духовенства, установлении сроков крестных ходов, составлении ведомости на костелы, в которые необходимо пригласить ксендзов из соседних костелов, и другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2782.

540 Переписка с Виленским епархиальным управлением и Гродненским жандармским управлением о назначении, переводе и увольнении ксендзов от службы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1789.

541 Переписка с Виленским католическим епископом о назначении ксендзов в костелы губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1002.

542 Переписка с Виленским римско-католическим епархиальным управлением о перемещении ксендзов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2004.

543 Переписка с Виленской католической епархией о представлении отпусков ксендзам и выдаче им билетов на поездки в другие губернии по разным делам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1006.

544 Переписка с военным начальником и исправником Сокольского уезда о количестве существовавших братств при костелах // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 795.

545 Переписка с военным начальником и уездным исправником города Пружаны и Виленской римско-католической духовной консистории о количестве существовавших братств при костелах по Пружанскому уезду // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 548.

546 Переписка с военным начальником и уездным исправником города Слонима о количестве существовавших братств при костелах по Слонимскому уезду // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 546.

547 Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения положения // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031.

548 Переписка с главным управлением по делам печати о правилах цензуры и печати // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 793.

549 Переписка с Гродненским губернским статистическим комитетом о доставлении сведений о чиновниках канцелярии Гродненского губернатора // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1448.

550 Переписка с деканами костелов о разрешении отпусков ксендзам и о назначении заместителей из других костелов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2705.

551 Переписка с духовной консисторией о разрешении разным лицам установки крестов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1300.

552 Переписка с католическими деканами о разрешении им совершать крестные ходы и приглашать в большие праздники для оказания помощи в богослужении ксендзов из других приходов на 1886 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1658.

553 Переписка с католическими деканами о разрешении им совершать крестные ходы в оградах вверенных им костелов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2862.

554 Переписка с настоятелями костелов о ремонте Фарного костела в г. Гродно, об утверждении метрических выписей и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 398.

555 Переписка с настоятелями костелов об утверждении выписей из метрических книг, о ремонте костелов и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 429.

556 Переписка с полицейскими учреждениями о составлении списков ксендзов и монахов, состоявших на должности и не имевших постоянных мест службы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 642.

557 Переписка с полицейскими учреждениями об обнаружении в разных волостях тайных школ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2544.

558 Переписка с уездными исправниками и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 853.

559 Переписка с уездными исправниками о доставлении сведений о ксендзах по губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2014.

560 Переписка с уездными исправниками об обнаружении в деревнях тайных школ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2347.

561 Переписка с уездными исправниками об обнаружении тайных школ в губернии // Национальный исторический ар-

хив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2109.

562 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении в губернии тайных польских школ для обучения детей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1432.

563 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении в губернии тайных польских школ для обучения детей // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1447.

564 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении тайных польских школ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2662.

565 Переписка с уездными полицейскими учреждениями об обнаружении тайных школ для обучения детей польской грамоте // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2653.

566 Переписка с уездными чиновниками об обнаружении в разных деревнях тайных школ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1675.

567 Пивоваров, Д.В. Религия: взаимосвязь натуроцентрической и социоцентрической форм / Д.В. Пивоваров // Религия, общество и государство. – 1991. – № 1. – С. 97–119.

568 Письма К.П. Победоносцева к Александру III // Славянская историческая библиотека [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: http://www.rus-sky.org/library/pobed1.html. – Дата доступа: 07.05.2006.

569 Піваварчык, С. Стэфан Пашкевіч аб «простонародном наречии»: лёс беларускага святара сярэдзіны XIX ст. / С. Піваварчык // Białaruskie zeszyty historyczne. – 1999. – № 11. – S. 179–185.

570 Платонов, В. Ватиканская дипломатия и «польская вера» / В.Платонов // Дипломатия в религии [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://religion.ng.ru/printed/facrs/2002-08-21/1_diplomacy.html. – Дата доступа: 12.02.2006.

571 Погодин, А.Л. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. 1803 – 1903 гг. / А.Л. Погодин. – СПб.: изд. Г.А. Лемака и С.И. Сахарова, 1893. – 142 с.

572 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1830. – Собр. 1-е. – Т. 28. – 1346 с.

573 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц, 1885 – 1913. – Собр. 3.

574 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1830. – Собр. 1-е. – Т. 24. – 1241 с.

575 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1867. – Собр. 1-е. – Т. 40. – 1205 с.

576 Последнее слово о польском вопросе в России. – Берлин, 1869. – 72 с.

577 Программы учебных предметов для церковно-приходских школ, утвержденные Святейшим Синодам. – СПб, 1886. – 124 с.

578 Прокоп, Я. Антирусский миф и польские комплексы / Я. Прокоп // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 30–39.

579 Пространство и население в России в 1905 г. – СПб., 1906. – 141 с.

580 Пуляев, В.Т. Этносы и национальные интересы народов России / В.Т. Пуляев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 18–40.

581 Пучков, П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей / П.И. Пучков // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 51–65.

582 Радван, М. Католическая церковь накануне революции 1917 года: сб. док / М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Катол. Ун-та в Люблине, 2003. – 673 с.

583 Радзік, Р. Рэлігійныя перадумовы фарміравання беларускай нацыі / Р. Радзік // Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 272–279.

584 Разенфельд, У. Асноўныя параметры нацыянальнай самасвядомасці палякаў Гродзеншчыны / У. Разенфельд, Г. Шчалбаніна, Г. Кабяк // Дэтэрмінанты грамадскіх працэсаў і нацыянальныя патрэбы людзей: тэматычны зборнік матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Брэст, 21–22 вер. 2000 г. / Брэсц. дзярж. ун-т; пад рэд. С.А. Яскевіча, Т. Крушэўскага. – Брэст, 2001. – С. 23–25.

585 Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73–81.

586 Рапорты уездных исправников о поведении ксендзов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2348.

587 Рапорты уездных исправников о политической благонадежности католического духовенства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд.1. – Оп. 8. – Д. 2838.

588 Рапорты уездных исправников о разрешении принятия в римско-католические монастыри разных лиц, о принятии в христианство евреев, о постройке римско-католических костелов // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 926.

589 Распоряжения графа М.Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863 – 1865 гг. – Витебск: Губ. тип., 1898. – 76 с.

590 Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник. – 1895. – С. 431–439.

591 Римский, С.В. Кофессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия / С.В. Римский // Вопрося истории. – 1998. – № 3. – С. 37–46.

592 Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России, или объяснения 4-ой заповеди господней, касательно начальства и его власти. По изданию Виленским римско-католическим епископом Красинским, перевел с польского минский декан ксендз Сенчиковский. – Вильно: Губ. тип., 1871. – 16 с.

593 Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И.В. Чуркиной. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 264 с.

594 Ромер, М. Поляки / М. Ромер // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия; под ред. А.И. Кастелянского. – СПб, 1910. – С. 356–382.

595 Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. – СПб., 1905. – 974 с.

596 Россия, Польша и Германия в европейской и моровой политике XVI – XX вв. – М., 2002. – 314 с.

597 Роцька, Н.А. Колькасць, склад і становішча чыноўнікаў Беларусі, што займаліся вучэбнай і выхаваўчай дзейнасцю (60 – 90-я гг. XIX ст.) / Н.А. Роцька // Научные труды молодых ученых, аспирантов, студентов: в 3 ч. – Минск, 2001. – Ч. 2. – С. 222–226.

598 Рубакин, Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (на основании официальных и научных исследований) / Н.А. Рубакин. – СПб.: Вестник Знания, 1912. – 537 с.

599 Рубинштейн, Е.И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX – начале XX в. / Е.И. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1953. – 254 с.

600 Рубинштейн, С.Р. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малоруссии за 240 лет с 1652 по 1892 год / С.Р. Рубинштейн. – Вильно: Губ. тип., 1894. – 918 с.

601 Рункевич, С.Г. Краткий историчекий очерк столетия Минской епархии / С.Г. Рункевич. – Минск: тип. Б. Соломонова, 1893. – 128 с.

602 Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX веке / С.Г. Рункевич. – СПб., 1901. – 218 с.

603 Русско-польские отношения. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1897. – 178 с.;

604 Русско-польские отношения. – Лейпциг, 1895. – 149 с.

605 Русь. – 1883. – № 13. – С. 35–37.

606 Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – 368 с

607 Рябкова, Е.А. Церковное краеведение в Западной Беларуси во 2-й половине XIX – начале XX в. / Е.А. Рябков // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і

супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф.: у 4 ч., Гродна, 3–4 мая 2002 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 2003. – Ч. 2. – С. 16–19.

608 Савицкая, Я. Изображение польских национально-освободительных восстаний в русской поэзии – изменение стереотипов / Я. Савицкая // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 216–225.

609 Самарин, Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России / Ю.Ф. Самарин. – М., 1870. – 279 с.

610 Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 224 с.

611 Самбук, С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати) / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1976. – 364 с.

612 Самодержавие, православие и католицизм // Свет. – 1896. – № 114, 140, 151, 176, 179.

613 Самусік, А.Ф. Дзейнасць манаскіх ордэнаў у галіне асветы на Беларусі ў першай трэці XIX ст. / А.Ф. Самусік // Гісторыя: праблемы выкладання. – 1998. – № 1. – С. 37–47.

614 Самусік, А.Ф. Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у сямідзесятых гадах XVIII – трыццатых гадах XIX ст.: аўтарэф. … дыс. канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.Ф. Самусік; Ін-т гіст. НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – 18 с.

615 Сбор памятников истории и культуры Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1989. – 580 с.

616 Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб., 1893. – Т. 1. – 238 с.

617 Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб., 1897. – Т. 2. – 229 с.

618 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1896. – Т. 12. – 359 с.

619 Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных

губерниях 1863 – 1864 гг. / сост. Н. Цылов. – Вильно: Губ. тип., 1866. – 383 с.

620 Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – 382 с.

621 Сведения к годовому отчету о состоянии губернии за 1866 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 1660.

622 Сведения о количестве утвержденных старшим нотариусом Гродненского окружного суда актов на переход земли от польских землевладельцев к русским // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1032.

623 Сведения о римско-католических костелах и терциарских братсвах в Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7596.

624 Свіб, А.Ф. Палітыка-прававыя сродкі барацьбы царызма супраць польскага уздзеяння і вызваленчага руху на Беларусі ў другой палавіне XIX ст. / А.Ф. Свіб // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1993. – № 1. – С. 31–37.

625 Свод законов Российской империи. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1896. – Т. 11, ч. 1. – 413 с.

626 Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1857–1892. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – 1890. – Ч. 1. – 92 с.

627 Селицкий, А.И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи / А.И. Селицкий // Поляки в России: XVII – XX в.: материалы междунар. науч. конф., Краснодар, 14–15 окт. 2002 г. / Краснодар. гос. ун-т; отв. ред. Г.П. Сарыкин. – Краснодар, 2003. – С. 121–126.

628 Сельверстова-Куль, С. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов (конец XVIII – начало XXв.) / С. Сельверстова-Куль // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 3–17.

629 Семянчук, Г. «Беларусіка» ў фондах галоўнага архіву старажытных актаў у Варшаве / Г. Семянчук // Спадчына. – 1996. – № 2. – С. 155–165.

630 Семянчук, Г. Да гісторыі касцёла ў Шчучыне / Г. Семянчук, І. Халупа // Гарадзенскія запісы: Старонкі гісторыі і культуры. – Гародня, 1997. – Вып. 3. – С. 58–63.

631 Сенькевич, Г.Г. Женские училища и гимназии в Белоруссии во второй половине XIX века / Г.Г. Сенькевич // Вопросы обучения и воспитания школьников. – Минск: Народная асвета, 1971. – 243 с.

632 Скворцов, Н.Г. Этничность и трансформационные процессы / Н.Г. Скворцов // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. – СПб., 1995. – С. 8–24.

633 Славинский, М. Национальная структура России и великороссы / М. Славинский // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия; под ред. А.И. Кастелянского. – СПб, 1910. – С. 277–303.

634 Славянские пилигримы // Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 8–9.

635 Славянский правовой центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rlinfo.ru/rip/2003/litzenberger.html. – Дата доступа: 12.04.2006.

636 Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.

637 Смалянчук, А.Ф. Біскуп Эдвард Роп / А.Ф. Смалянчук // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 3. – С. 108–112.

638 Смалянчук, А.Ф. Касцёл і царква: змаганне за уплыў у другой палове XIX – пачатку XX ст. // Адукацыя і выхаванне. – 1993. – № 3. – С. 94–99.

639 Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905 – 1907 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гародня: Ратуша, 2000. – 204 с.

640 Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 г. / А.Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.

641 Смалянчук, А.Ф. [Рэцэнзія] / А.Ф. Смалянчук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 211–221. – Рэц. на кн.: Kruczkowski, T. Polacy na Białorusi na tle historii i wspólczesnośći / T. Kruczkowski. – Слонім, 2003. – 272 s.
642 Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М.: АН СССР, 1963. – 390 с.
643 Смирнов, П. Церковно-приходская школа. Упадок ее на западе Европы и значение для России / П. Смирнов. – СПб., 1886. – 127 с.
644 Смоленчук, А.Ф. Конституционн-католическая партия Беларуси и Литвы 1906 – 1907 гг. / А.Ф. Смоленчук // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 681–688.
645 Смолич, И.К. История русской церкви. 1700 – 1917: в 2 ч. / И.К. Смолич. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. – Ч. 2. – 300 с.
646 Смяховіч, М.У. Узаемаадносіны самадзяржаўя з каталіцкай царквой на Беларусі (1772 – 1867) / М.У. Смяховіч // Беларус. гіст. часоп. – 1995. – № 1. – С. 45–50.
647 Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
648 Снапкоўская, С.В. Канфесіянальная палітыка ў галіне адукацыі ў Беларусі (60-ыя гг. XIX ст. – 1917 г.) / С.В. Снапкоўская // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 5–6. – С. 106–110.
649 Снытко, Т.С. Русское народничество и польское общественное движение 1865 – 1881 гг. / Т.С. Снытко. – М.: Наука, 1969. – 478 с.
650 Собрание сочинений Градовского. – СПб., 1901. – 635 с.
651 Созонов, М. Историческая записка о Могилевской мужской гимназии за столетний период ее существования. 1809 – 1909 / М. Созонов. – Могилев: Губ. тип., 1909. – 73 с.
652 Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; вступ. ст. В.Ф. Асмуса; примеч. Н.В. Котрелева, Е.Б. Рашковского [и др.]. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – 652 с.

653 Солоневич, Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802 – 1902 / Л. Солоневич. – Гродна: Губ. тип., 1901. – 136 с.

654 Списки заключенных, содержавшихся в Гродненской тюрьме и переписка со следственной комиссией по политическим делам и другими учреждениями об их представлении // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1399.

655 Списки ксендзов Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1792.

656 Списки ксендзов по костелам губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1306.

657 Списки упраздненных костелов, каплиц по Гродненской губернии и переписка с Виленским генерал-губернатором по этому вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1643.

658 Списки участников польского восстания 1863 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1398.

659 Список священных изображений, чествовавшихся в костелах губернии, и переписка с военными начальниками о доставлении об этом сведений // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 634.

660 Сравнение культурных сил русских и поляков. – СПб., 1901. – 174 с.

661 Статистика Российской империи. Волости и гмины 1890 года. XI Гродненская губерния. – СПб.: изд. А.Г. Суворина, 1890. – 149 с.

662 Статистико-экономическое описание Российской империи. Торгово-промышленный адрес-календарь России. – СПб.: изд. А.Г. Суворина, 1893. – 1573 с.

663 Статистический временник Российской империи. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1866. – 537 с.

664 Статистический отчет по губернии за 1867 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 4981.
665 Столпянский, И. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, гегографическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях / И. Столпянский. – СПб., 1866. – 468 с.
666 Студницкий, Вл. Польша в политическом отношении: от разделов до наших дней / Вл. Студницкий. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1907. – 176 с.
667 Ступакевич, М. Политика российского правительства в сфере народного образования в Беларуси после восстания 1863 – 1864 гг. / М. Ступакевич // Шлях да ўзаемнасці=Droga ku wzaemności: матэрыялы X міжнар. навук. канф., Гродна–Мір, 24 кастр. 2002 г. / пад рэд. І. Крэня. – Гродна, 2004. – С. 108–114.
668 Стыкалин А.С. Русские и поляки: стереотипы взаимного восприятия / А.С. Стыкалин // Славяноведение. – 2001. – № 5. – С. 60–76.
669 Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края // Русский вестник. – 1888. – № 8–9.
670 Таблицы и ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по городам и уездам Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 611.
671 Табунов, В.В. Конфессиональная структура населения белорусских земель в конце XIX века / В.В. Табунов // Весн. Магіл. дзярж. ун-та ім. А.А. Куляшова. – 2005. – № 4 (22). – С. 18–24.
672 Табунов, В.В. Политика царского правительства в национально-религиозном аспекте на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX века / В.В. Табунов // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы міжнар. навук. канф., Магілёў, 11–12 снеж. 2003 г.: у 2 ч. / Магіл. дзярж. ун-т; рэдкал.: П.К. Шэнін [і інш.]. – Магілёў, 2004. – Ч. 2. – С. 134–138.
673 Талкачова, С.А. Выхаваўча-адукацыйная дзейнасць сялянскай абшчыны Беларусі (1861 – 1914 гг.) / С.А. Талкачова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2002. – № 3 (25). – С. 135–138.

674 Титов, В.Е. Православие / В.Е. Титов. – М.: Политиздат, 1967. – 350 с.
675 Тихонов, А.К. Власти и католическое население России в XVIII – XIX веках / А.К. Тихонов // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 140–146.
676 Тогулева, Е.Д. Церковно-приходские школы и школы грамоты в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2005. – № 3. – С. 35–38.
677 Токць, С. «Мураўёў-вешальнік» і палітыка Расійскага самаўладства на Беларусі ў сярэдзіне XIX стагоддзя / С. Токць // Гарадзенскія запісы: старонкі гісторыі і культуры. – Гародня, 1993. – С. 80–84.
678 Токць, С.М. Беларуская вёска на мяжы эпох: Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст.) / С.М. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 326 с.
679 Токць, С.М. Даследванні дзяржаўнай адміністрацыяй Гродзенскай губерніі этнічнага складу Сакольскага павета ў другой палове XIX – пачатку XX стст. / С.М. Токць // Białoruskie zeszyty historyczne. – 1998. – № 9. – S. 44–49.
680 Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование: в 2 т. / Д.А. Толстой. – СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876. – Т. 2. – 538 с.
681 Торжество освещения нового здания Гродненской женской гимназии и годичный акт. – Гродна: Губ. тип., 1893. – 57 с.
682 Трацяк, Я. Роля беларускіх святароў у адраджэнні роднай мовы / Я. Трацяк // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры: у 2 ч. – Гародня, 1993. – Ч. 1. – С. 66 – 71.
683 Туронак, Ю. Канфесійная трансфармацыя на Беларусі і нацыянальная самасвядомасць / Ю. Туронак // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 80–86.
684 Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Глава вторая. О нарушениях ограждающих веру постановлений с мотивами, изменениями и добавлениями по закону 17 апреля 1905 г. / под ред Н.С. Таганцева. – СПб, 1906. – С. 136–138.

685 Указ Виленской римско-католической духовной консистории о ремонте костельных зданий от 28 мая 1879 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 276.

686 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1874 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 243.

687 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1883 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 292.

688 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1892 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 347.

689 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1902 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 431.

690 Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислинских по переписи 20-го марта 1880 года. – СПб., 1888. – 455 с.

691 Устав духовных консисторий. – СПб., 1883. – 199 с.

692 Фальборк, Г. Настольная книга по народному образованию / Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1904. – Т. 3. – 193 с.

693 Фалькович, С.М. Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа / С.М. Фалькович // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 99–110.

694 Фёдараў, І. Каталіцызм / І. Фёдараў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 148.

695 Филатова, М.Н. Взгляды на будущее Европы и Польши в произведениях А. Мицкевича и К. Бродзиньского / М.Н. Филатова // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 64–73.

696 Филевич, И.П. Польша и польский вопрос / И.П. Филевич. – М.: Университетская тип., 1894. – 214 с.
697 Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. – СПб.: Общественная польза, 1910. – 413 с.
698 Фрейдзон, В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVII в. – начала XX в. / В.И. Фрейдзон. – Дубна, 1999. – 283 с.
699 Хорев, В.А. Русский европеизм и Польша / В.А. Хорев // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 5–28.
700 Хрестоматия по истории педагогики / сост. Н.А. Желваков. – М., Учпедгиз, 1938. – Т. 4, ч. 2. – 552 с.
701 Хрестоматия по истории Белоруссии: С древнейших времен до 1917 г. / сост.: А.П. Игнатенко, В.Н. Сидорцов. – Минск.: БГУ, 1977. – 546 с.
702 Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель / под ред. С.Н. Валка и В.В. Бедина. – Л., 1956. – 126 с.
703 Церашковіч, П. Палякі і нацыянальная палітыка Расійскай адміністрацыі на Беларусі ў другой палове XIX ст. / П. Церашковіч // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X – XX ст.: матэрыялы міжнар. кругл. стала, Гродна, 28–30 вер. 1999 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.] – Гродна, 1999. – С. 354–357.
704 Церашковіч, П.У. Этна-канфесійная палітыка Расійскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / П.У. Церашковіч // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 655–658.
705 Церковная школа. – 1885. – № 1.
706 Церковная школа. – 1887. – № 2.
707 Церковная школа. – 1888. – № 3. – С. 653–663.
708 Церковные ведомости. – 1902. – № 15–16. – С. 543–549.
709 Церковные ведомости. – 1902. – № 17. – С. 551–559.
710 Церковный вестник. – 1902. – № 22. – С. 743–756.

711 Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки / отв. ред. Н.А. Смирнов. – Москва: Наука, 1967. – 387 с.

712 Цимбаева, Е.Н. Русские католики: смена вер / Е.Н. Цимбаева // Вестник Московского университета. – 1997. – № 6. – С. 23–31.

713 Цимбаева, Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма / Е.Н. Цимьаева. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 184 с.

714 Циркуляры Виленского генерал-губернатора об ограничении прав католического духовенства, о запрещении разговаривать и оформлять документы на польском языке и др. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1180.

715 Циркуляры губернатора о воспрепятствовании Д. Викентию ехать в Санкт-Петербург для подачи императору прошения о восстановлении костела // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1042.

716 Циркуляры губернатора о запрещении католическому духовенству выходить на улицы городов с крестными ходами и переписка с уездными военными начальниками по этому вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 623.

717 Циркуляры Департамента полиции отдельного корпуса жандармов и другими о работе жандармских управлений // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 588. – Оп. 1. – Д. 1.

718 Циркуляры МВД и Виленского генерал-губернатора о порядке выдачи удостоверений содержателям подвижных театров, о заключении в монастырь ксендзов, об усилении надзора за появившимися в продаже портретами царской фамилии и др. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1678.

719 Циркуляры МВД о порядке вызова войск для подавления народных волнений в общественных местах, об отмене подушной подати и другим вопросам // Национальный истори-

ческий архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 44.

720 Циркуляры МВД о порядке срочного передвижения войск, о переселении из губернии лиц, замеченных в политической деятельности и др. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2091.

721 Циркуляры МВД о разрешении разным лицам покупки земли, о запрещении устраивать в учебных заведениях вечера и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031 «а».

722 Циркуляры МВД об утверждении построек новых римско-католических церквей, об установлении новых форм заграничных паспортов и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1226.

723 Цыбенко, Е.З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX в. / Е.З. Цыбенко // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 156–168.

724 Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.

725 Чантурия, В.А. Архитектура Белоруссии конца XVIII в. – начала XIX в. / В.А. Чантурия; под общ. ред. А.И. Воинова. – Минск: Вышэйшая школа, 1962. – 284 с.

726 Чантурия, В.А. Архитектурные памятники Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск: Полымя, 1982. – 223 с.

727 Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии: в 3 т. / В.А. Чантурия. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – Т. 1. – 327 с.

728 Черевин, П. Северо-Западный край. Воспоминания (1863 – 1865) / П. Черевин // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 47–53.

729 Черепица, В.Н. Истоки (очерки из истории русско-белорусск0-польских революционных и культурных связей XIX – начала XX в.) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1991. – 110 с.

730 Черепица, В.Н. …Не потерять связующую нить: История Гродненщины XX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 420 с.
731 Черепица, В.Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч. 1. – 320 с.
732 Черепица, В.Н. Польское национально-освободительное движение в Белоруссии (последняя треть XIX в.): факты, события, комментарии / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1996. – 143 с.
733 Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева виленского // Русский архив. – 1885. – № 6. – С. 160–202.
734 Чихачев, Д.Н. К вопросу о располячении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
735 Шедевры архитектуры рококо: историко-архитерный очерк. – Минск: Полымя, 1991. – 71 с.
736 Шейнман, М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX в. / М.М. Шейнман. – М.: АН СССР, 1958. – 465 с.
737 Шейнман, М.М. Ватикан и польский вопрос в конце XIX – начале XX в. / М.М. Шейнман // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР; отв. ред. Н.П. Красников. – Москва–Ленинград: Наука, 1966. – С. 241–260.
738 Шейнман, М.М. Ватикан и Россия в период между февралем и октябрем 1917 г. / М.М. Шейнман // Вопросы истории религии и атеизма: сб. ст.; редкол.: Н.А. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1958. – С. 71–89.
739 Шейнман, М.М. Католицизм в меняющимся мире / М.М. Шейнман. – М.: Наука, 1975. – 160 с.
740 Шейнман, М.М. От Пия IX до Павла VI / М.М. Шейнман. – М.: Наука, 1979. – 176 с.
741 Ширяев, Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах / Е.Е. Ширяев. – Минск, 1991. – 187 с.
742 Щербицкий, И.В. Воспоминания. Письма к редактору газеты «Северо-Западная жизнь» / И.В. Щербицкий. – Вильна: Губ. тип., 1912. – 135 с.

743 Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1898 – 1989 / П. Эберхардт. – Берасьце: Беларускі фонд Сораса, 1997. – 282 с.

744 Энциклика папы Льва XIII об объединении церквей. – СПб., 1895.

745 Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993 – 2003.

746 Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1864.

747 Яноўская, В. Канфесіянальная палітыка ўлад / В. Яноўская // Гісторыя Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С.179–187.

748 Яноўская, В. Узаемаадносіны «царква–дзяржава» ў Расейскай імперыі на пачатку XX ст. / В. Яноўская // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 117–129.

749 Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863 – 1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.

750 Янушкевіч, Я. На сустрэчы з мінулым / Я. Янушкевіч // Наша вера. – 2002. – № 2. – С. 63–67.

751 Ярашэвіч, А. Пакуты Юравіцкага касцёла / А. Ярашэвіч // Наша вера. – 2003. – № 2. – С. 9–12.

752 Яхимович, З. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX века (по материалам АВПРИ) / З. Яхимович // Европейский альманах. – 1999. – № 4. – С. 94–105.

753 Яцкевіч, З. З гісторыі каталіцтва ў Магілёве / З. Яцкевіч // Chryścijanskaja Dumka. – 1993. – № 2. – С. 48–65.

754 Яшчанка, А.Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: Гісторыка-этнаграфічны нарыс / А.Р. Яшчанка. – Гомель, – 1997. – 80 с.

755 Яшчанка, А.Р. Этнаканфесійны склад насельніцтва г. Гомеля ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А.Р. Яшчанка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1998. – № 1. – С. 86–95.

756 Adamczyk, M. Konstytucje polskie w rozwoju dziejowym 1791 – 1982 / M. Adamczyk, S. Pastuszka. – Warszawa, 1985. – 357 s.
757 Aleksandravičus, E. Carų valdžioje. Lietuva XIX anžiuje / E. Aleksandravičus, A. Kulakauskas. – Vilnius: Baltas lancos, 1996. – 472 s.
758 Alisauskas, V. Ostra brama / V. Alisauskas, T. Raciunaite. – Aidai: Katalikų Akademija, 2003. – 93 s.
759 Ambros, M. Zarys statystyczny szkół wydziału wileńskiego / M. Ambros // Ateneum Wileńskie. – 1939. – R. 14. – S. 145–231.
760 Andrzejewski, R. Na przełomie tysiącileci / R. Andrzejewski. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – 219 s.
761 Andrzejewski, R. Watykan w okresie niewoli Polski / R. Andrzejewski // Na przełome tysiącleci. Księga pamiątkowa z okazji tysiąclecia Państwa Polskiego. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – S. 103–136.
762 Archutowski, R. Historia kościoła katolickiego w zarysie / R. Archutowski. – Warszawa: Skład główny G. Gebethnera i Wolffa, 1919. – 291 s.
763 Banaszak, M. Historia kościoła katolickiego: w 5 t. / M. Banaszak. – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1986. – T. 4. – 468 s.
764 Bardach, J. O dawnej i niedawnej Litwie / J. Bardach. – Poznań: UAM, 1988. – 442 s.
765 Bardach, J. Polacy, litewcy a inne narody Litwy historycnej. Próba analizy sistemowej / J. Bardach // Belarus. Lithuania. Poland. Ukraina. The foundations of historical traditions in East Central Europe. – Lublin–Rome, 1999. – 497 s.
766 Bartnik, Cz. Idea polskości / Cz. Bartnik. – Lublin: KUL, 1990. – 272 s.
767 Bazylow, L. Polacy w Petersburgu / L. Bazylow. – Wrocław, 1984. – 507 s.
768 Beauvois, D. Szkolnictwo na ziemiach Litewsko-ruskich 1803 – 1832: w 2 t. / D. Beauvois. – Rzym–Lublin: KUL, 1991. – T. 2. – 473 s.
769 Bednarski, S. Upadek i odrodzenie szkól jezuickich w Polsce / S. Bednarski. – Kraków, 1933. – 241 s.

770 Bender, R. Chrześcijanie w polsckich ruchach demokratycznych XIX stulecia / R. Bender. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1975. – 361 s.

771 Bender, R. Polska mysl chrześcijańska XVIII – XIX wieku / R. Bender. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1971. – 283 s.

772 Bespamiatnych, M. Tożsamość narodowa Polaków pogranicza (na podstawie badań we wsi Nacza obwodu Grodzieńskiego) / M. Bespamiatnych, U. Rozenfeld, H. Szczelbanina // Pogranicze. Studia Społeczne. – Białystok, 1993. – T. 3. – S. 27–35.

773 Bieliński, J. Uniwersytet Wiłeński 1579 – 1831: w 3 t. / J. Bieliński. – Kraków, 1900. – T. 2. – 614 s.

774 Bobowik, A. Problem polskiej świadomości narodowej w szkolnictwie polskim na Grodzieńszczyżnie w okresie tworzenia się państwa polskiego na przełomie XIX i XX w. / A. Bobowik // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 ноябр. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – С. 85–91.

775 Boudou, A. Stolica święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX stuleciu / A. Boudou. – Kraków: wyd. «Księży Jezuitów», 1928. – 680 s.

776 Budziarek, M. Historyczny raptularz. Skice z dziejow Kościoła w Polsce i nie tylko / M. Budziarek. – Wrocław: Pallotinum, 1991. – 247 s.

777 Catalogus ecclesiarum et cleri archidiocesis Vilnensis pro anno damini. – Vilnae, 1939. – 197 s.

778 Chlebowczyk, J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od shylku XVII do początków XX w.) / J. Chlebowczyk. – Warshawa: PWN, 1975. – 452 s.

779 Chłopicki, E. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju / E. Chłopicki. – Warszawa, 1863. – 142 s.

780 Cystersi w Polsce. Praca zbiorowa / pod red. D. Olszewskiego. – Kielce: Jednośċ, 1990. – 254 s.

781 Czarkowski, L. Wilno w latach 1867 – 1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.

782 Czeczott, W. Fryderyk Józefat Żyskar / W. Czeczott. – Warszawa, 1926. – 85 s.

783 Danielou, J. Historia Kościoła: w 5 t. / J. Danielou, H. Marrou. – Warszawa: In-t wyd. Pax, 1984. – T. 5. – 637 s.

784 Debowski, J. Katolicka koncepcja narody na progu XXI wieku / J. Debowski // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў Заходнім рэгіёне Беларусі: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Гродз. дзярж. ун-т ім. Я. Купалы; пад рэд. І.П. Крэня. – Гродна, 1998. – С. 41–47.

785 Drzymała, K. Praca jezuitów polskich nad ludnością wiejshą / K. Drzymała // Nasza przeszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury Katolickiej w Polsce; red. ks. A. Schletz. – Kraków, 1964. – S. 51–77.

786 Duchowieństwo polskie wobec sprawy narodowej. – Paryż: druk. Renou et Maulde, 1865. – 279 s.

787 Duchowieństwo rzymsko-katolickie. – Warszawa, 1906. – 163 s.

788 Dwór polski w XIX wieku. Zjawisko historyczne i kulturowe: materiały seminarium Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Kielce, marzec 1986 r. / pod red. J. Baranowskiego. – Warszawa: Stowarzyszenie Historyków Sztuki, 1992. – 348 s.

789 Dylągowa, H. Duchowieństwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764 – 1864) / H. Dylągowa. – Lublin: KUL, 1981. – 200 s.

790 Dziennik Poznański. – 1883. – № 12. – С. 32–35.

791 Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.

792 Dzwonkowski, R. Stan badań nad historią kościoła i życiem religijnym katolikow obrządku łacińskiego w ZSSR (1917 – 1990) / R. Dzwonkowski // Znaki czasu. – 1991. – № 24. – S. 114–133.

793 Eberhard, P. Wiek XX. Przemiany narodowościowe w Europie Środkowo-Wschodniej / P. Eberhard // Obóz. – 2000. – № 37. – S. 21–51.

794 Eberhard, P. Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie / P. Eberhard. – Warszawa: PWN, 1998. – 326 s.
795 Eberhard, P. Problematyka narodowościowa Białorusi w XX wieku / P. Eberhard // Bialoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości w świetle spisów statycznych XIX – XX w.: materialy z międzynarodowej konferecji «Samoidentyficacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej», Lublin, 19–21 paźdz. 1993 r. / Katolicki Uniwersytet Lubelski; red. nauk. J. Skarbek. – Lublin, 1996. – S. 5 – 9.
796 Edukacja historyczna społeczeństwa polskiego w XIX wieku / pod red. J. Maternickiego. – Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1981. – 411 s.
797 Encyklopedia katolicka. T. I–X. Krzyskowski – Lozaj. – Lublin: KUL, 1989–2004.
798 Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564 – 1995. – Kraków: WAM, 1996. – 882 s.
799 Encyklopedja kościełna. T. I–XXVII. Strzempiński – Szpaderski. – Warszawa: druk. Czeruńskiego i Spółki, 1873–1904.
800 Feliński, Z.S. Pamiętniki / Z.S. Feliński; oprac. E. Kozlowski. – Warszawa, 1986. – 485 s.
801 Gach, P.P. Cystersi i cysterki na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska 1773 – 1914 / P.P. Gach // Historia i kultura cystersów w dawnej Polsce i ich europejskie związki. – Poznań, 1987. – S. 515–543.
802 Gach, P.P. Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska 1773 – 1914 / P.P. Gach. – Lublin: KUL, 1984. – 254 s.
803 Gach, P.P. Mienie polsckich zakonów i jego losy w XIX wieku / P.P. Gach. – Rzym, 1979. – 82 s.
804 Gach, P.P. Przyczyny i zakres kasat zakonnych na ziemiach polsckich w koncu XVIII i w XIX wieku / P.P. Gach // Biuletyn Lubelskiego Towarzystwa Naukowego. Humanistyka. – 1980. – № 1. – S. 39–47.
805 Galka, B. Represje carskie wobec ziemian Kresów Wschodnich w ruchu niepodleglościowym w II połowie XIX i na początku XX wieku / B. Galka // Ziemiaństwo a ruchy

niepodleglościowe w Polsce XIX – XX wieku; pod red. W. Cabana, M.B. Markowskiego. – Kielce, 1994. – S. 79–88.

806 Gellner, E. Nations and Nationalism / E. Geliner. – Oxford, 1983. – 472 s.

807 Gimek, J. Nawiedzenie obrazu Matki Bożej Częstochowskiej w rodzinach na przykladzie parafii Gorków w diecezji lubelskiej / J. Gimek // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 100–121.

808 Gireń, R. Oczyścić od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 1–2. – S. 24–28;

809 Gireń, R. Oczyścić od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 3–4. – S. 17–20.

810 Giżycki, J.M. [Wołyniak] Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J.M, Giżycki [Wołyniak]. – Kraków: druk. W.L. Anczyc, 1905. – 288 s.

811 Giżycki, J.M. [Wołyniak] Spis szkół średnich na Litwie i Rusi, zniszczonych przez rząd rosyjski / J.M. Giżycki [Wołyniak] // Polska w kulturze powszechnej.–Kraków, 1918. – S. 413–419.

812 Giżycki, J.M. [Wołyniak]. Wykaz klasztorów dominikańskich prowincji ruskiej / J.M. Giżycki [Wołyniak]. – Kraków: nakł. OO. Dominikanów, 1923. – Cz. 2. – 400 s.

813 Gołba, H. Katolicyzm w życiu naszego narodu / H. Gołba // Sodalis marianus. – 1932. – Z. 5. – S. 141–146.

814 Gowin, J. Kościoł w czasach wolności 1989 – 1999 / J. Gowin. – Kraków: Znak, 1999. – 475 s.

815 Grabowski, B. Pięćsetletnie dzieje Kościoła i klaztoru na Jasnej Górze na rok jubileuszowy 1882 w krótkości zebrane przez Częstochowa / B. Grabowski. – Warszawa, 1882. – 73 s.

816 Hagiografia polska. Słownik bio-bibliograficzny: w 2 t. – Poznań: księgarnia św. Wojciecha, 1971–1972.

817 Historia katolicyzmu społecznego w Polsce / red. Cz. Strzeszewski, R. Bender, K. Turowski. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1981. – 348 s.

818 Hobsbawm, E.J. Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality / E.J. Hobsbawm. – Cambridge, 1990. – 425 s.

819 Hołodok, S. Źródła do dziejów liturgii sakramentów w diecezji Wileńskiej w XVI – XVIII w. / S. Hołodok // Studia teologiczne. – 1983. – № 1. – S. 195–221

820 Horoszkiewicz, R. Szlachta zaściankowa na ziemiach wschodnich / R. Horoszkiewicz. – Warszawa, 1936. – 264 s.

821 Jabłońska-Deptuła, E. Katolicyzm łaciński w Imperium Rosyjskim w XIX wieku / E. Jabłońska-Deptuła // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI – XX w.); pod red. J. Bardacha. – Warszawa: Upowszechnianie nauki Oświata "UNO", 1997. – S. 270–276.

822 Jabłońska-Deptuła, E. U genezy myśli niepodległościowej XIX wieku / E. Jabłońska-Deptuła // Folia Societatis Scientiarum Lubliniensis. – 1981. – Vol. 23. – S. 35–40.

823 Jabłońska-Deptuła, E. Religijność i patriotyzm doby powstań / E. Jabłońska-Deptuła // Uniwersalizm i swoitość kultury polskiej / pod red. J. Kłoczowski. Lublin, 1990. – T. 2. – S. 107–123.

824 Jankowski, Cz. W ciągu dwóch lat / Cz. Jankowski. – Warszawa, 1908. – 173 s.

825 Jaśkiewicz, L. Administracja carska wobec dążeń narodowych i regionalnych na Litwie w końcu XIX w. / L. Jaśkiewicz // Centrum i regiony narodowościowe w Europie od XVIII do XX wieku / pod red. E. Wiśniarskiego. – Łódź, 1988. – S. 97–119.

826 Jaśkiewicz, L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz. – Pultusk: Wyższa Szkola Humanistyczna w Pultusku, 2001. – 219 s.

827 Jaśkiewicz, L. Litwini, Polacy i Rosja w memoriale general-gubernatora wileńskiego ks. Piotra Siviatopolka-Mirskiego / L. Jaśkiewicz // Przegląd Humanistyczny. – 1995. – № 2. – S. 23–29.

828 Jaśkiewicz, L. Polityka narodowościowa caratu w świetle raportów gene-ralów-gubernatorów wileńskich z początku XX w. / L. Jaśkiewicz // Dzieje Najnowsze. – 1998. – T. 30, z. 3. – S. 17–32.

829 Jaśkiewicz, L. Polskość i katolicyzm na Białorusi w świetle raportów gubernatorów rosyjskich z przełomu XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej / pod red. G. Kotlarskiego, M. Figury. – Poznań, 1999. – S. 112–134.

830 Jaśkiewicz, L. Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w XIX w. / L. Jaśkiewicz. – Poznań, 1983. – 352 s.

831 Jelski, A. Dzieje dyecezyi Mińskiej w zarysie. – Mińsk: druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.

832 Jondek, F. Cwiczenia duchowne czyli lekarstwo niebieskie dla czlowieka / F. Jondek. – Kraków, 1883. – 179 s.

833 Jurkowski, R. Edward Ropp jako biskup Wileński 1903 – 1907 / R. Jurkowski // Studia teologiczne. – 1990. – № 8. – S. 205–281.

834 Kabzińska, I. Wśród «kościelnych polaków». Wyznaczniki tożsamości etnicznej (narodowej) polaków na Białorusi / I. Kabzińska. – Warszawa: Instytut archealogii i etnologii Polskiej Akademii Nauk, 1999. – 207 s.

835 Kaczkowski, J. Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach r. 1831 i 1863 / J. Kaczkowski. – Warszawa, 1918. – 174 s.

836 Kassabuła, T. Problem reorganizacji szkolnictwa średnego w diecezji Wileńskij w czasach Komisji Edukacji Narodowej / T. Kassabuła // Studia teologiczne. – 1999. – № 17. – S. 245–263.

837 Katalog prac naukowych powstałych na wyższych uczelniach katolickich w Polsce (1983 – 1986) / red. J. Adamski. – Lublin: wyd. Katolickiego Uniwersytety Lubelskiego, 1989. – 139 s.

838 Kavolis, V. Žmogus istorijoje / V. Kavolis. – Vilnius: Samnalis DAL, 1994. – 322 s.

839 Kazanowska, Z. Działalność społeczna bernardynów w II połowie XVIII i w XIX wieku / Z. Kazanowska // Franciszkanie w Polsce XIX wieku. Zakony Franciszkańskie w Polsce / pod zespół. red. J. Kłoczowski, G. Huszał, C.S. Napiórkowski, S. Olczak, R.Prejs. – Niepokalanów, 1996. – T. 3. – S. 129–147.

840 Kieniewicz, S. Historia Polski. 1795 – 1918 / S. Kieniewicz. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1987. – 417 s.

841 Kijas, A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Slownik biograficzny / A. Kijas. – Warszawa: In-t wyd. Pax, 2000. – 514 s.

842 Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach

historycznych. – Kalwaria Zebrzydowska: nakł. OO. Bernardynów, 1985. – 681 s.

843 Klots, P. Litwa – jej mieszkańcy i granice / P. Klots. – Wilno, 1919. – 249 s.

844 Kłoczowski, J. Chrześcijaństwo a historia kultury polskiej / J. Kłoczowski // Znak. – 1978. – № 10–11. – S. 223–236.

845 Kłoczowski, J. Zakony w Polsce (966 – 1972) / J. Kłoczowski // Metody i żródła do badań z historii społecznej XIX i XX wieku. – Lublin: KUL, 1975. – S. 9–36.

846 Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Műllerowa, J. Skarbek. – Kraków: Znak, 1986. – 470 s.

847 Knapiński, W. List do pewnego kapłana katolickiego / W. Knapiński. – Kraków, 1893. – 54 s.

848 Kolbuszewski, J. Kresy / J. Kolbuszewski. – Wroclaw: wyd. EUN, 1995. – 374 s.

849 Kołłątaj, H. Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750 – 1764) / H. Kołłątaj. – Wrocław, 1953. – 162 s.

850 Kopiec, J. Biskup W. Urban (1911 – 1983) – historyk Kościoła / J. Kopiec // Nasza przesłość. – 1984. – № 62. – S. 247–269.

851 Kosman, M. Historia Bialorusi / M. Kosman. – Warszawa: Zakład naradowy imienia Ossolińskich, 1979. – 485 s.

852 Kosman, M. Orzel i Pogoń: Z dziejów polsko-litewskich XVI – XX w. / M. Kosman. – Warszawa, 1990. – 369 s.

853 Kościoł w Polsce: Studia nad historią Kościoła katolickiego w Polsce / pod red. J. Kłoczowskiego. – Kraków: Znak, 1970. – T. 2. – 1113 s.

854 Kościoł w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892 – 1926) / wybór tekstów i opracowanie ks. M. Radwan SCJ. – Warszawa: wyd. SCJ, 1999. – S. 133–229.

855 Kowałówka, L. Z naszej przeszłości misyjnej / L. Kowałówka. – Rzym: wyd. OO Karmelitów Bosych, 1975. – 735 s.

856 Krahel, T. Historiografia (arci)diecezji Wileńskiej do 1939 roku / T. Krahel // Studia z historii Kościola w Polsce. – Warszawa, 1979. – T. 5. – S. 3–179.

857 Krahel, T. Nowy Dwór. Dzieje parafii rzymskokatolickiej 1504 – 2004 / T. Krahel. – Białystok: Kuria Mitropolitalna Białostocka, 2004. – 125 s.

858 Krahel, T. Schematyzmy diecezji wileńskiej jako żródło historyczne / T. Krahel // Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne. – 1979. – T. 38. – S. 109–149.

859 Krahel, T. Szkolnictwo Kościoła Rzymsko-Katolickiego w Wielkim Księstwie Litewskim / T. Krahel // Наш радавод. – 1992. – Кн. 4. – С. 462–469.

860 Krahel, T. Zarys dziejów (Arhi)diecezji Wileńskiej / T. Krahel // Studia teologiczne. – 1988. – № 5–6. – S. 7–73.

861 Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau // Przegląd Wschodni. – 2002. – T. 8, z. 1 (29). – S. 57–74.

862 Kruczkowski, T. Historiograficzne zagadnienia historii i współczesności polskiej mniejszości na Białorusi (wybrane zagadnienia) / T. Kruczkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО “Союз поляков на Беларуси”. – Гродно, 2005. – С. 101–128.

863 Kruczkowski, T. Polacy jako mniejszość narodowa na Białorusi – warunki egzystencji i perspektywy / T. Kruczkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы межд. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 115–139.

864 Krzemieński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemieński. – Lwów: nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.

865 Kubicki, P. Bojownicy kaplani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861 – 1915. Materialy z urzędowych świadectw władz Rosyjskich, archiwow Konsystorskich, zakonnych i prywatnych: w 4 cz. / P. Kubicki. – Sandomierz: nakł. Tlumacza, 1936. – Cz. 2. – 976 s.

866 Kuczyuski, J. Indywidualność i ojczyzna. Filozoficzna problematyka kwestii narodowej / J. Kuczyuski. – Warszawa: wyd. «Niepokolana», 1972. – 243 s.

867 Kumor, B. Historia Kościoła: w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
868 Kumor, B. Kościół i katolicy w cesarstwie rosyjskim. Odrodzenie Kościoła Katolickiego w ZSSR / B. Kumor. – Lublin: KUL, 1993. – 376 s.
869 Kumor, B. Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772 – 1918 / B. Kumor. – Kraków: Polskie Tow-wo Teologiczne, 1980. – 700 s.
870 Kurczewska, I. Naród w socjologii i ideologii polskiej. Analiza porównawcza wybranych koncepcji z przełomu XIX i XX wieku / I. Kurczewska. – Warszawa: PWN, 1979. – 284 s.
871 Kurczewski, J. Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa diecezyi wileńskiej oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych / J. Kurczewski. – Wilno: druk. J. Zawadzkiego, 1912. – 614 s.
872 Kurczewski, J. Kościół zamkowy czyli katedra wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju / J. Kurczewski. – Wilno: nakł. i druk J. Zawadzkiego, 1908. – 333 s.
873 Kurpisowa, G. Poglądy Iwana Aksakowa na kwestię polską / G. Kurpisowa // Zeszyty naukowe wydzialu humanistycznego. Historia. – 1976. – № 6. – S. 28–36.
874 Łaniec, S. Białoruś w drugiej połowie XIX stulecia / S. Łaniec. – Olsztyn, 1997. – 237 s.
875 Lang, W. Nauka czytania i pisma polskiego z przydatkiem nowego katechzmu dla małych dzieci zebrana / W. Lang. – Warszawa, 1870. – 96 s.
876 Leliwa, H. [Tyskiewicz, A.] Zarys stosunków polsko-rosyjskich / H. Leliwa [A. Tyskiewicz]. – Kraków, 1895. – 117 s.
877 Łepkowski, T. O katolicyzmie i kulcie maryjnym w społeczeństwie polskim XIX stulecia / T. Łepkowski // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 40–50.
878 Lewalski, K. Kościoły chrześcijańkie w królestwie Polskim wobec żydów w latach 1855 – 1915 / K. Lewalski. – Wrocław: Fundacja na rzecz nauki Polskiej, 2002. – 348 s.
879 Liebich, A. Pojęcia «Narodu» – między Wshodem a Zachodem / A. Liebich // Obóz. – 1999. – № 36. – S. 15–35.

880 Lukaszewich, J. Historia szkoł w Koronie i w Wielkim księnstwie Litewskim: w 4 t. / J. Lukaszewich. – Poznań, 1852. – T. 4. – 349 s.

881 Mandziuk, J. Zakony w (arhi)diecezji Wileńskiej / J. Mandziuk // Studia teologiczne. – 1987–1988. – № 5–6. – S. 161–201.

882 Mann, M. Sources of social power. The rise of modern nations and classes, 1760 – 1914 / M. Mann. – Cambridge, 1993. – 368 s.

883 Mann, M. The emergence of modern European nationalism / M. Mann // Transition to modernity / ed. by J.A. Hall, I. Jazvie. – Cambridge, 1992. – 523 s.

884 Maroszek, J. Dzieje Polaków i kultury polskiej w Mohylewie i na Mohylewszczyźnie / J. Maroszek // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22-24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 64–101.

885 Martinow, I. O jęnzyku rosyjskim w nabożenstwie katolickim / I. Martinow; pzelozył z francuskigo W. Smoczynski. – Kraków, 1889. – 87 s.

886 Martynowski, Z. Kult Matki Bożej Czeęstochowskiej na Ziemi Kłodzkiej / Z. Martynowski // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 86–92.

887 Morawski, S. Dzieje chrześcijaństwa w Polsce / S. Morawski // Na przełomie tysiącileci. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – S. 7–39.

888 Moskiewskie na Litwie rządy 1863 – 1869. – Kraków: nakl. J. Siedleckiego, 1869. – 394 s.

889 Mościcki, H. Pod berłem carów / H. Mościcki. – Warszawa, 1924. – 236 s.

890 Mróz, M. W kręgu dyplomacji Watykańskiej. Rosja, Polska, Ukraina w dyplomacji Watykańskiej w latach 1917 – 1926 / M. Mróz. – Warszawa: wyd. A. Marszałek, 2004. – 204 s.

891 Mysłek, W. Kościół katolicki i tysiąclecie / W. Mysłek. Warszawa, 1963. – 293 s.

892 Nagrodzki, Z. Rola duhowenstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863 – 1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.

893 Nawicki, I. Książeczka jubileuszowa czyli nauka o odpustach / I. Nawicki. – Wroclaw, 1881. – 74 s.

894 New catholic encyclopedia: 18 t. – Wachington: The Catholic University of America, 1967–1989.

895 Niepokalana: Kult Matki Bożej na ziemiach polsckich w XIX wieku / pod red. B. Pulaka i Cz. Krakowiaka. – Lublin: KUL, 1988. – 783 s.

896 Niesiołowski, A. Katolicyzm polityczny, jego słabość oraz perspektywy / A. Niesiołowski // Przegląd powszechny. – 1937. – № 12 (648). – S. 277–295.

897 Nitecki, P. Biskupi na ziemiach polskich w okresie niewoli narodowej (1772 – 1918) / P. Nitecki // Chrześcijanin w świecie. – 1987. – № 160–161. – S. 154–165.

898 Olszewski, D. Dzieje chrześcijaństwa w zarysie / D. Olszewski. – Kraków: Znak, 1996. – 308 s.

899 Olszewski, D. Piotr Pawel Gach. Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i śląska 1773 – 1914. Lublin, 1984 / D. Olszewski // Nasza przesłość. – 1985. – № 64. – S. 281–284.

900 Olszewski, D. Pobożność pątnica w polskiej kulturze religijnej przelomie XIX i XX wieku / D. Olszewski // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 70–86.

901 Olszewski, D. Polska kultura religijna na przełomie XIX i XX wieku / D. Olszewski. – Warszawa: Znaki czasu, 1996. – 234 s.

902 Olszewski, D. Stan i perspektywy badań nad religijnością XIX i początku XX wieku / D. Olszewski // Nasza Przeszłość. – 1983. – T. 59. – S. 61–72.

903 Olszewski, D. Szkice z dziejów kultury religijnej / D. Olszewski. – Katowice, 1986. – 291 s.

904 Pajączkowski, T. Golgofa polska, czyli św. Krzyż na szczycie Łysej Góry / T. Pajączkowski. – Warszawa, 1906. – 54 s.

905 Państwo, kościół, niepodległość / pod red. J. Skarbeka, J. Ziółka. – Lublin: TN KUL, 1988. – 356 s.

906 Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772 – 1864. Wybór żródeł. – Wrocław: zakł. nar. im. Ossolińskich, 1960. – 645 s.

907 Paszkiewicz, P. W cieniu tronu i ołtarza. Polityka imperialna Rosji i jej aspekty rusyfikacyjne (fazy i przejawy) / P.

Paszkewicz // Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium Rosyjskiego 1772 – 1915: materiały sesji naukowej. – Warszawa: In-t Sztuki PAN, 1994. – S. 7–27.
908 Paszkewicz, P. W służbie imperium rosyjskiego. 1721 – 1917 (funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sokralnej na zachodnich rubeżach cesarstwa i poza jego granicami) / P. Paszkewicz. – Warszawa: PWN, 1999. – 700 s.
909 Pawłowicz, Ed. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1883. – 243 s.
910 Pawłowicz, Ed. Z podróży po Litwie / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1890. – 294 s.
911 Pernot, M. Le Saint-Siege, l'eglise catholiqe et la politique mondiale. – Paris, 1929. – 274 s.
912 Pidlubczak-Majerowich, M. Bazyliane w Koronie i na Litwie. Szkoly i książki w dzialnosci zakonu / M. Pidlubczak-Majerowich. – Warszawa–Wroclaw, 1986. – 224 s.
913 Pietrzak, I.S. Księża powstańcy 1863 r. / I.S. Pietrzak. – Kraków, 1916. – 147 s.
914 Podręczna encyklopedja kościełna: w 44 t. / red. ks. Z. Chełmickiego. – Warszawa–Lublin–Łódź: Skład glówny w księgarni Gebethnere i Wolfa, 1904–1916.
915 Polska i Rossja wobec ostatnich wypadków. – Lwów: nakład drukarni ludowej, 1881. – 128 s.
916 Polski słownik biograficzny. – Kraków: nakład Polskiej Akademji Umiejętności, 1935. – 403 s.
917 Prejs, R. Źródła do dziejów zakonników Królestwa Polskiego po kasacie klasztorów w 1864 r. / R. Prejs // Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelna. – 1997. – T. 67. – S. 329–347.
918 Propolanis, K. Polskie apostolstwo w Litwie (szkic historycny 1387 – 1917) / K. Propolanis. – Wilno: druk M. Kuchty, 1913. – 286 s.
919 Puzynina, G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815 – 1843 / G. Puzynina; oprac. A. Czartowski, H. Mościcki. – Wilno, 1928. – 241 s.
920 Pypin, M. Kwestya Polska w literaturze rossyjskiej / M. Pypin. – Warszawa: nakł. red. «Prawdy», 1881. – 217 s.

921 Radwan, M. Inwentarz materiałów do dziejów kościoła katolickiego w Mińskich archiwach gubernatorskich / M. Radwan. – Lublin: In-t Europy Środkowo-Wschodniej. – 1998. – 300 s.

922 Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza preszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.

923 Radwan, M. Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwach Petersburgskiego Kollegiume Duchownego (1797 – 1914) / M. Radwan. Lublin: TN KUL, 1998. – 307 s.

924 Radzik, R. Ewolucja narodowa społeczności kresów wschodnich / R. Radzik // Kultura i Społeczeństwo. – 1991. – № 2. – S. 48–59.

925 Radzik, R. Formowanie się świadomości narodowej białorusinów / R. Radzik // Przegląd Powszechny. – 1993. – № 1 (857). – S. 79–86.

926 Radzik, R. Między zbiorowościa etniczna a wspólnota narodowa. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie Sklodowskiej, 2000. – 301 s.

927 Radzik, R. Samookreślenie jako element świadomosści etnicznej ludu białoruskiego w XIX wieku / R. Radzik // Przegląd Wschodni. – 1994. – T. 4, z. 3 (15). – S. 611–616.

928 Religia. Encyklopedia PWN: w 9 t. / red. nauk. T. Gadacz i B. Milersk. – Warszawa: PWN, 2001 – 2003.

929 Rerum nowarum // 100 лет социального христианского учения. – М.: Дом Марии, 1991. – С. 7–25.

930 Rogala-Zawadzki, T. Wspomnienia z życia ks. Franizka Rogali-Zawadzkiego (1829 – 1915), ostatniego zakonnika wileńskiej diecezji ze starej generacji / T. Rogala-Zawadzki. – Wilno, 1916. – 125 s.

931 Römer, M. Litwa. Studium odrodzenia narodu litewskiego / M. Römer. – Lwów, 1908. – 238 s.

932 Römer, M. Stosunki etnograficzno-kulturalne na Litwie / M. Römer. – Kraków: Krytyka, 1906. – 194 s.

933 Rudoltowski. Na 500-letni jubileusz obrazu Bogarodzicy na Jasnej Górze w Częstochowie od roku 1382 do roku 1882 / Rudoltowski. – Kraków, 1882. – 93 s.

934 Rzymsko-katolicka diecezja Witebska (Białoruś) / oprac. ks. P. Siołkowski. – Witebsk: wyd. Duszpasterstwa Rolników, 2004. – 182 s.

935 Sadowski, A. Pogranicze Polsko-Białoruskie. Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok, 1995. – 257 s.

936 Sawicka, F. Bibliografia polskich wydawnictw pamiątkowych 1801 – 1914 / F. Sawicka, I. Rupińska. – Wrocław: Sztuka, 1973. – 504 s.

937 Schmidt, W. Geneza prywatne rosyjskej wlasności ziemskiej w gubierniach Wileńskiej, Grodzienskiej i Minskiej (1793 – 1875). Z dodatkiem skorowidza majątków / W. Schmidt. – Warszawa: druk. W. Kirchmayera, 1923. – 346 s.

938 Semenenko, P. Wyższy pogląd na historie Polski. Mysl Boża w jej dziejach / P. Semenenko. – Kraków, 1892. – 169 s.

939 Skarbek, J. Organizacia parafialna w diecezji Wileńskiej w latach 1772/73 – 1914 / J. Skarbek // Studia teologiczne. – 1987–1988. – № 5–6. – S. 118–143.

940 Skarbek, J. W dobie rozbiorów i braku państwowości (1172 – 1918) / J. Skarbek // Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Műllerowa, J. Skarbek. – Kraków, 1986. – S. 203–257.

941 Skirmunt, R. Glos przeszłości i potrzeba chwili. Stanowisko szlachty na Litwie i Rusi / R. Skirmunt. – Lwów: druk. G. Gebethnera i Spółka, 1905. – 126 s.

942 Słownik polskich teologów katolickich: w 4 t. / pod red. ks. H.E. Wyczawskiego OFM. – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1981–1983.

943 Smith, A. The ethnic original of nations / A. Smith. – Oxford, 1986. – 362 s.

944 Smołucha, J. Udział Pielgrzymów z Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego w obchodach średniowiecznych jubileuszów chrześcijaństwa / J. Smołucha // Nasza przesłość. – 2000. – № 93. – S. 5–21.

945 Snyder T. The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus / T. Snyder. – Londan: Yale University Press, 1998. – 367 s.

946 Sowa, K. Losy duchowieństwa polskiego zesłanego na Syberię po powstaniu styczniowym (1840 – 1864) / K. Sowa // Nasza przesłość. – 1992. – № 77. – S. 123–163.

947 Stach, W. Chrzciciele litwy. Udział polskich franciszkanów w nawracaniu ludu litewskiego / W. Stach. – Wilno, 1935. – 318 s.

948 Stankiewicz, A. Rodnaja mowa ū światyniach / A. Stankiewicz. – Wilnia: adbitka z "Chryścijanskaj Dumki", 1929. – 192 c.

949 Stegner, T. Więź wyznaniowa a narodowa / T. Stegner // Наш Радавод. – 1996. – Кн. 7. – С. 110–113.

950 Sto tomów «Naszej przeszłości» (bibliografia, dzieje, ludzie) / red. ks. J. Dakała CM, bp. J. Kopiec. – Kraków: In-t wyd. Księży Misjonarzy «Nasza przesłość», 2003. – 407 s.

951 Stosunki Litewsko-Polskie w djecezyi Wilenskiej i naduzycia partyi wszechpolskiej. – Wilno, 1913. – 147 s.

952 Studia nad historią dominikanów w Polsce 1222 – 1972 / pod red. J.K. Kłoczowskiego. – Warszawa: wyd. Pol. Prowincji Dominikanów, 1975. – T.1. – 702 s.

953 Studnicka, W. Skąd się wzięli polacy na Rusi / W. Studnicka. – Warszawa: wyd. Straży Kresowej, 1919. – 167 s.

954 Studnicki, W. Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru Rosyjskiego / W. Studnicka. – Kraków: G. Gebethner, 1906. – 260 s.

955 Sulowski, Z. Mniejszości w świetle spisów statycznych z przelomu XIX i XX wieku / Z. Sulowski // Bialoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości w świetle spisów statycznych XIX – XX w.: materialy z międzynarodowej konferecji «Samoidentyficacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej», Lublin, 19–21 paźdz. 1993 r. / Katolicki Uniwersytet Lubelski; red. nauk. J. Skarbek. – Lublin, 1996. – S. 5–9.

956 Synowiec, D. Franciszkanie polscy 1772 – 1970 / D. Synowiec // Zakony św. Franciszka w Polsce w latach 1772 – 1970. – Warszawa: ATK, 1978. – Cz. 2. – S. 5–136.

957 Szantyr, St. Wiadomości do dziejów kościoła i religii katolickiej w krajach panowaniu rosyjskiemu podległych: w 2 cz. /

St. Szantyr. – Poznań: wyd. i druk. W. Stefańskiego, 1843. – Cz. 2. – 303 s.
958 Szczepanowski, S. Myśli o odrodzeniu narodowem / S. Szczepanowski; zebrane przez H. Szczepanowską i A. Plutyńskiego pism i przemówień. – Lwów: Tow. Wydawnicze, 1903. – 538 s.
959 Szerejski, M. Narod a panstwo w polskie historycznej / M. Szerejski. – Warszawa, 1977. – 315 s.
960 Sznarbachowski, F. Początek i dzieje rzymsko-katolickiej djecezji Łucko-Żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91–92.
961 Szopa, M. O narodzie polskim na Litwie / M. Szopa. – Warszawa: wyd. Straży Kresowej, 1919. – 214 s.
962 Szwarc, A. Od Wielopolskiego do Stronnictwa Polityki Realnej. Zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycnej (1864 – 1905) / A. Szwarc. – Warszawa. – 1990. – 429 s.
963 Szybiak, J. Skolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim / J. Szybiak. – Wrocław, 1973. – 352 s.
964 Śliwiński, Ar. Powstanie styczniowe / Ar. Śliwiński. – Poznań: skład glówny w Księgarni Naukowej, 1921. – 273 s.
965 Świętochowski, R. Szkolnictwo teologiczne dominikanów / R. Świętochowski // Dzieje teologii katolickiej w Polsce. – Lublin, 1975. – T. 2, cz. 2. – S. 213–284.
966 Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. – Londyn, 1898. – 123 s.
967 Tichomirow, A. Skład wyznaniowy ludności gubernii mińskiej w latach 50 – 60 XIX wieku / A. Tichomirow // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы II междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи. – 2004. – С. 239–250.
968 Tichomirow, A. Struktura wyznaniowa i etniczna gubernii witebskiej w pierwszej połowie lat 60 XIX wieku / A. Tichomirow // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО “Союз поляков на Беларуси”. – Гродно, 2005. – С. 165–183.

969 Tomkiewicz, T. Gdzie i kiedy powstał obraź Madonny Ostrobramskiej / T. Tomkiewicz // Analecta Cracoviensia. – 1978. – № 14. – S. 433–455.

970 Turonek, J. Prorosyjska opcja Białorusi / J. Turonek // Obóz. – 1998. – № 35. – S. 79–86.

971 Twardowski, J. Wizyta jeneralna szkół i zakładów edukacyjnych w gubernii Mińskiej odbyta w roku 1819 / J. Twardowski. – Kraków, 1903. – 352 s.

972 Ulanecki, S. Niepokalana Matka Boża Dziwica Marja na Jasnogórze koroną uwieńczona / S. Ulanecki. – Warszawa, 1867. – 64 s.

973 Urban, W. Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce przed nowym Tysiącleciem (1815 – 1965) / W. Urban. – Rzym, 1966. – 555 s.

974 Ustrzycki, M. Postawy polskich ziemian na kresach wobec Rosji i Rosjan po powstaniu styczniowym (w świetle pamiętników) / M. Ustrzycki // Przegląd Wschodni. – 1999. – T. 8, z. 1 (29). – S. 77–96.

975 Vaičekonis, P. Katalikų dvasininkijos juridinė padėtis XIX a. Lietuvoje / P. Vaičekonis. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1999. – 347 s.

976 Vėbra, R. Lietuvos katalikų dvasininkija ir visuomeninis judėjimas / R.Vėbra. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1968. – 431 s.

977 Vidmantas, E. Katalikų Bažnyčia ir nacionalinis klausimas Lietuvoje XIX a. Antrojoje puseje – XX a. Pradžioje / E. Vidmantas. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1987. – 323 s.

978 Vidmantas, E. Religinis tautinis sąjūdis Lietuvoje (XIX a. antrojoje pusėje – XX a. pradžioje) / E. Vidmantas. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1995. – 402 s.

979 Waldenberg, M. Kwestia narodowa w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje. Idee / M. Waldenberg. – Warszawa: Verbinum, 1992. – 374 s.

980 Walicki, A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziljow filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego / A. Walicki. – Warszawa: Interpress, 1970. – 274 s.

981 Walicki, A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa, 2002. – 312 s.

982 Wanat, B.J. Zakon karmelitów bosych w Polsce. Klasztory karmelitów i karmelitanek bosych 1605 – 1975 / B.J. Wanat. – Kraków: wyd. OO Karmelitów, 1979. – 831 s.
983 Wandych, P.S. The Lands of Partitioned Poland, 1795 – 1918 / P.S. Wandych. – Washington: University of Washington Press, 1984. – 431 s.
984 Wańckowicz, M. Szczenięce lata / M. Wańckowicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.
985 Wapiński, R. Polska i małe ojczyzny Polaków. Z dzejów kształtowania się świdomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej / R. Wapiński. – Wrocław: Zakład naradowy im. Ossolińskich, 1994. – 327 s.
986 Wasilewski, J. Arcybiskupi i administratorowie archidyecezji mohylowskiej / J. Wasilewski. – Pinsk: druk. Diecezjalna, 1930. – 198 s.
987 Wasilewski, L. Kresy wschodnie / L. Wasilewski. – Warzawa: Tow. wyd. w Warszawie , 1917. – 247 s.
988 Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków norodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa – Kijów: wyd. M. Arcta, 1925. – 176 s.
989 Wasiłewski, L. Litwa i jej ludy / L. Wasilewski. – Warszawa: skład glówny w Księgarni Naukowej, 1907. – 154 s.
990 Ważuński, A. Litwa pod względem przesladowania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
991 W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego 1863 – 1903. – Lwów, 1903. – 119 s.
992 Weeks, T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russiftcation on the Western Frontief, 1863 – 1914 / T.R. Weeks. – De Kalb, 1996. – 385 s.
993 Werenicz, W. Historyczne i kulturalne podstawy świadomości narodowej Polaków w Związku Radzieckim (na przykladzie Białorusi) / W. Werenicz // Polacy w kościele katolickim w ZSSR / pod red. ks. E. Walewandra. – Lublin: KUL, 1997. – S. 196–212.
994 Wielgat, D. Bibliografia katolickich czasopism religijnych w Polsce (1945 – 1989) / D. Wielgat. – Lublin:

Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytety Lubelskiego, 1996. – 436 s.

995 Wierzbowski, T. Szkoly parafialne w Koronie i na Litwie czasów Komisji Edukacji narodowej. 1773 – 1794 / T. Wierzbowski. – Kraków, 1921. – 326 s.

996 Wilczewski, W. Zwiastuny powszechnej radości. Ruch budowy kościołów w diecezji wileńskiej w latach 1890 – 1914 / W. Wilczewski. – Białystok, 1995. – 110 s.

997 Winter, E. Russland und das Papstum: 2 bd. / E. Winter. – Berlin, 1960–1961.

998 Włodarczyk, T. Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX wieku / T. Włodarczyk. – Warszawa, 1974. – 287 s.

999 Wojniłłowicz, E. Wspomnienia 1847 – 1928: w 2 cz. / E. Wojniłłowicz. – Wilno, 1931. – Cz. 1. – 349 s.

1000 Wojtkowski, A. Z dziejów szkolnictwa katolickiego dla świeckich (do r.1918) / A. Wojtkowski // Księga tysiąclecia katolicyzmu w Polsce. – Lublin: TN KUL, 1969. – T. 3. – S. 7–95.

1001 Wróbel, P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska / P. Wróbel. – Warszawa, 1990. – 332 s.

1002 X.Y.Z. Поляк русским / X.Y.Z. – СПб., 1902. – 97 s.

1003 Zakony benedyktyńskie w Polsce: Krótka historia. Praca zbiorowa. – Tyniec: nakł. opactwa benedyktynów, 1981. – 323 s.

1004 Zakony św. Franciszka w Polsce w latach 1772 – 1970 : w 3 cz. – Warszawa: wyd. ATK, 1978. – Cz. 2. Franciszkanie i kapucyni. – 262 s.

1005 Zasztowt, L. Kresy. 1832 – 1864: Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej / L. Zasztowt. – Warszawa: In-t Historii Nauki PAN, 1997. – 456 s.

1006 Zasztowt, L. Zsyłka i przesiedlenia ludności polskiej z zachodnich guberni w głąb cesarstwa rosyjskigo po powstaniu styczniowym / L. Zasztowt // Przegląd Wschodni. – 1998. – T. 5, z. 2 (18). – S. 237–262.

1007 Zeinkiewicz, T. Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX wieku (do roku 1921) / T. Zeinkiewicz. – Olsztyn: Wyższa szkola pedagogiczna, 1997. – 273 s.

1008 Zieliński, Z. Kościół i naród w niewoli / Z. Zieliński. – Lublin, 1995. – 294 s.

1009 Zieliński, Z. Religijna i narodowa rola lat świętych w XIX wieku / Z. Zieliński // Rocznik Teologiczno-Kanoniczne. – 1976. – № 23. – S. 35–43.
1010 Ziółek, J. Społeczeństwo litewskie wobec Polskich zrywów niepodległosciowych w XVIII i XIX wieku / J. Ziółek // Roczniki humanistyczne. – 2000. – T. 48, z. 2. – S. 649–658.
1011 Zuckerman, F.S. The tsarist secret police in russian society, 1800 – 1917 / F.S. Zuckerman. – London: Cardner, 1996. – 327 s.
1012 Zukowski, W. Polacy i Białorusini / W. Zukowski. – Wilno: druk E. Nowickiego, 1907. – 176 s.
1013 Związek, J. Katolickie poglądy politycne w Polsce na przełomie XVI i XVIII wieku w świetle kazań / J. Związek. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickego Uniwersytetu Lubelskiego, 1977. – 446 s.
1014 Żabko-Potapowich, A. Stuliecie dzialalności ziemiaństwa polskiego 1814 – 1914 / A. Żabko-Potapowich. – Warszawa, 1929. – 286 s.
1015 Žaltauskaitė, V. Catholicism and nationalism in the views of the younger generation of lithuanian clergy in late-nineteenth and early-twentieth centuries / V. Žaltauskaitė // Lithhuanian historical studies. – 2000. – № 5. – S. 113–130.
1016 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Archidjecezja Mohylowska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1913. – T. 1, cz. 1. – 297 s.
1017 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. I, cz. 2. – 348 s.
1018 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Archidjecezja Mohylowska. Witebszczyzna / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. 1, cz. 3. – 275 s.
1019 Żytko, A. Polityka rosyjska wobec szlachty białoruskiej w latach 1861 – 1914 / A. Żytko // Europa nieprowincjonalna: Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej

(Białoruś, Litwa, Lotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej w latach 1772 – 1999) / pod red. K. Jasiewicza. – Warszawa–Londyn, 1999. – S. 550–559.

1020 Żywczyński, M. Z badań i literatury o Kościele katolickim w Rosji i Królestwie Polskiem w wieku XIX / M. Żywczyński // Nova Polonia Sacra. – 1936. – T. 3. – S. 100–140.

Список публикаций соискателя

1–А Ганчар, А.И. Введение русского языка в римско-католическое богослужение в Беларуси (посл. треть XIX – нач. XX вв.): обзор российской историографии / А.И. Ганчар // Культура, наука, образование в современном мире: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 17–18 мая 2007 г. / Гродн. агр. ун-т. – Гродно, 2007. – С. 79–84.

2–А Ганчар, А.И. История римско-католического костела в Беларуси (посл. треть XIX – нач. XX вв.): обзор литературы дореволюционного периода / А.И. Ганчар // Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2007. – № 2. – С. 29–35.

3–А Ганчар, А.И. Объединения при римско-католических костелах: традиция и современность / А.И. Ганчар // 60-летие образования Гродненской области: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. В.А. Белозорович. – Гродно, 2004. – С. 361–365.

4–А Ганчар, А.И. Положение римско-католических храмов на Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / А.И. Ганчар // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 183–192.

5–А Ганчар, А.И. Положение римско-католического костела на Вороновщине (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) / А.И. Ганчар // З гісторыі краю і лёсаў Воранаўшчыны: матэрыялы навук. гіст.-краязн. канф., Радунь, 11 снеж. 2004 г. / Зэльв. р-ны вык. кам; рэдкал.: Д.С. Аляшкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Ліда, 2006. – С. 168–174.

6–А Ганчар, А.И. Положение римско-католического костела на Зельвенщине (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) / А.И. Ганчар // Славуты Зэльвенскі край: матэрыялы навук. гіст.-краязн. канф. «Старонкі гісторыі Зэльвеншчыны», Зэльва, 12 снеж. 1998 г. / Зэльв. р-ны вык. кам; рэдкал.: Д.С. Аляшкевіч [і інш.]. – Ліда, 2004. – С. 143–147.

7–А Ганчар, А.И. Проблема восприятия римско-католического костела на Беларуси в свете исторических традиций / А.И. Ганчар // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 8–9 дек. 2005 г. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. проф. М.А. Можейко. – Гродно, 2006. – С. 197–200.

8–А Ганчар, А.И. Ретроспективный взгляд на проблему введения русского языка в римско-католическое богослужение (по материалам Гродненской губернии) / А.И. Ганчар // Е.Ф. Карский и современное языкознание: материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. М.И. Конюшкевич. – Гродно, 2005. – Ч. 2. – С. 4–8.

9–А Ганчар, А.И. Римско-католические братства на Беларуси (1865 г. – нач. XX в.) / А.И. Ганчар // Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2005. – № 3. – С. 28–35.

10–А Ганчар, А.И. Римско-католический костел и школы Синода на Беларуси (1864 – 1905 гг.) // Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2006. – № 4. – С. 30–36.

11–А Ганчар, А.И. Римско-католический костел на территории Беларуси в исторической литературе и источниках / А.И. Ганчар // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XII міжнар. навук. канф., Гродна, 11–12 ліст. 2004 г. / Гродз. аблвыканкам; пад рэд. С. Мусіенкі, П. Скрабко. – Гродна. – 2006. – С. 221–229.

12–А Ганчар, А.И. Судьба римско-католических костелов и монастырей на Беларуси в 1864 – 1905 гг. / А.И. Ганчар // Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2006. – № 2. – С. 6–12.

13–А Ганчар, А.І. Дзейнасць каталіцкіх таварыстваў у Гродзенскай губерні (др. пал. ХІХ – пач. ХХ ст.) / А.І. Ганчар // Свежий ветер 2003: сб. науч. работ студ. ГрГУ им. Я. Купалы: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; под ред. А.И. Бутя. – Гродно, 2003.– Ч. 1. – С. 129–134.

14–А Ганчар, А.І. Міжканфесійныя адносіны на тэрыторыі Гродзенскай губерні ў др. пал. ХІХ – пач. ХХ ст. / А.І. Ганчар // Этносоциальные и конфиссиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 15–16 нояб. 2001 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т; под ред. проф. У.Д. Розенфельда. – Гродно, 2001.– Ч. 2. – С. 19–23.

15–А Ганчар, А.І. Праблемы ўзаемаадносін католікаў і праваслаўных на старонках газеты "Наша Ніва" (1906 – 1908 гг.) // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2006. – № 1. – С. 12–16.

16–А Ганчар, А.І. Тайная польская школа і рымска-каталіцкі касцёл у Беларусі (1864 – 1905 гг.) / А.І. Ганчар // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2006. – № 1. – С. 65–72.

17–А Ганчар, А.І. Хрысціянска-каталіцкая канфесія на Гродзеншчыне (70-я – 90-я гады ХІХ ст.) / А.І. Ганчар // Шляхі развіцця інтэлекта і творчасці маладых: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. "Работа з адоранай студэнцкай і вучнёўскай моладдзю: стан, формы і метады, перспектывы развіцця", Гродна, 5–6 мая 2000 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 2001. – С. 374–378.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Динамика процесса перестройки римско-католических храмов в православные церкви

Таблица 1 – Упраздненные в Гродненской губернии римско-католические храмы, с указанием даты и места назначения

Название храма и местности расположения	Дата назначения	Место назначения
1	2	3
г. Гродно		
по-доминиканский гимназический костел	17 сентября 1865 г.	в православную гимназическую церковь
Гродненский уезд		
д. Пригодичи (каплица)	18 апреля 1865 г.	в приходскую церковь Вертелишского прихода
в им. Рудово (каплица)	12 мая 1865 г.	в приходскую церковь Голынского прихода
в м. Великая Берестовица (приходской костел)	1 сентября 1865 г.	в приходскую церковь
в м. Малая Берестовица	19 мая 1866 г.	то же
в им. Понемунь (каплица)	16 сентября 1866 г.	в приходскую церковь Комотовского прихода
в с. Массаляны (каплица)	9 января 1867 г.	в православную церковь Массалянского прихода
Сокольский уезд		
в с. Красный Сток (приходской костел)	22 августа 1866г.	в приходскую церковь
в с. Климово (филиальный костел)	15 октября 1866 г.	в православную приходскую церковь Кузницкого прихода
в с. Шудялово	28 октября 1866 г.	в приписную церковь Островского прихода
в г. Васильков (приходской костел)	28 февраля 1867 г.	в приписную церковь Васильковского прихода
Брестский уезд		
в с. Хлевчицы (каплица)	26 августа 1864 г.	в приписную церковь Половецкого прихода
в м. Рисне (приходской костел)	26 августа 1864 г.	в православную церковь местного прихода
в с. Ставы (приходской костел)	26 августа 1864 г.	в православную церковь местного прихода
в с. Милейчицы (приходской костел)	14 апреля 1864 г.	в православную церковь местного прихода

Продолжение таблицы 1

1	2	3
в м. Волчино (приходской костел)	24 августа 1866 г.	в православную церковь местного прихода
в с. Верховицы (приходской костел)	26 августа 1 864 г.	в приписную церковь Верховитского прихода
в им. Вильяново	10 сентября 1866 г.	в церковь Телятичского православного кладбища
в с. Черновчицы (приходской костел)	21 сентября 1867г.	в приходскую церковь для местного населения
Кобринский уезд		
в м. Бездеж (приходской костел)	4 февраля 1865 г.	в приписную церковь Бездежского прихода
в с. Крупчицы (приходской костел)	24 августа 1866 г.	в православную церковь местного прихода
в с. Збироги (приходской костел)	10 сентября 1866 г.	то же
в м. Дивине (приходской костел)	21 сентября 1866 г.	«»
в м. Городцы (приходской костел)	4 февраля 1865 г.	«»
в с. Брашевичи (приходской костел)	30 октября 1866 г.	«»
в им. Закозельск (каплица)	30 октября 1866 г.	переделана в православную приписную церковь, передана в духовное ведомство
в им. Новосады (каплица)	30 октября 1866 г.	то же
в им. Антополь (каплица)	30 октября 1866 г.	«»
в им. Илоск (каплица)	30 октября 1866 г.	«»
в им.Ляховичи (каплица)	31 мая 1866 г.	«»
в им. Молодов (каплица)	31 мая 1866 г.	«»
в им. Корсуны (каплица)	31 мая 1866 г.	«»
Пружанский уезд		
в г. Пружаны (недостроенный костел)	31 марта 1866 г.	в православную церковь для местного прихода
в им. Картуз Березе (приходской костел)	24 августа 1866 г.	сломлен до основания
в им. Малцевичи (приходской костел)	18 июня 1866 г.	переделан в кладбищенскую церковь Малцевичского прихода
в им. Малой Наревке (филиальный костел)	23 октября 1866 г.	в щенскую церковь Мало-Наревского прихода
в им. Великое Село (филиальный костел)	31 марта 1866 г.	в православную приписную церковь

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Слонимский уезд		
в с. Луконицы (приходской костел)	24 апреля 1866 г.	в приходскую церковь
в с. Рендиво (приходской костел)	16 февраля 1868 г.	то же
в д. Скрунде (приходской костел)	16 февраля 1868 г.	в приходскую церковь Щоролевского прихода
в г. Слоним (приходской костел и монастырь бернардинцев)	27 мая 1866 г.	в приписную церковь Слонимского собора, а монастырские строения отданы православному духовенству
в м. Олышево (каплица)	11 ноября 1865 г.	в приписную церковь Песковского прихода
в с. Рудни (каплица)	18 ноября 1865 г.	в приписную церковь Добромышельского прихода
в с. Новодевятковичи (приходской костел)	2 декабря 1866 г.	в приходскую церковь Стародевятковичского прихода
в м. Деречин (приходской костел)	22 июня 1867 г.	в приходскую церковь
Волковыский уезд		
в им. Верейки (филиальный костел)	28 июля 1866 г.	в приходскую церковь Кузмичского прихода
в м. Лысково (приходской костел)	24 апреля 1866 г.	в приходскую церковь для местного прихода
в м. Яловка (недостроенный костел)	21 мая 1866 г.	в приходскую церковь для местного прихода
в с. Рудня (каплица)	11 ноября 1 866 г.	в приписную церковь Добромышельского прихода
в м. Яловка (приходской костел)	23 марта 1867 г.	в православную церковь
в м. Зельва (приходской костел)	14 сентября 1867 г.	в православную церковь для местного прихода
Белостокский уезд		
в им. Анополь (филиальный костел)	12 ноября 1864 г.	в приписную церковь Грудецкого прихода
Бельский уезд в г. Клещели (приходской костел)	31 мая 1866 г.	по ветхости сломлен до основания
в г. Мельники (приходской костел)	31 августа 1866 г.	в приписную церковь
в с. Дятковичи (приходской костел)	25 мая 1867 г.	в приходскую церковь Журобицкого прихода

Примечание – Списки упраздненных костелов, каплиц по Гродненской губернии и переписка с Виленским генерал-губернатором по этому вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1643. – Л. 8–11.

Таблица 2 – Упраздненные в Минской губернии римско-католические храмы, с указанием даты и места назначения

Название храма и местности расположения	Дата и место назначения
1	2
Минский уезд	
костел в м. Семковом-Городке	в 1866 г. передан в ведение православного духовенства, которым и обращен в Хмарино-Городецкую церковь
костел в с. Холявщин	в 1866 г. обращен в Крестогорскую церковь
костел в м. Заславль	в 1868 г. обращен в Заславльскую церковь
костел в с. Дубров	в 1864 г. обращён в Дубровицкую церковь
костел в м. Ивенц	в 1869 г. обращен в Ивенецкую церковь
костел в м. Ивенц (здание разрушено)	в 1871 г. передан православному духовенству
костел в д. Старинках Ивенецкой волости	в 1867 г. обращен в приписную церковь
костел в м. Рубежевичах	в 1866 г. обращен в Рубежевичскую церковь
костел в м. Столбцах	в 1869 г. обращен в Марии-Магдаленскую церковь
костел в с. Хотов	в 1866 г. обращен в Хотовскую церковь, сгоревшую в 1895 г.
костел в с. Волме	в 1867 г. обращен в Волмянскую церковь закрыта в 1860 г.
каплица в им. Куль	в 1868 г. закрыта
Бобруйский уезд	
каплица в д. Симоновичах	в 1869 г. закрыта
каплица в д. Борисовщине	в 1868 г. закрыт
Борисовский уезд	
костел в с. Гайно-Слободе	в 1864 г. костельные земли переданы в ведение православного духовенства, а здание костела осталось закрытым с 1884 г.
костел в м. Хотаевичах	в 1868 г. обращен в Вилейскую церковь
костел в д. Омнишево	в 1890 г. передан православному духовенству
костел в с. Кемешах	в 1866 г. закрыта

	Продолжение таблицы 2
1	2
каплица в им. Дольцах	в 1866 г. закрыта
каплица в им. Запонь	в 1894 г. закрыта
костел в с. Березине	в 1866 г. закрыта
каплица в с. Рудне	в 1866 г. закрыта
Мозырский уезд	
Кимбаровский женский монастырь в г. Мозыре	в 1888 г. переделан в православную церковь
Кимбаровский мужской монастырь в г. Мозыре	в 1863 г. закрыт и передан в ведение
Пинский уезд	
мариавитский монастырь в г. Пинске	Минского управления земского и государственного имущества, которым в 1903 г. монастырская земля была распродана жителям г. Мозыря, а постройки находились в ведении города
костел в м. Погост-Загородском	в 1856 г. упразднен и передан в ведение казны
костел в м. Столине	в 1864 г. обращен в Погост-Загородскую церковь
Речицкий уезд	
костел в м. Брагин	в 1852 г. обращен в Столинскую церковь
костел в м. Хойниках	в 1865 г. обращен в Тихоновскую православную церковь. Здание это, как видно из хранящегося в церкви документа, было с 1600г. православной церковью, впоследствии церковь была униатской до 1810 г., а в 1814 г. обращена в римско-католический костел, существовавший до 1865 г.
каплица в м. Хойниках	в 1865 г. обращен в Хойникскую православную церковь
костел в им. Солтанаве	в 1865 г. обращена в церковь
костел в с. Заспе	в 1862 г. обращен в церковь
Слуцкий уезд	
костел в г. Несвиже	в 1865 г. обращен в церковь
костел в г. Несвиже	в 1862 г. обращен в православную церковь, лесная площадь передана была в ведение казны, а сенокосные угодья – причту церкви в 1870 г. передан в ведение Министерства народного просвещения, которым костёльное здание было обращено в учительскую семинарию
костел в г. Несвиже	в 1872 г. здание передано в ведение военного ведомства, которым обращен в казармы

Продолжение таблицы 2

1	2
костел в г. Несвиже с монастырем	в 1880 г. упразднены и распроданы частным лицам
костел в м. Ляховичи	в 1867 г. передан в ведение православного духовенства
плебаниальные постройки при Медведичском костеле	
костел в м. Бабовне	в 1886 г. переданы в ведение православного ведомства, а здание костела находилось в пользовании католиков
костел в с. Замостье	в 1866 г. обращен в церковь
костел в м. Грозовее	в 1866 г. передан в ведение православного духовенства
Новогрудский уезд	
монастырское здание в г. Новогрудке	костельное здание являлось древним достоянием православной церкви и находилось в пользовании католиков лишь с 1802 г. по 1866 г.
костел в м. Негневичах	в 1866 г. передан в ведение православного духовенства, в 1864 г. здание передано в пользование
костел в с. Староельне	г. Новогрудка, а принадлежавшие монастырю земли перешли в ведение казны
костел в м. Городище	в 1865 г. обращен в церковь
костел в м. Століовичах	в 1867 г. обращен в церковь
костел в с. Кривошине	в 1868 г. обращен в церковь
костел в д. Липске	в 1867 г. обращен в церковь
костел в с. Задвее	в 1866 г. обращен в церковь
костел в м. Мир	в 1868 г. обращен в церковь
костел в м. Снови	в 1870 г. обращен в церковь
костел в с. Ишкольде	в 1864 г. обращен в церковь (костелу принадлежала также Озеранская лесная дача, перешедшая в ведение казны)
Игуменский уезд	
костел в м. Смиловичах	в 1866 г. обращен в церковь
костел в м. Дукоре	в 1869 г. обращен в церковь
каплица в д. Дворец	в 1867 г. обращена в церковь
г. Минск	в 1865 г. обращен в церковь
бенедиктинский монастырь в им. Гатов	в 1871 г. монастырь со всеми угодьями и строениями, на основании высочайшего повеления 19 февраля 1871 г., передан в ведение православного духовенства, которым обращен в Варваринский православный монастырь
монастырь монахов Бернардинов	в 1864 г. передан в ведение православного духовенства, которым обращен в мужской Свято-Духовский монастырь

Примечание – Дело о закрытии римско-католических костелов и часовен по Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7515. – Л. 25–29.

Таблица 3 – Упраздненные в Витебской губернии римско-католические храмы, с указанием причин и места назначения

Название местности и (или) костелов	Причины упразднения	Назначение костельным землям	Ведомство нахождения
1	2	3	4
г. Витебск Доминиканский	по малочисленности прихожан	–	ксендзов костела св. Антония
Невельский уезд с. Сокольники	вследствие вредного влияния на православное население	–	причта Сокольницкой православной церкви
Себежский уезд с. Слабодинцы	по малочисленности прихожан	–	причта Синозерской православной церкви
Дрисенский уезд с. Лещилово	вследствие вредного влияния на православное население	отдана в арендное содержание	Управление Государственным Имуществом
Люцинский уезд с. Стружаны	по малочисленности прихожан	–	владельцев имения Стружан купцов Дальвиц
с. Райноле	за ветхостью строения	–	Люцинского декана
Лепельский уезд м. Чашники	по малочисленности прихожан	–	Лепельского декана кс. Кереновского
м. Ушачи	то же	–	Ушачского православного причта

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
м. Кубличи	вследствие вредного влияния на православное население	–	Начского православного причта
м. Полюдовичи	то же	–	Начского православного причта
г. Полоцк			
Доминиканский монастырь	по неблагонадежности монахов в политическом отношении	–	Управление государственным имуществом
Мариавитский монастырь	вследствие уменьшения монашествующих	–	то же
Полоцкий уезд			
д. Концевая	вследствие вредного влияния на православное население	–	священника Болонской православной церкви
г. Велиж	по малочисленности прихожан	–	ксендзов упраздненного костела

Примечание – Ведомость управления государственным имуществом о названии и местонахождении упраздненных костелов и их причина // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2514. – Оп. 1. – Д. 2682. – Л. 80–81.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Циркуляр № 509 Виленского римско-католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г.

Церковно-приходские школы и школы грамоты, устраиваемые по своей цели и своим направлениям, программам, по своему управлению и взглядам самих руководителей, преследуют задачи враждебные римско-католической вере. На католическое население они смотрят как на врага государственности. Мы не обращали бы вовсе внимания на эти школы, если бы они преследовали свои цели среди православного населения, чего следовало бы ожидать от них, судя по их названию и что было бы в порядке вещей справедливо и законно. Но кто из нас, пастырей и верных, может оставаться равнодушным зрителем насилия этих школ над католическими детьми в училищах Виленской епархии и то под личиной государственности? Церковно-приходские школы и школы грамоты, заведенные православным духовенством там, где, пожалуй, нет ни одной православной семьи, либо угрожают, либо сбыточными и несбыточными обещаниями принуждают и заманивают к себе католических детей, глумятся над их католическим вероисповеданием и в не знающих начальных истин своей веры мальчиков и девочек впаивают начала и правила православия. Такой образ действий православного духовенства относительно католиков Виленской епархии должен тем самым склонить и пастырей католических к охранению законными мерами своей веры в юном поколении от посягательств православного духовенства. Цель и старания церковно-приходских школ и школ грамоты всем известны и никакой тайны не составляют. Церковно-приходские школы, гласит параграф первый, имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской. Поэтому всякое участие католиков прямым или косвенным образом в деле поощрения и развития этих школ, их посещения католическими детьми равносильно измене и отступлению от римско-католической веры и костела. Эти школы, имея своей прямой задачей подрывать в корне католическую веру в католическом населении, не приносят ему той пользы, какую школа вообще

должна давать своим питомцам, то есть образование, просвещение ума, сообщением ему различных научных сведений соразмерно развитию детей. Церковно-приходские школы и школы грамоты, соответственно своему назначению, есть учреждения чисто религиозные, преследующие не обучение на первом плане, а воспитание в известном направлении и с известной окраской всего в них препадаваемого. Они никоим образом не могут посещаемы католиками без ущерба своей веры. Поэтому католические дети, сознательно посещающие эти школы, а равно и их родители и опекуны, заведомо посылающие детей в эти конфессиональные школы, тем самым свидетельствуют о себе, что они изменяют своим католическим убеждениям и таким образом оказываются недостойными того, чтобы католический костел исполнял им свои духовные требы и наделял благодатью из своих духовных сокровищ.

Церковно-приходские школы и школы грамоты, относясь враждебно к католическому костелу, не менее враждебно смотрят и на нас, католиков, как на фанатических врагов нашего государства, от которых следует избавиться путем прививания юному католическому поколению православия, как единого средства, способного подчинить католиков гражданской власти. Так говорят руководители церковных школ, но чего бы они ни утверждали, мы, однако, заявляем, что мы, католики, исповедуем вселенскую католическую веру, объемлющую весь мир и имеющую своих последователей между всеми народами земного шара, ту веру, которая везде и каждому именем божьим, непогрешимым авторитетом костела, повелевает любить свое отечество, повиноваться своему монарху, проливать кровь за него и за свое отечество и в случае необходимости даже ценою своей жизни.

Принимая во внимание, что церковно-приходские школы и школы грамоты, находящиеся в исключительном ведении православного духовенства, имеют, безусловно, вредное влияние на подрастающее католическое юношество, строжайше предписываем всему духовенству Виленской епархии бдительно следить, чтобы католические дети не посещали указанных школ. В случае обнаружения нарушения подобных фактов, если увещевания и наставления не помогут, повелеваем не давать на исповеди

разрешения от грехов как детям, обучающимся в этих школах, так равно родителям и опекунам, посылающих их туда.

Примечание – Переписка с уездными исправниками и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 853. – Л. 2–4.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Уровень образования и наличие ксендзов-законоучителей в Виленском учебном округе

Таблица 4 – Именной список ксендзов-законоучителей уездных училищ Витебской и Могилевской губерний (1865 г.)

Название училища	Имя и фамилия ксендза-законоучителя	Откуда родом, из какого состояния, возраст	С какого времени на учебной должности	Какое римско-католическое духовное заведение окончил	Сколько получал содержания
1	2	3	4	5	6
Могилевское	Стефан Денисевич	Могилевская губерния, из вольноотпущенных, 28 лет	с 11 августа 1863 г.	Санкт-Петербургская академия	жалованья не получал
Быховское	Франциск Коссинский	Гродненская губерния, из дворян, 46 лет	с 1858 г.	Могилевская семинария	то же
Чаусовское	Франциск Минковский	Гродненская губерния, из дворян, 40 лет	с 1 сентября 1865 г.	Виленская семинария	«»
Климовичское	Иоанн Довгяло	Ковенская губерния, из дворян, 33 лет	с 7 ноября 1864 г.	Минская семинария	«»
Мстиславское	Иоанн Павловский	Гродненская губерния, из дворян, 34 лет	с 14 июня 1858 г.	Минская семинария	«»
Чериковское	Игнатий Чернявский	Витебская губерния, из дворян, 38 лет	с 16 декабря 1855 г.	Могилевская семинария	«»
Рогачевское	Александр Чехович	Ковенская губерния, из дворян, 31 лет	с 23 февраля 1863 г.	Могилевская семинария	«»
Полоцкое	Никодим Боровский	Ковенская губерния, из дворян, 50 лет	–	Могилевская семинария	«»
Невельское	Павел Келпш	Ковенская губерния, из дворян, 62 лет	с 6 августа 1853 г.	Креславская семинария	«»

Продолжение таблицы 4					
1	2	3	4	5	6
Дриссенское	Симон Мисюно	Ковенская губерния, из крестьян, 34 лет	с 10 января 1864 г.	Могилевская семинария	«»
Режицкое	Онуфрий Миодушевский	Ковенская губерния, из дворян, 48 лет	с 22 июня 1863 г.	Креславская семинария	«»
Люцинское	Казимир Стефанович	Ковенская губерния из дворян, 29 лет	с 8 мая 1864 г.	Могилевская семинария	«»

Примечание – Ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 981. – Л. 23–27.

Таблица 5 – Наличие ксендзов-законоучителей в учебных заведениях министерства народного просвещения в Виленской губернии, с указанием даты назначения (1864 – 1903 гг.)

Год	Виленская гимназия	Лидское уездное училище	Ошмянское уездное училище	Трокское уездное училище	Виленская прогимназия	Свенцянская гимназия	Вилейское уездное училище	Дисненское уездное училище	Виленская женская гимназия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1864	–	Лев Наркевич, с 28 сентября 1863 г.	–	–	Фортунат Цехановский	Киприан Жебровский, магистр богословия, с 28 октября 1849 г.	–	–	Константин Бернико-вич
1867	Юлий Наркевич, с 2 августа 1864 г.	То же	Людвиг Коссовский, с 20 октября 1865 г.	Юргелевич, с 3 декабря 1865 г.	–	То же	–	Станислав Немиро, с 20 октября 1865 г.	Станислав Пиотрович, с 1 октября 1864 г.
1869	То же	Викентий Раецкий, с 10 января 1867 г.	То же	Норберт Шукановский, с 13 апреля 1868 г.	Киприан Жебровский, с 1 августа 1868 г.	–	–	То же	То же

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1870	«»	Бронислав Карпович	«»	То же	То же	–	–	«»	«»
1876	Фелициан Бедржинский, кандидат богословия, с 5 мая 1870 г.	То же	Казимир Сайковский, декан, с 3 декабря 1870 г.	Иосиф Адамкович, магистр богословия, с 1 декабря 1871 г.	Михаил Цендзельский, с 7 сентября 1873 г.	Моисей Юсевич, с 17 декабря 1872 г.	–	Кулаковский, с 1 октября 1871 г.	Фелициан Бедржинский, с 24 сентября 1870 г.
1877	То же	Адам Козмян, с 1 августа 1874 г.	То же	То же	–	То же	–	Клавдий Антонович, с 22 ноября 1875 г.	То же
1878	«»	То же	«»	–	Стефан Зверович,	«»	–	Михаил Блогушев – магистр богословия, с 2 апреля 1877 г.	«»
1880	«»	–	«»	–	Андрей Дауго, студент богословия, с 21 октября 1878 г.	«»	–	Антоний Аудыцкий, с 30 сентября 1878 г.	«»

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1881	–	Сильвестр Шмигеро, с 18 октября 1879 г.	«»	Иосиф Карвоский, с 20 мая 1879 г.	То же	«»	–	Бенедикт Шимкевич, с 1 апреля 1880 г.	«»
1887	Иосиф Олехно, магистр богословия, с 1 мая 1881 г.	Константин Сташевский, с 29 сентября 1882 г.	«»	То же	Иоанн Курчевский, магистр богословия, с 18 декабря 1881 г.	«»	–	Петр Валицкий, с 1 декабря 1880 г.	«»
1889	Иоанн Ганусович, кандидат богословия, с 1 ноября 1887 г.	Иосиф Деконис, с 1 августа 1887 г.	«»	«»	Иосиф Олехно, с 1 октября 1887 г.	«»	–	Венедикт Шимкевич, с 29 февраля 1884 г.	Иосиф Олехно, с 1 ноября 1877 г.
1890	То же	То же	«»	«»	То же	«»	–	То же	То же
1892	«»	Иосиф Мекелюнас, с 25 октября 1890 г.	«»	«»	«»	«»	–	«»	«»
1894	«»	Врублевский, с 1 августа 1893 г.	«»	«»	«»	«»	–	«»	«»

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1896	«»	Казимир Станионис, с 9 сентября 1895 г.	«»	«»	Франциск Володько, кандидат богословия, с 1 октября 1895 г.	«»	Федор Петкевич, с 19 февраля 1894 г.	«»	«»
1898	«»	–	«»	«»	То же	«»	То же	Болеслав Соколовский, с 19 ноября 1896 г.	«»
1900	«»	Иосиф Сенкевич, с 16 декабря 1897 г.	«»	«»	«»	«»	«»	–	–
1901	«»	То же	«»	«»	«»	«»	–	–	Франциск Володько, с 16 октября 1899 г.
1903	«»	«»	Феодосий Жилинский, с 14 марта 1902 г.	Иосиф Карвовский, с 1 июля 1901 г.	«»	«»	–	Геогий Мачульский, с 1 июля 1901 г.	То же

Примечание:

1 Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год. – Вильна: Губ. тип., 1864. – С. 55–60, 83.

2 Памятная книжка Виленской губернии на 1867 год. – Вильна: Губ. тип., 1867. – С. 84–105.

3 Памятная книжка Виленской губернии на 1869 год. – Вильна: Губ. тип., 1869. – С. 72–87.

4 Памятная книжка Виленской губернии на 1870 год. – Вильна: Губ. тип., 1870. – С. 80–89, 101.

5 Памятная книжка Виленской губернии на 1873 год. – Вильна: Губ. тип., 1873. – С. 90–97.

6 Памятная книжка Виленской губернии на 1877 год. – Вильна: Губ. тип., 1876. – С. 93–105.

7 Памятная книжка Виленской губернии на 1878 год. – Вильна: Губ. тип., 1877. – С. 95–101, 107–109.

8 Памятная книжка Виленской губернии на 1880 год. – Вильна: Губ. тип., 1879. – С. 83–89.

9 Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год. – Вильна: Губ. тип., 1880. – С. 84–91, 98–100.

10 Памятная книжка Виленской губернии на 1883 год. – Вильна: Губ. тип., 1882. – С. 97–105, 11–113.

11 Памятная книжка Виленской губернии на 1889 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – С. 151–157, 163–166.

12 Памятная книжка Виленской губернии на 1890 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – С. 131–135, 223, 241, 255, 270, 286.

13 Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. – Вильна: Губ. тип., 1891. – С. 134, 136, 140, 235, 250, 265, 280, 296, 313.

14 Памятная книжка Виленской губернии на 1894 год. – Вильна: Губ. тип., 1893. – С. 144, 147, 151, 267, 303, 321, 339, 359.

15 Памятная книжка Виленской губернии на 1896 год. – Вильна: Губ. тип., 1895. – С. 63, 65, 69, 243, 259, 275, 291, 307, 322.

16 Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год. – Вильна: Губ. тип., 1897. – С. 48, 50, 52, 188, 200, 212, 224, 235, 248.

17 Памятная книжка Виленской губернии на 1900 год. – Вильна: Губ. тип., 1899. – С. 67–70, 246, 262, 278, 311, 327.
18 Памятная книжка Виленской губернии на 1901 год. – Вильна: Губ. тип., 1900. – С. 72, 75, 79, 259, 275, 292, 312, 328, 345.
19 Памятная книжка Виленской губернии на 1903 год. – Вильна: Губ. тип., 1902. – С. 67, 69, 74, 245, 260, 277, 296, 312, 330.

Таблица 6 – Наличие ксендзов–законоучителей в средних учебных заведениях Гродненской губернии (1870 – 1906 гг.)

Год	Учебные заведения министерства народного просвещения			Ведомство учреждений императрицы Марии	
	Гродненская классическая гимназия	Белостокская реальная гимназия	Брестская классическая прогимназия	Белостокский институт благородных девиц	Гродненская женская гимназия
1	2	3	4	5	6
1870	Почетный каноник Фелициан Беджинский, окончил Санкт–Петербургскую духовную академию, на службе 19 лет	Константин Берникович, кавалер ордена св. Станислава 3 степени, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 18 лет	Виктор Снигурский, окончил Санкт–Петербургскую духовную академию, на службе 13 лет	Вильгельм Шварц, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 16 ноября 1870 г., на службе 10 лет	–
1871	Почетный каноник Александр Копцегович, окончил Минскую духовную семинарию, на службе с 1864 г.	Вильгельм Шварц, в должности с 19 ноября 1870 г.	–	То же	Александр Копцегович, в должности с 1 февраля 1871 г.
1872	Бронислав Заусцинский, кавалер ордена св. Станислава 3 степени, на службе с 5 июня 1861 г., в должности с 1871 г.	То же	Ипполит Гловацкий, магистр Санкт–Петербургской духовной академии, в должности с 24 августа 1871 г., на службе 15 лет	„”	То же

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6
1876	То же	« »	То же	« »	Бронислав Зауцинский, в должности с 1874 г.
1878	« »	« »	« »	« »	То же
1880	« »	« »	« »	« »	« »
1884	« »	« »	Федор Петкевич, окончил Виленскую семинарию, в должности с 1884 г.	« »	« »
1888	« »	« »	Иоанн Сахарко, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе и в должности с 1887 г.	« »	« »
1890	« »	« »	То же	« »	Юлиан Эллерт, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, на службе 1 год, в должности с 1889 г.

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6
1893	Юлиан Эллерт, в должности с 1891 г.	«»	Иоахим Рачковский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 1 год, в должности с 1893 г.	«»	То же
1895	То же	«»	–	«»	«»
1897	«»	«»	Иоанн Жоховский, окончил Виленскую семинарию, на службе 7 лет, в должности с 1896 г.	«»	«»
1897	«»	«»	Иоанн Жоховский, окончил Виленскую семинарию, на службе 7 лет, в должности с 1896 г.	«»	«»
1899	«»	«»	Павел Станевич, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, на службе 4 года, в должности с 1898 г.	«»	«»

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6
1903	« »	–	–	« »	« »
1904	« »	Федор Бразис–Фрей	Федор Бобнис	« »	« »
1906	« »	То же	Зенон Зелионко	« »	« »

Примечание:

1 Памятная книжка Гродненской губернии на 1870 год. – Гродна: Губ. тип., 1870. – С. 45, 47, 54, 57, 59.

2 Памятная книжка Гродненской губернии на 1871 год. – Гродна: Губ. тип., 1871. – С. 51–52, 61–63.

3 Памятная книжка Гродненской губернии на 1872 год. – Гродна: Губ. тип., 1872. – С. 31, 36, 98, 106, 113.

4 Памятная книжка Гродненской губернии на 1876 год. – Гродна: Губ. тип., 1876. – С. 49, 54, 140, 152, 164.

5 Памятная книжка Гродненской губернии на 1878 год. – Гродна: Губ. тип., 1878. – С. 48, 54, 145, 156, 168.

6 Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. – Гродна: Губ. тип., 1880. – С. 33, 36, 94, 102, 109.

7 Памятная книжка Гродненской губернии на 1885 год. – Гродна: Губ. тип., 1884. – С. 32, 34, 81, 87, 94.

8 Памятная книжка Гродненской губернии на 1889 год. – Гродна: Губ. тип., 1888. – С. 47, 50, 117, 126, 135.

9 Памятная книжка Гродненской губернии на 1891 год. – Гродна: Губ. тип., 1890. – С. 46, 49, 124, 134, 144.

10 Памятная книжка Гродненской губернии на 1894 год. – Гродна: Губ. тип., 1893. – С. 47, 49, 126, 136, 146.

11 Памятная книжка Гродненской губернии на 1896 год. – Гродна: Губ. тип., 1895. – С. 39, 41, 106, 115, 123.

12 Памятная книжка Гродненской губернии на 1898 год. – Гродна: Губ. тип., 1897. – С. 57, 60, 141, 152, 162.
13 Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год. – Гродна: Губ. тип., 1899. – С. 51, 54, 139, 148, 157.
14 Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 год. – Гродна: Губ. тип., 1903. – С. 53–54, 73.
15 Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. – Гродна: Губ. тип., 1904. – С. 35, 37, 61–62.
16 Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 год. – Гродна: Губ. тип., 1906. – С. 39–40, 167, 204.

Таблица 7 – Наличие ксендзов-законоучителей в уездных училищах Гродненской губернии (1870 – 1903 гг.)

Год	Название уездного училища					
	Слонимское	Волковыское	Сокольское	Пружанское	Бельское	Кобринское
1	2	3	4	5	6	7
1870	Игнатий Татур, кандидат богословия, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 32 года, в должности с 1857 г.	Иосиф Абелевич, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, на службе 3 года	Иосиф Куликовский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 3 года	Антон Годзинский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 4 года	Антон Аклинский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 19 лет	Станислав Любатинский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 15 лет
1871	То же	То же	То же	То же	–	Матвей Бродович, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 7 декабря 1870 г.

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7
1872	«»	–	«»	«»	Иван-Чеслав Савицкий, окончил Виленскую семинарию, в должности с 17 марта 1871 г.	То же
1876	«»	Ипполит Маркевич, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе и в должности с 1876 г.	Владислав Юндил, магистр Санкт-Петербургской духовной академии, в должности с 1873 г.	«»	То же	«»
1878	«»	То же	Иосиф Малышевич, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 21 год, в должности с 1875 г.	«»	«»	Иоанн Свирский, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1877 г.
1880	«»	«»	Иван Вальтер, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1879 г.	«»	Иоанн Заленский, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1879 г.	То же

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7
1884	Михаил Масюлис, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе с 1877 г., в должности с 1881 г.	Петр Валицкий, магистр богословия Санкт-Петербургской духовной академии, на службе 30 лет, в должности с 1884 г.	–	–	Иосиф Варпеховский, окончил Виленскую семинарию, в должности с 1882 г.	«»
1888	Иоанн Войделовский, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 1 год, в должности с 1888 г.	То же	Федор Яворский, в должности с 1868 г.	Сигизмунд Цензельский, окончил Санкт-Петербургскую академию, в должности с 1885 г.	То же	–
1890	То же	«»	То же	То же	«»	Казимир Станкевич, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1890 г.
1893	–	Игнатий Григаневич, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 12 лет, в должности с 1892 г.	Юлиан Карпович, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1891 г.	«»	«»	То же

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7
1895	Иосиф Шимкунас, окончил Виленскую духовную семинарию, на службе 8 лет, в должности с 1895 г.	То же	Анзельм Карпович, окончил Виленскую духовную семинарию, в должности с 1894 г.	«»	«»	«»
1897	–	«»	То же	«»	«»	«»
1899	Михаил Рутковский, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, в должности с 1898 г.	«»	«»	«»	«»	«»
1903	То же	«»	–	–	–	–
1904	«»	«»	–	Антоний Сонгайло	Адольф Бильмин	Петр Синицкий
1906	–	«»	–	То же	–	Иоанн Нундевич

Примечание:

1 Памятная книжка Гродненской губернии на 1870 год. – Гродна: Губ. тип., 1870. – С. 48–49, 52–53.

2 Памятная книжка Гродненской губернии на 1871 год. – Гродна: Губ. тип., 1871. – С. 54–59.

3 Памятная книжка Гродненской губернии на 1872 год. – Гродна: Губ. тип., 1872. – С. 38, 54, 63, 72, 81, 90.

4 Памятная книжка Гродненской губернии на 1876 год. – Гродна: Губ. тип., 1876. – С. 56, 78, 92, 104, 117, 130.
5 Памятная книжка Гродненской губернии на 1878 год. – Гродна: Губ. тип., 1878. – С. 56, 81, 94, 108, 122, 135.
6 Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. – Гродна: Губ. тип., 1880. – С. 38, 53, 63, 71, 79, 87.
7 Памятная книжка Гродненской губернии на 1885 год. – Гродна: Губ. тип., 1884. – С. 51, 60, 66, 74.
8 Памятная книжка Гродненской губернии на 1889 год. – Гродна: Губ. тип., 1888. – С. 52, 82, 91, 101, 110 117.
9 Памятная книжка Гродненской губернии на 1891 год. – Гродна: Губ. тип., 1890. – С. 51, 72, 84, 94, 105, 115.
10 Памятная книжка Гродненской губернии на 1894 год. – Гродна: Губ. тип., 1893. – С. 51, 72, 84, 94, 105, 116.
11 Памятная книжка Гродненской губернии на 1896 год. – Гродна: Губ. тип., 1895. – С. 43, 61, 71, 80, 89, 97.
12 Памятная книжка Гродненской губернии на 1898 год. – Гродна: Губ. тип., 1897. – С. 62, 83, 96, 106 118, 129.
13 Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год. – Гродна: Губ. тип., 1899. – С. 56, 85, 97, 108, 119, 129.
14 Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 год. – Гродна: Губ. тип., 1903. – С. 54–56.
15 Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. – Гродна: Губ. тип., 1904. – С. 38–39.
16 Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 год. – Гродна: Губ. тип., 1906. – С. 69, 80, 87, 120, 154.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Время и место проведения крестных ходов в Гродненской губернии (1892 г.)

Таблица 8 – Ведомость костелов Гродненской губернии, имеющих ограды, с указанием приблизительных размеров костелов в квадратных саженях и количества прихожан (1892 г.)

Название костелов	Размер костела в квадратных саженях	Кол-во прихожан	Название праздника	Дата проведения
1	2	3	4	5
Гродненский деканат				
Велико-Эйсмонтовский	80	3605	Св. Иоанна Непомука и Пр. Девы Марии	16 мая и 8 октября
Гожский	70	3635	Св. Петра и Павла	29 июня
Мостовский	63	3275	Св. Иоанна Крестителя	24 июня
Каменский	74	2302	Богоявление Господне	6 января
Квасовский	77	2207	Беспорочное зачатие Пр. Богородицы	8 декабря
Волковысский деканат				
Реплянский	84	3971	Св. Анны	26 июля
Шилевский	81	4750	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Гнезненский	64	1655	Св. архангела Михаила	29 сентября
Пружанский деканат				
Сегневичский	147	5419	Покров Пр. Богородицы (Patrocinium Beatae Mariae)	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Киватичский	49	783	Св. Петра и Павла	29 июня

Продолжение тблицы 8				
1	2	3	4	5
Белостокский деканат				
Гониондский	125	7637	Св. Агнессы	21 января
Ясеновский	107	2615	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Тростянский	107	8560	Св. Петра и Павла	29 июня
Долистовский	102	5403	Св. Лаврентия	10 августа
Туроснянский	72	3600	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Гельчинский	22	1500	Посещение Св. Девой Марией Елизаветы	2 июля
Юхновецкий	96	3062	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Калиновский	49	3269	Св. Анны	26 июля
Березовский	34	1426	Св. Иоанна Крестителя	24 июля
Неводницкий	96	2650	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Добринский	72	5080	Благовещение Пр. Девы Марии	25 марта
Уговский	27	1432	Св. Войтеха	24 апреля
Бельский деканат				
Вышковский	88	1678	Св. Андрея	30 ноября
Лубинский	38	1752	Успения Пр. Богородицы	15 августа
Побикровский	187	1586	Св. Станислава	8 мая
Топчевский	130	4083	Св. Станислава	8 мая
Долубовский	84	2530	Св. Петра и Павла	29 июня
Романовский	43	1661	Св. Дороты	6 февраля
Острожанский	88	3013	Пр. Девы Марии	второе воскресенье октября

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4	5
Перлеевский	117	6092	Преображение Господне	6 августа
Рудковский	107	3131	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Страбельский	56	1467	Вознесение Господне	40 день после православной Пасхи
Виннинский	42	3056	Св. Дороты	6 февраля
Сокольский деканат				
Кундзинский	43	1840	Рождество Пр. Богородицы	8 сентября
Яновский	80	7007	Св. Георгия	23 апреля
Суховольский	171	11556	Св. Петра и Павла	29 июня
Соколянский	62	3624	Преображение Господне	6 августа
Домбровский	71	11022	Пр. Девы Марии	второе воскресенье октября
Одельский	88	5596	Преображение Господне	6 августа
Корицынский	87	7587	Обретение св. Креста	3 мая
Сидранский	80	3710	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Замесянский	88	1286	Пр. Девы Марии	второе воскресенье октября

Примечание – Переписка с Виленским генерал-губернатором о результатах наблюдения полиции за действиями католического духовенства, установлении сроков крестных ходов, составлении ведомости на костелы, в которые необходимо пригласить ксендзов из соседних костелов, и другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2782. – Л. 21–25.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Из рапорта Волковысского уездного исправника Гродненскому губернатору о возведении римско-католических крестов (30 августа 1867 г.)

В то время, когда в Западном крае России, на всем его пространстве безраздельно господствовала одна наша Святая Православная религия, тогда и сам язык, и обычаи, и даже наружный вид страны этой были совершенно сходны с другими губерниями России. Но когда ополячивающий католицизм под предводительством иезуитов и ксендзов вторгся в эти благословенные страны, тогда, вместе с водворением католицизма и польского языка, эти губернии даже и по наружности приняли какой-то особенный нерусский вид от множества поставленных по дорогам польских статуй и крестов, водружаемых не только на всех дорогах, перепутьях, перед селениями, в селениях, но даже и внутри самих городов, чего во всей остальной России нет. Первоначально, при первых здесь подвигах вечно воинствующей католической религии, кресты ставились ксендзами при въезде в те селения, жителей которых им удалось совратить в униатство или католицизм. Это было как бы знаменем торжества католической религии над схизмой и, следовательно, постановление крестов имело цель религиозной демонстрации против православия (правительства). Затем, в особенности в последнее время, постановка таковых крестов приняла размеры уже и противоправительственной демонстрации. Когда в Варшаве в 1862 г. были убиты из числа волновавшейся толпы пять поляков, немедленно после этого здесь, во всех западных губерниях, поляки начали водружать кресты в память убитых бунтовщиков. С особенной торжественностью польские ксендзы совершали процессии к этим крестам, где коленопреклоненная, нафанатизированная ксендзами толпа, вместе с ними молилась за этих убиенных мятежников. В издаваемом Бердичесвкими кармелитами календаре (только недавно запрещенном) даже напечатано: 12 декабря было назначено днем поминовения для этих «святых пяти польских мучеников». Здешний русский народ, находясь под гнетом панов и ксендзов, также привык к

обычаю водружать по дорогам кресты. Для простого народа настоящий смысл постановки этих крестов не был объяснен, их приучали ставить эти кресты под предлогом скорейшего избавления от болезней, неурожая и тому подобных причин. К сожалению, и наше здешнее православное духовенство, малообразованное, обращенное из униатского, еще не сумело отречься от всех польских прежних обычаев, и, несмотря на повелительное строжайшее запрещение водружать по дорогам кресты, вместо того, чтобы закрывать на этот обычай крестьян и тратить деньги на их постановку, убеждать надо крестьян жертвовать на что-либо более полезное: на образ для местного храма (православного – А. Ганчар) или на что-либо надобное. Вот так превращается страна в одно сплошное кладбище, вид которого на русскую душу наводит тоску и уныние. Поставленные где-нибудь при дороге, они, совершенно подгнившие, падают, а другие, часто только одно оставшиеся обезображенное продольное бревно, покачнувшиеся, угрожают падением. Но в одном только Брестском уезде, после запрещения ставить кресты, таковые вновь были воздвигнуты более тридцати по уезду. Нет сомнения, что и везде еще во всех губерниях, при помощи священников, освящающих эти кресты, польско-католический обычай этот, вопреки положительному запрещению, продолжает поддерживаться. Совершенное прекращение этого самоволия может не иначе произойти, как при содействии со стороны римско-католического руководства: посредством нового строгого циркулярного подтверждения священникам. Это, конечно, хотя и лишает их одной из незаконных статей дохода, но эта жертва необходима со стороны их, ввиду общего содействия к приведению этой страны, хотя пока по наружному виду, в сходство с дальней Россией.

Примечание – Дело о запрещении устанавливать кресты на дорогах в Волковысском уезде // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 640. – Л. 13–14.

Научное издание

Ганчар Андрей Иванович

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ В БЕЛАРУСИ (1864 – 1905 гг.)

Монография

Ст. корректор Ж.И. Бородина
Компьютерная верстка: А.И. Ганчар

Подписано в печать 03. 01. 2008.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать Riso. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 14,83.
Тираж 105 экз. Заказ № .

Учреждение образования
«Гродненский государственный аграрный университет»
Л.И. №02330/0133326 от 29.06.2004.
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.

Отпечатано на технике издательско-полиграфического отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
аграрный университет»
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.